

Евгения Духовникова

Синяя рыба

Добрая сказка для
всех, кто любит
волшебные
приключения

Евгения Викторовна Духовникова
Синяя рыба. Хорошая
сказка для всех, кто любит
волшебные приключения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257286

ISBN 9785448524912

Аннотация

Совет Высших на внеочередном заседании приходит к выводу, что количество зла в мире достигло критического уровня. Спасти Вселенную от неминуемой катастрофы может только человек с доброй душой и горячим сердцем. Совет отправляет своего эмиссара, Синюю Рыбу, на Землю, чтобы найти его. Однако слуги тьмы не дремлют. Силы Зла намерены внести свои коррективы в планы Светлых сил.

Содержание

Рыбы в аквариуме	7
Конкурс	19
Вещий сон	32
Черный орел	41
Синяя Рыба	50
Коридор в другой мир	59
Хрустальный Лотос	70
Заседание Совета Высших	84
Солнечная дорожка	93
Трейнс	103
Абсолют	118
Шерри	130
Лунный зайчик	148
Эриус	157
Эссенция Гармонии	174
Энергет	186
Мыльные пузыри	199
Долина Грез	215
Файер	225
Мираж	240
Конец ознакомительного фрагмента.	251

Синяя рыба
Добрая сказка для
всех, кто любит
волшебные приключения

Евгения Викторовна
Духовникова

© Евгения Викторовна Духовникова, 2017

ISBN 978-5-4485-2491-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Совет Высших на внеочередном заседании приходит к выводу, что количество зла в мире достигло критического уровня. Спасти Вселенную от неминуемой катастрофы может только человек с доброй душой и горячим сердцем. Совет отправляет своего эмиссара, Синюю Рыбу, на Землю, чтобы найти его. Однако слуги тьмы не дремлют. Силы Зла намерены внести свои коррективы в планы Светлых сил.

Максим и Вика – самые обыкновенные школьники. У каждого своя жизнь, свои мечты и проблемы. Но волею

судьбы они удивительным образом попадают в Абсолют – волшебную страну, полную тайн и чудес, где живут диковинные существа, где небо меняет цвет, где можно побеседовать со снеговиком, покататься на грифоне и подружиться с лунной, – страну, где стерты границы между сном и реальностью, где нет ничего невозможного. Там испокон веков обитают Высшие, которые присматривают за ходом жизни, там хранится легендарный Хрустальный Лотос, там ребят ждут фантастические приключения, финалом которых станет Великая Битва – битва за мир. Чтобы победить, надо очень постараться.

Только тот, кто владеет Абсолютным оружием, сможет одержать победу. Но *никто* не знает, что станет со Вселенной, если исполнится еще одно, забытое пророчество.

Никто. Даже Синяя Рыба.

* * *

Синяя Рыба?

Что ты знаешь о Синей Рыбе?..

Она живет далеко, но иногда навевается в наш мир. Ее можно встретить звездной ночью на берегу моря, или солнечным днем в весеннем лесу. Она может быть где угодно – в весенней капели, в шелесте листьев, в дуновении ветерка, но она всегда где-то рядом: будь внимательнее. Наберись

терпения. Сосредоточься. Смотри, не отводя взгляд, и, если ты все сделаешь правильно, через некоторое время по поверхности воды пробежит рябь, и, быть может, ты успеешь заметить в игре светотени ее прозрачный силуэт, или даже услышишь в шепоте уходящего дня ее легкое дыхание.

Синяя Рыба одна – но каждый ее увидит такой, какой ожидает увидеть. В разных мирах ее знают под разными именами. Иногда она приходит к нам во сне, но ты просыпаешься – и не можешь ничего вспомнить. Сон растает, как мартовский снег, и только в душе останется смутное ощущение чего-то невероятно доброго, светлого и волшебного.

Я знаю, в это непросто поверить, но Синяя Рыба существует. И ты очень скоро сам в этом убедишься. Не требуй доказательств, не пытайся искать научных подходов, не сомневайся – просто *верь*.

Рыбы в аквариуме

Его звали Смирнов Максим. Почему выбор пал именно на него, до сих пор никто не знает. И вряд ли когда-либо это будет известно наверняка. На этом уже заканчивается *эта* сказка и начинается *другая*. Может, в свое время ты прочтешь и ее. А сейчас – мы здесь для того, чтобы рассказать вам именно Эту историю. Здесь и Сейчас.

Максим был самым обыкновенным мальчиком. Как и все его сверстники, он ходил в школу, в седьмой класс. Как абсолютно все дети, любил мороженое и не любил делать уроки. И как почти все люди, жил в ничем не примечательном, большом и светлом городе, в самом обыкновенном спальном районе, в стандартном многоэтажном доме, в типовой квартире на двадцать шестом этаже. У него были мама, папа и младшая сестренка, которой этой зимой минуло два года. Все, как у людей.

Лишь в одном Максим не был похож на других детей: он очень любил аквариумных рыбок. В то время, как его приятели играли и бегали во дворе, катались на роликах, Максим часами стоял в зоомагазине, возле самого большого аквариума, и наблюдал за кипевшей там жизнью. Его одноклассники все свои карманные деньги тратили на сладости, комиксы и компьютерные игры. Максим же ничего не тратил. Все деньги, которые родители давали ему на карманные рас-

ходы, он складывал в специальную металлическую коробочку, и когда там набиралась необходимая сумма, мальчик шел в зоомагазин и покупал рыбок.

Одни дружески посмеивались над ним, другие откровенно насмехались, но Максим не обращал на все эти колкости никакого внимания: он был счастлив, занимаясь любимым делом, и знал, что никто и ничто на свете не может заставить его бросить свое увлечение.

Тем более что в аквариумных рыбках Максим разбирался не хуже иного специалиста: он прочел все книги на эту тему, которые попадались ему на глаза, он знал наперечет все названия пород рыб и растений, помнил наизусть особенности содержания, вплоть до таких мелочей, как температура и кислотность воды.

Дома у Максима было три аквариума: два маленьких и один большой. В самом маленьком аквариуме обитала стайка неонов и меченосцев. В аквариуме побольше жил большой старый сом. Этот сом был самой первой рыбой, которая появилась у Максима, и он его очень любил. Сом обычно прятался в корягах, которые лежали на дне, так, что было видно только его длинные черные усы, торчавшие наружу.

Самый большой же аквариум стоял пустой. Пока. Его Максим приобрел совсем недавно, и там пока что сидело только несколько улиток-ампулярий, и росли три кустика очень красивого и редкого тропического растения, с широкими, темно-бордовыми листьями, да плавала ряска.

Мальчик еще не решил, кто поселится в большом аквариуме; он копил деньги и думал. В центральном зоомагазине можно было найти какую угодно рыбку: здесь были самые экзотические породы, в том числе выведенные совсем недавно. От этого пестрого, копошащегося разнообразия разбежались глаза. Мальки и взрослые рыбы, глазастые, усатые и хвостатые, красные, желтые, серебристые, был даже один альбинос. Все они, рисуясь, плавали влево и вправо, демонстративно выгибали плавники и беззвучно открывали рты, словно хотели крикнуть: «Выбери меня, ну пожалуйста! У меня самая серебристая чешуя, у меня самый длинный хвост, я самая красивая, я самая редкая!»

Максим приценивался, присматривался, искал.

Пока в один прекрасный день в зоомагазин не привезли *Синюю Рыбу*.

Он не сразу ее заметил. Потому что сначала хотел обойти весь магазин, и еще раз хорошенько рассмотреть все-все, чтобы, не дай бог, не проглядеть ту единственную, ту, которая совсем скоро станет *его* рыбкой. Ведь именно сегодня мальчик решил, наконец, заселить самой большой аквариум, до настоящего времени пустовавший, и поэтому, закусив губу, пристально рассматривал витрины, тщетно пытаюсь остановиться на чем-нибудь. Да, выбор предстоял нелегкий. Хотелось всего и сразу. Но юный аквариумист отлично знал, что нельзя купить сразу всех: у него в аквариуме про-

сто не хватит места, и, потом, некоторые породы рыб в природе – хищники, и подселять к ним кого-либо еще рискованно и даже опасно: такая рыбка может запросто съесть своих менее агрессивных «соседей».

Поэтому он решил не торопиться, и как следует осмотреться. Внезапно краем глаза мальчик заметил в аквариуме справа какое-то движение. Странно, ведь еще вчера он был пуст. Видимо, сегодня утром в него кого-то посадили.

Максим повернул голову. И встретился взглядом с Синей Рыбой.

Ощущение было такое, как будто мощный электрический разряд молнией прошел через все его тело, на миг пригвоздив к земле. Но только на миг, потому что в следующую секунду Максим уже прильнул к стеклу, и, не моргая, во все глаза глядел на эту необыкновенную рыбу. Да, она действительно была *синей*. Ярко-синего цвета, цвета вечернего неба, цвета морской воды в глубоком горном озере, цвета абсолютного счастья.

«Вот это да! – подумал Максим с восхищением. – Какая красивая! Это просто чудо! Мне нужна именно она. В этом не может быть никаких сомнений!»

Рыба, не отрываясь, смотрела на мальчика. Смотрела так, словно хотела что-то сказать ему. Максим моргнул. Глаза щипало от яркого света. Ее контур мутнел и расплзался, словно рыба состояла из сжиженного газа, который постепенно испаряется.

Максим моргнул еще раз. Черный блестящий глаз-бусинка сверлил его строгим внимательным взглядом. В голове мальчика мелькнула невероятная мысль, что она хочет заговорить с ним, но не может, потому что мешает стекло. Она словно ждала от него какого-то знака, чего-то, что он должен, обязан был сделать.

Неожиданно зазвонил телефон. Максим вздрогнул и полез в карман.

– Да, мама?

– Максим, ты где? Опять торчишь в зоомагазине? Немедленно иди домой. Мы пойдем за продуктами, будешь мне помогать.

– Мама, я собираюсь купить рыбку в большой аквариум. Может, за продуктами сходим завтра? Если я не куплю Синюю Рыбу, то ее обязательно заберет кто-то другой. Она одна. Завтра ее уже здесь не будет.

– Что еще за синяя рыба? Опять? Сколько можно покупать рыб? Мало тебе? Да твои аквариумы уже ставить некуда!..

– Мам, ты не понимаешь. Это не просто рыба. Она очень... – Она необыкновенная, – хотел сказать Максим, но голос в телефонной трубке не дал ему закончить.

– Никуда не денется от тебя твоя рыба. Скажи продавцу, чтобы оставили ее для тебя, а завтра придешь и купишь. А сейчас немедленно домой, я тебя жду.

Максим вздохнул, стараясь скрыть раздражение.

– Да, мама.

– Давай быстро.

– Хорошо, иду! – почти крикнул Максим, с досадой засунул телефон в карман, и поднял глаза на Синюю Рыбу. Она медленно плыла вдоль стекла, не обращая на мальчика никакого внимания.

Максим протер глаза руками. Видение рассеялось. Какая чепуха! Рыбы, конечно, умные, но не до такой же степени, чтобы разговаривать! Это в сказках люди могут понимать язык животных и птиц, а Максим был уже достаточно взрослым, чтобы знать наверняка: жизнь – это *не сказка*. Надо же, примерещится же такое!..

Но Максим был упрям и никогда не менял свои решения, а он уже успел решить для себя, что у него обязательно будет эта рыба. Обязательно. И ничто не может этому помешать.

«Ушел. Решил, что ему все почудилось. Этот телефонный звонок все испортил. Еще немного, и он бы поверил. Еще немного, и... Нет. Не-ет! Слишком взрослый. В таком возрасте дети перестают верить в чудеса.

Хотя... Он добрый. Это видно. У него добрые глаза. В них нет даже тени зла. Глаза ребенка, который еще не познал всей жестокости жизни.

Это он. Он *именно тот*, кого мы так долго искали. Наконец-то. Хвала Небесам, я нашла его!».

* * *

Район, в котором жил Максим, был новый, недавно отстроенный, и продовольственных магазинов было немного. Именно поэтому на пустыре через дорогу появилось величественное, помпезное здание универсама. Предполагалось, что в этом универсаме будет продаваться все: от хлеба и молока до зонтиков и автомобилей.

Максим послушно шел за матерью, осторожно ступая по скользкому полу, вымощенному новенькой плиткой, и катил перед собой тележку с продуктами. Крупа, макароны и консервы уже лежали в тележке рядом с пачкой чая и большим пакетом с кукурузными хлопьями. Оставалось купить мясо. И рыбу.

Максим мясо не любил. Ни покупать, ни есть. Поэтому, когда мама направилась в мясной отдел, Максим огляделся по сторонам в поисках чего-нибудь интересного.

Большой рекламный плакат с изображением суперэффективного стирального порошка с ароматом ванили... Высокая стойка с шоколадками... Рыбки в аквариуме...

Рыбки в аквариуме? Здесь?!

Рыбы были огромные, каждая с руку размером. А сам аквариум был просто гигантский – Максим видел такой только однажды, в океанариуме. Однако рыб там было так много, что они с трудом передвигались в воде, задевая друг друга хвостами и плавниками. Максим возмутился. Как можно было посадить столько рыб? Им же тесно и неудобно!

Крупная серая рыбина с раздвоенным плавником печально посмотрела на Максима своими большими черными глазами.

– Рыба? Ты хочешь, чтобы мы купили живую рыбу?

Максим оглянулся и посмотрел на маму.

– Она продается? Я думал, этот аквариум здесь просто для красоты.

– Конечно, продается! Дороговато здесь, но, если хочешь, мы возьмем ее. Мы давно не покупали рыбу, – она окликнула продавца, стоявшего около витрины, – сколько стоит эта рыба?

– Восемьсот пятьдесят килограмм.

Максим подумал, что ослышался. *Килограмм?* Так эта рыба для еды?

– Но ведь она живая! – крикнул Максим. – Как можно продавать живую рыбу?!

– Живая! – Широко улыбаясь, пробасил продавец. – Свежая! Пожалуй, более свежую рыбу трудно найти. Ей полторы тысячи красная цена. У нас еще недорого, мы ведь только открылись. Так что успевайте, пока ее не разобрали. Потом дороже будет.

Максим стоял, не говоря ни слова. Широко распахнутыми от ужаса глазами он смотрел на несчастных рыб, которые плавали в аквариуме. Плавали, зная, что рано или поздно их купят и съедят.

Серая рыбина с разорванным плавником едва заметно

кивнула, словно хотела сказать: «Да, это так. Мир жесток. И мы ничего не можем с этим поделать».

«Они все понимают. Какой кошмар. Бедные рыбы! И это не в диком средневековье, не в каменном веке, а здесь, сейчас, в нашем современном мире!»

– Если вы не берете, отойдите, пожалуйста. Вы здесь не одни, – прозвучал недовольный голос над самым ухом Максима. Он обернулся. Полная высокая женщина в черной каракулевой шубе и очках с толстыми квадратными стеклами, оттолкнув Максима, протиснулась к витрине. Из ее ярко-рыжих волос торчало несколько шпилек.

– Мне свешайте килограммов пять, – распорядилась она. Продавец кивнул и направился к аквариуму с большим сачком.

Максим зажмурился. У него как будто выбили почву из-под ног. Что же это такое? Что?..

Он не мог на это смотреть, и тем не менее внутренним взором все видел – как крупная серая рыбина, та самая, с раздвоенным плавником, беспомощно трепыхается в сачке, как продавец кладет на весы пакет с еще шевелящийся содержимым, как одна отчаянная рыбка, хлестнув хвостом, выпрыгивает из пакета и громко шлепается на прилавок, а продавец привычным жестом берет выскользывающую из рук рыбу и засовывает обратно в пакет.

Откуда-то издалека до Максима долетел чей-то голос: «Пять восемьсот. Устроит вас?», шуршание пакета и звук

удаляющихся шагов.

Он открыл глаза. Женщины с рыжими волосами уже не было. А рыб в аквариуме стало заметно меньше.

– Ну так что, мы будем покупать рыбу или нет? – нетерпеливо проговорила мама. Она, как ни в чем не бывало, стояла рядом и смотрела на сына.

Как ни в чем не бывало.

Словно ничего не случилось. Словно никто только что не вытащил из воды десяток рыб, не положил в пакет и не понес домой варить или жарить.

«Что же делать?! — Максим лихорадочно соображал. — Я хочу спасти этих рыб! Но они очень дорогие, я не смогу купить их всех, да и в моем аквариуме все равно не будет столько места. Надо что-то придумать, срочно...»

Тут Максим вспомнил про Синюю Рыбу. Ведь новый аквариум был приготовлен для нее. Что же делать?

Да, он не может спасти всех рыб. Но он может купить и спасти *хотя бы одну*. Только бы денег хватило...

– Сынок, так мы берем рыбу или нет?

– Да! – твердо сказал Максим. На его лице была написана отчаянная решимость. – Я сам куплю ее. Я принесу домой и посажу в аквариум.

Мать удивленно посмотрела на сына.

– Но эта рыба не для аквариума! И потом, ты же вроде хотел купить какую-то синюю рыбу?

– Синюю Рыбу купит кто-нибудь другой, – в голосе Мак-

сима звучала небывалая прежде твердость. – По крайней мере, ее никто не убьет и не съест. Ее не надо спасать, она и так попадет в хорошие руки. В руки человека, который будет ее любить и ухаживать за ней.

Мальчик подошел к продавцу, и, глядя ему в глаза, отчеканил:

– Я покупаю одну рыбу. Но вы нальете в пакет воды. Я покупаю ее живой!

Продавец, с трудом подавив улыбку, направился к аквариуму с сачком.

– Тебе покрупнее, поменьше? – язвительно произнес он.

– Все равно. Я не буду ее есть, – отрезал Максим, сделав ударение на последнее слово.

Продавец пожал плечами.

– Как хотите.

Он налил воды в пакет, завешал его, а затем, ловко подцепив сачком одну рыбку, положил в пакет и завешал еще раз.

После непродолжительных расчетов продавец произнес:

– Девятьсот девяносто семь. Держи свою рыбу. На кассе оплатишь.

Максим вздохнул с невероятным облегчением. У него ровно тысяча. Тютелька в тютельку! Он схватил пакет и прижал к себе. Рыба в пакете, не веря своему счастью, слабо шевелила плавниками. Видимо, она была крайне удивлена и несказанно обрадована тем фактом, что до сих пор живая.

«Никто теперь не причинит тебе зла. Никто и никогда!

Отныне ты в безопасности».

Конкурс

Дождь шел уже вторую неделю, то прекращаясь на час-другой, то начинаясь опять. На ветвях деревьев висели крупные капли, которые то и дело срывались и падали вниз. Автобусы медленно ползли по дорогам, залитым водой. Земля размокла, превратившись в жидкую грязь. Весь город расцвел разноцветными бутонами зонтиков; их яркие пятна выглядели неестественно праздничными в серости пасмурного неба и мокрых газонов, когда-то зеленых, а сейчас приобретших цвет тушеной капусты.

Порывистый ветер старательно выворачивал наизнанку клетчатый желто-зеленый зонтик, которым Вика безуспешно старалась укрыться от проливного дождя. Она шла по тротуару вдоль дороги, с зонтом в одной руке и с черным портфелем – в другой. Сегодня был понедельник, а значит, начиналась очередная неделя учебы.

До школы была недалеко, всего двадцать минут ходу. Оживленный перекресток с подземным переходом и «зеброй». Шумная улица, полная вечно спешащих куда-то людей, сразу за ней – длинный тротуар, усаженный с обеих сторон высокими серебристыми тополями.

Вика поправила капюшон куртки и пошла быстрее. До начала занятий оставалось всего десять минут.

Неожиданно мимо нее, надсадно пыхтя, с грохотом про-

ехал невесть откуда взявшийся грузовик. Девочка едва успела отскочить в сторону, но заднее колесо попало в яму на дороге, обдав ее фонтаном грязно-коричневой жижи. Подмигнув на прощание задними фарами, машина скрылась за поворотом.

«Не повезло, – грустно подумала Вика, глядя на мокрый подол платья. – Впрочем, как и всегда».

Как всегда. В этом была ее судьба, ее проклятие, ее крест – называйте как хотите, суть от этого не менялась. А суть состояла в том, что Вика отличалась прямо-таки фантастическим невезением. Фортуна никогда не то что не поворачивалась к ней лицом – похоже было, что она обходит девочку за тысячу километров. И, несмотря на то, что Виктория Лисицына была отличницей, умела рисовать и играть в шахматы, в обыденных жизненных ситуациях ей не везло практически всегда.

Родители ее погибли в автокатастрофе, еще когда Вике было всего годик. Девочка жила с бабушкой, которая, будучи человеком глубоко верующим и даже религиозным, воспитывала внучку в строгом соответствии с канонами христианства. Каждый месяц они обязательно ходили в церковь на службу, причаститься и исповедаться. Молиться утром, вечером и перед приемом пищи было необходимо. Все посты неукоснительно соблюдались, а Библия имела официальный статус настольной книги. По выходным бабушка частенько усаживала Вику в старое плетеное кресло, клала перед ней

на стол Евангелие в потрепанном кожаном переплете, и приказывала прочитать ту или иную главу, чтобы потом пересказать своими словами, что она уяснила из Писания и как она понимает Слово Божье. Место, на котором они остановились в прошлый раз, было аккуратно отмечено узкой ленточкой закладки.

Вика в Бога верила. И втайне надеялась, что когда-нибудь ее молитвы будут услышаны и Он поможет ей. Годы шли, и нынче осенью Вике исполнилось четырнадцать лет, но все оставалось по-прежнему.

Друзей у нее не было. Одноклассники не любили скромную, неврачливую Вику, отличницу и тихоню. И когда представлялся удобный случай, что было довольно часто, не упускали возможность бросить ей вслед какую-нибудь колкость. И так продолжалось все время, пока... Нет, давайте уж все по порядку.

– Смотрите! Мокрая лисица.

– О, Лисица! Ты что, решила искупаться по дороге? Как водичка?

– Послушай, Лисица, как тебя в таком виде вообще пропустили в школу?

Такие замечания градом посыпались на Вику, когда она медленно открыла дверь школьного класса и вошла внутрь. Она уже так привыкла ко всем этим усмешкам и оскорблениям, что относилась к ним, как к досадным, но неустрашимым мелочам, вроде перфораторов по выходным у соседей

сверху. Вика тихонько прошла за свою парту, открыла портфель и стала копаться в нем, стараясь выглядеть как можно незаметнее и молясь, чтобы одноклассники побыстрее забыли о ней.

– Лисица, ну ты даешь! – вдруг над самым ухом раздался чей-то голос. – Ты что, под ноги не смотришь? Сегодня же у нас открытый урок. Государственная комиссия. Мы не должны подвести Марию Павловну.

Вика резко обернулась. За партой рядом с ней сидел Митька Жуков. Его темно-карие глаза были лукаво прищурены, но в голосе и взгляде не было враждебности. Было что-то, чему Вика еще не знала названия.

– Привет, Жук. А я и не знала, что у нас проверка. Иду, вдруг вижу: лужа! Думаю, дай-ка залезу, проверю, глубокая или нет. Прыгала, прыгала, потом мне это надоело, вот и...

– Тебя машина обрызгала? – тихо перебил ее Митька.

Вика вздохнула и замолчала. Она хотела посмотреть ему в глаза, но почему-то не смогла заставить себя поднять голову. Он не смеялся и не издевался над ней. Он искренне сочувствует, он хочет помочь...

– Да уж, такая вот я невезучая, – Вика достала из кармана носовой платок и попыталась хоть как-то оттереть грязь. Парень молча наблюдал за ней.

Дмитрий Жуков был сыном то ли работника спецслужб, то ли какого-то министра, и другие дети его уважали, вернее, старались угодить и навязаться в друзья. Однако на их лесть

и подхалимство Митька смотрел с гордым равнодушием: он уже научился быть выше всего этого, и никогда не опускался до словесных баталий, не принимал участия в дешевых школьных разборках. Напротив, со всеми, в том числе с Викой, Митька держался подчеркнуто-корректно. В Вике, в частности, Жуков видел прежде всего возможность получать более высокие оценки, так как она была самой сильной ученицей не только в их классе, но и на всем потоке, поэтому благоразумно сидел с ней за одной партой, усердно списывая все контрольные и диктанты. Поддерживать с Лисициной приятельские отношения было мудрее, чем дразнить из-за ее прямо-таки ядерного невезения. Он хотел стать дипломатом и после окончания университета работать где-нибудь в посольстве, поэтому заранее решил начать вырабатывать в своем характере необходимые качества, с удовольствием отмечая про себя, что поступает весьма дипломатично.

Вика ничего этого не знала. Митя всегда ей нравился, и в ее душе с недавних пор жила отчаянная мысль, что она тоже нравится ему. Вика знала, что он получает высокие оценки только потому, что списывает у нее, но из деликатности никогда не напоминала ему об этом.

Пронзительно-громкий звонок, возвестивший о начале занятий отвлек девочку от размышлений. В класс вошла Мария Павловна.

– Дети, доброе утро, – учительница обвела глазами класс. – У меня есть небольшое объявление. Как вам уже из-

вестно, в нашей школе эту и следующую недели работает федеральная комиссия. Думаю, стоит напомнить, что вы должны показать себя с наилучшей стороны.

В этот момент несколько человек обернулись и многозначительно посмотрели на Вику, кто-то кашлянул, сдерживая смех.

– Алексеев, это и к тебе относится, – будничным тоном заметила Мария Павловна и продолжала:

– И еще одно. Городской комитет по образованию объявил конкурс среди учеников младших классов и средней школы. Конкурс рисунков на тему «Моя мечта». Все желающие могут принять участие. Победителей, разумеется, ждут призы, так что ваши старания будут не напрасны. Работы принимаются до четверга. Если кто-то решит участвовать, свои рисунки можете отдать мне, или положить на мой стол в учительской.

Одинокая капля дождя улиткой ползла по оконному стеклу. Сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, по дороге вбирая в себя другие капли, и в конце концов ручейком обрушилась вниз, напоследок ярко блеснув отраженным светом уличного фонаря. И было в этом блеске что-то такое, что Вика неожиданно для самой себя подумала: «А почему бы и нет?..»

В самом деле, должно же ей *хоть когда-нибудь* повезти?

Дождь, наконец, закончился. Вика сложила зонтик. Она шла домой. Вика знала, что дома из-за грязного платья ей предстоит лекция от бабушки на тему «почему она такая неаккуратная и невнимательная». Но, несмотря на это, настроение у нее было лучше, чем утром: она твердо решила принять участие в этом конкурсе, и *обязательно* победить. Доказав самой себе и всему миру, что она – такая же, как все нормальные люди, которые периодически терпят поражение, но иногда и празднуют победу.

Надо только верить, что удача ей улыбнется, и настроиться на результат. Надо только верить, и чудо произойдет. В жизни ей доставалось так мало успеха, что для того, чтобы уравновесить все несчастья, порция позитива должна была быть по меньшей мере размером с футбольный стадион. И высотой с небоскреб.

«Итак, „Моя мечта“. Ну и выбрали же они темку!».

Перед Викой лежал белый лист ватмана. Рядом – кисточки, толстые и тонкие, с кокетливо загнутыми хвостиками. В граненом стеклянном стакан – чистая вода. Краски, карандаши, цветные пастельные мелки – все было готово.

«Моя мечта».

«О чем же я мечтаю?»

Вика переплела пальцы, и положив руки на стол, уперлась подбородком в ладони. Закрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула. О чем она мечтала?

Чтобы ее родители были живы, никакой катастрофы

не было, и они все вместе поехали отдыхать куда-нибудь на море? Вряд ли. Это фантастика. Чтобы ее невезение закончилось? Возможно, но как это изобразить...

Вика моргнула. И в последний момент успела заметить перед своим внутренним взором две горящие точки. Будто бы чьи-то глаза. А на листе было нарисовано...

Вика моргнула опять. Нет. Показалось. Лист бумаги был абсолютно чист. Она взялась за карандаш. Девочка уже знала, что она рисует.

Поздно вечером, когда за окном стемнело, и на улице зажгли фонари, работы был закончена. Усталая, но довольная, девочка зачарованно смотрела на свое творение. Фантастическое переплетение линий, образующих узоры, орнаменты, немыслимые сказочные фигуры. Цветущие деревья, птицы с длинными, как у павлинов, хвостами, животные, для которых в нашем мире нет даже подходящих названий. А в самом центре листа, посреди этого буйства красок – глаза. Обычные, человеческие глаза, они были настолько реалистичны, что, казалось, это живой человек смотрит на тебя с картины, как с экрана телевизора. Темно-карие, с длинными ресницами и густыми бровями, эти глаза смеялись, подмигивали, и звали, манили... куда? Вика не знала. Она вообще не могла понять, как она смогла придумать и изобразить все это. Да, она знала, что неплохо рисует, но на этот раз результат превзошел все ее ожидания.

«Это, кажется, называют вдохновением. А может, если

очень сильно хотеть, у тебя все получится».

Вика проснулась среди ночи, в холодном поту, дрожа от страха. Она не помнила, что ей приснилось. Напрягшись, попыталась вспомнить то состояние, которое вызвало у нее такое сильное чувство, но сон растворялся, рассыпался, как пепел от сгоревшего листа бумаги. Лишь лоскутки, обрывки пару секунд слабо трепыхались в ее сознании – отчаянный крик, взывающий о помощи, невыносимо яркий блеск какого-то кристалла, огромная хищная птица, хлопавшая крыльями, лестница без перил над пропастью и вспышка синего цвета. Но через несколько мгновений Вика забыла и это, крепко уснув. На этот раз без сновидений.

* * *

– Вот это да-а-а! Неужели это ты нарисовала? Сама?

Дети обступили Вику плотной толпой, неотрывно глядя на картину, кто – с восхищением, кто – с неприкрытой завистью, но все до единого – с плохо скрываемым изумлением.

– Да ну тебя, Жук! Скажешь тоже – сама! Срисовала из журнала или купила у какого-нибудь художника. *Настоящего* художника, – язвительно процедил Сашка Алексеев. – Ведь правда, Лисица? Признайся, это не твоя работа!

– Конечно, не твоя. Видно же! Куда уж тебе! И не стыдно врать-то?

Вика опешила от такого натиска. Оправдываться? Убеж-

дать их? Доказывать? Но зачем? Ведь она никого не обманывала! Это ее рисунок, все полностью, от и до, и никто ей не помогал.

Или все-таки помогал?..

Вика вспомнила, как она работала вчера: ее рука с кистью летала, словно ей управлял кто-то невидимый, а она, Вика, была словно в трансе, и не могла даже пошевелиться.

«Да брось, – сказала она сама себе. – Не может этого быть.»

Никто, конечно, ее рукой не водил. Это нарисовала она. Она сама.

– Что молчишь? Не знаешь, что сказать? Сознаться, тогда, может, пощадим и не расскажем Марии Павловне. Где ты его достала? Ну, отвечай!

Вика гордо выпрямилась и обвела взглядом ребят.

– Это я нарисовала. Я. Сама, – отдельно произнесла она.

– Да ну? Неужели? – навстречу ей выступила Катя Пенкина, самая злющая из всех. – Это ты зря.

Вика сжала кулаки, ногти вонзились в ладони.

– Да? С чего это?

– А с того, что я тоже принимаю участие в конкурсе. Поняла? И главный приз получу я. Я, а не ты. А если посмеешь лезть на конкурс со своей жалкой картиночкой, у тебя будут серьезные проблемы, так что не советую тебе этого делать! Подумай, тебе оно надо? Так что забирай свою каляку-маляку и спрячь куда-нибудь подальше.

– Ни за что, – твердо сказала Вика, и в ее голосе послышался металл.

– Ах так?! Смотри, хуже будет.

– Ты не заставишь меня отказаться!

– Только попробуй! Тебе все равно не победить, ты неудачница, запомни это!

– Пенкина, оставь ее в покое! Вика имеет точно такое же право участвовать в конкурсе, как и ты.

Удивленные не столько тем, что Жуков вмешался в спор, сколько тем, что он назвал девочку по имени, пятнадцать голов дружно повернулись в сторону говорившего. Пятнадцать пар глаз, не мигая, уставились на него. Митька вышел вперед и медленно, внимательно рассмотрел рисунок.

– Классно. Нет, серьезно. Думаю, что он если не победит, то уж точно будет одним из лучших, – он повернулся к толпе детей. – Если кто забыл, конкурс организовала администрация города, для всех желающих. Или вы не слышали, что сказала Мария Павловна? Лично я не вижу ни одной причины, по которой Лисица не может в нем участвовать.

Он перевел взгляд на Вику. Ей было так неловко и неудобно, что она была готова провалиться сквозь землю от смущения.

Спорить с сыном министра, разумеется, никто не решился, и школьники потихоньку разделились на группы и разошлись в разные стороны, оживленно обсуждая между собой случившееся.

Митька взглядом критика изучал рисунок.

– Очень красиво, правда. И глаза такие... как настоящие.

Девочка бросила быстрый взгляд на него, потом на рисунок, и внезапно ее пронзила поразительная мысль: эти глаза, на рисунке как две капли воды были похожи на глаза мальчика!

Жуков еще раз внимательно посмотрел на Вику, ободряюще улыбнулся и отошел в сторону. Она стояла, не шевелясь, замороженно глядя ему вслед.

Неужели?... Нет, невозможно. Кто он и кто она? Никому не нужная сирота, у которой и друзей-то нет. У которой можно только списывать на контрольной, – это максимум, на что она годится. Но семена незнакомого доселе ощущения, попавшие в ее душу, уже давали первые всходы. Подсознание рождало мысли, мысли – чувства, чувства определяли цель, а цель искала пути к воплощению в реальность.

Теперь Вика знала, *в чем* ее мечта. Оставалось только понять, как ее осуществить, и возможно ли ее осуществить вообще.

Что же было потом?

А вот что.

Смеркалось. Последний урок давно закончился, и школьники разошлись по домам. В классе остались только дежурные, которые должны были вымыть пол и расставить стулья. Дежурившие в тот день Сашка и Костя, придя в класс, бро-

сили сумки в угол, взяли ведра и пошли за водой. И, конечно, кабинет остался открытым.

Никто не видел, как дверь тихо скрипнула, и два темных силуэта, почти неразличимые в сгущающихся сумерках, проскользнули в пустой класс. Стараясь двигаться как можно бесшумней, они подошли к учительскому столу, где ровной стопкой лежали конкурсные работы. Долго копаться в рисунках не пришлось – тот, что они искали, лежал почти на самом верху. Таинственным пришельцам не составило никакого труда найти нужный им рисунок, свернув трубочкой, засунуть его в пакет, а на его место положить другой, нарисованный специально для этого дела: уродливые, неряшливые каракули.

Злорадно хихикнув, одна тень шепнула другой: «Пошли скорее, пока мальчишки не вернулись!», и так же бесшумно похитители покинули класс, не забыв прикрыть за собой дверь.

Никто этого не видел.

Вещий сон

Придя домой, Максим, не раздеваясь, первым делом побежал к аквариуму, включил аэратор, лампу, и аккуратно погрузив пакет в воду, развязал его. Рыба, с опаской озираясь по сторонам, медленно выплыла из пакета, и принялась исследовать новый мир. «Голодная», – подумал Максим, наблюдая, как рыба ткнулась носом в улитку, тут же проворно юркнувшею в свою раковину. Он поскорее достал баночку с рыбьим кормом, и бросил в воду несколько круглых бурых гранул. Рыба схватила одну, потом другую, пока не съела их все.

Увлеченный созерцанием этого процесса, Максим не заметил, как в комнату вошел отец, с его младшей сестрой на руках.

– Посмотри, Аля, какая рыбка плавает. Ее Максим принес. Теперь она будет здесь жить, – сказал папа и опустил дочку на пол. Малышка расторопно влезла на стул, чтоб лучше рассмотреть неведомое существо.

– Ыбка, – улыбнулась Аля, – плавает! И, довольная собой, прибавила: – Она ест!

– Да, ест, – подтвердил папа. – Тебе тоже надо есть. Давай мой ручки и иди к маме на кухню.

– А Ыбка добьяя?

– Добрая, добрая, – улыбаясь, заверил ее Максим.

Некоторое время Аля наблюдала за рыбой, пока ее не позвала мама. Тогда она слезла со стула и вприпрыжку побежала ужинать.

Отец некоторое время молчал, глядя в окно, потом повернулся к сыну, и, скрестив руки на груди, произнес:

– Скажи, почему ты ее купил?

Максим бросил быстрый взгляд на аквариум. Рыба спокойно плавала в воде, не подозревая, что говорят о ней.

– Я хотел спасти ее, – сказал Максим, и рассказал все, что произошло в магазине.

Отец почесал подбородок и опустился в кресло. Максим остался стоять.

– Видишь ли, сынок, – издалека начал он, – Эту рыбу ты спас. Но только одну. Надеюсь, ты понимаешь, что не можешь скупить всех рыб во всех магазинах. Более того, даже если бы тебе хватило на это денег, на завтра привезут новую партию рыб. Это сложный, отлаженный механизм, целая система. Его тебе не остановить, понимаешь?

– Я понимаю, – перебил Максим, – Но надо же что-то с этим делать! Как ты можешь так спокойно рассуждать об этом? Так нельзя. Это неправильно, нечестно! – голос его сорвался на крик.

– Макс, – отец замолчал на минуту, подбирая нужные слова, – В мире много зла. И с этим ничего не поделаешь. С этим приходится жить. Единственное, что нам остается – это смириться с таким положением вещей, приняв это как данность.

Не причиняя никому зла, конечно, но и не вмешиваясь в чужие дела. Героем быть не только сложно, героем быть еще и опасно. Опасно, потому что толпа во много раз сильнее одного человека, и рано или поздно она все равно одержит верх, а ты ничего не добьешься. Понимаешь, сынок, такая жизнь. Люди любят мясо и рыбу, людям нравится ходить в шубах из натурального меха, люди убивают животных на охоте просто так, ради удовольствия, люди еще очень много чего делают, мягко говоря, нехорошего. Самые чудовищные вещи, конечно, запрещены законом, но не все. Это система, и тебе не под силу ее изменить. Может, когда-нибудь человечество станет настолько цивилизованным, что запретят и их. А когда-нибудь их даже не надо будет запрещать – люди сами придут к тому, чтобы отказаться от мяса и натуральных мехов, без каких-либо законов. Но сейчас нормы морали в обществе сложились так, что продажа живой рыбы в магазине не выходит за ее рамки.

Максим сжал кулаки от злости и бессилия.

– Ты говоришь, «смириться с таким положением вещей»? Смириться – значит даже не попытаться что-либо сделать! Значит, заранее обречь себя на поражение! Нет, никогда! Я никогда с этим не смирюсь! Посмотри на эту несчастную рыбу, – Максим махнул рукой в сторону аквариума, – Что ей пришлось пережить! Неужели тебе ее не жалко?

– Жалко, – серьезно сказал отец. – Поверь мне, Макс, мне ее очень жалко. Просто я видел вещи куда хуже. Ты еще ма-

ленький, ты еще много не знаешь. Придет время, и ты поймешь то, что я тебе сейчас сказал.

– Время *уже* пришло! – отрезал Максим. – А я уже не младенец. Может, я не понимаю всего, но совершенно определенно могу сказать одно: нельзя сидеть сложа руки! Надо что-то делать.

– И что же ты предлагаешь?

Максим запнулся.

– Пока не знаю. Но я клянусь, я даю слово, что я обязательно что-нибудь придумаю. Обязательно.

В ту ночь мальчик долго не мог уснуть. Он все лежал и думал – думал о том, как сложна жизнь и как несовершенен мир. И о том, что он, Максим Смирнов, слишком мал и беспомощен, чтобы что-то изменить.

Еще неделю назад он был беспечным ребенком, наивно верящим в то, что добро всегда побеждает зло. Еще вчера он смотрел на мир широко распахнутыми глазами, доверчиво протягивая руки навстречу жизни.

Оказалось, жизнь совсем не такая, как ему говорили, и счастливый конец – далеко не обязательное звено этой цепи. Жизнь – это не только череда интересных, увлекательных и радостных событий, но и боль. Боль и страдание. Почему? Почему так происходит?.. Он думал, и не находил ответа.

Одно ему было ясно: он никогда не смирится с этим. И никогда сам не встанет на сторону зла. Каждый день, каждую

минуту он *будет* искать выход.

...Улица была пустынной и мрачной. Ночное освещение не работало. С обеих сторон – симметричные, угловатые силуэты многоэтажек, похожие один на другой, как близнецы, слепо смотрели темными провалами окон. В небе ни луны, ни звезд. И само небо было не черным, а каким-то серым, как мокрый асфальт, неподвижным и пустым.

Максим испугался. Где он? Что это за место? Как он сюда попал? И как отсюда выбраться?

Ах да, это, наверное, просто сон...

Внезапно ослепительно яркая, как пламя газосварки, вспышка сверкнула прямо у него перед носом, и молнией взметнулась вверх. Максим запрокинул голову. Световая точка, потрескивая, кружила над ним на расстоянии вытянутой руки. Она звала за собой. Она предлагала *помощь*.

Стараясь не выпускать искру из поля зрения, Максим бросился за ней. Она вилась впереди, оставляя за собой в воздухе змеистый след. Максим бежал не разбирая дороги, то и дело спотыкаясь и падая. Неожиданно искра свернула за угол и пропала из виду. Испугавшись, что потерял ее, Максим резко повернул, едва не врезавшись в кирпичную стену. Прямо перед ним словно вырос из-под земли высоченный небоскреб. Он был так высок, что шпиль, венчавший покатую крышу, терялся в тумане. И там, на самом верхнем этаже, светилось окно.

Ему нужно добраться туда. Это была не догадка и не гипотеза – откуда-то он абсолютно точно *знал* это.

Это выход. Спасение. Решение всех проблем. Туда! Скорее!!

Мальчик рванулся ко входу и нетерпеливо толкнул дверь, потом потянул на себя. Заперто. Он еще раз что есть силы дернул ручку. Дверь не открывалась. Мальчик огляделся по сторонам, пытаясь собраться с мыслями.

Надо попробовать другую дверь. Тоже заперто.

Третью. То же самое.

Наконец, четвертая дверь со скрипом открылась. Максим вошел внутрь и очутился в длинном коридоре, конец которого терялся во мраке. Слева и справа уходили вдаль два ряда дверей – совершенно одинаковых, с круглыми блестящими ручками.

«Мне нужно наверх, – подумал Максим. – Надо найти лестницу. Что делать, проверять все двери? На это уйдет много часов».

Мальчик шагнул вправо и потянул ручку. Замок тихонько шелкнул. Вдруг на него накатила волна необъяснимого страха и кольцами сжала грудь. Максим приоткрыл небольшую щелочку. За дверью стояла гробовая тишина. Ему вдруг захотелось поскорее захлопнуть эту дверь. Кто-то будто шептал ему: «Не заходи туда! Ни в коем случае не заходи!»

Максим отдернул руку. Подошел к двери напротив. Здесь была лестница, но она вела не вверх, а вниз, ступени уходили

в чернильную тьму. Опять не та. Вдруг в воздухе вспыхнула белая молния, ошестинившись яркими искрами, на мгновение осветив каменный пол и серые оштукатуренные стены со множеством дверей, Прочертив дугу, искра полетела вперед, нырнула в открывшуюся саму собой дверь и растаяла.

Максим кинулся следом за ней. За дверью оказалась винтовая лестница, спиралью уходящая вверх. Наконец-то!..

Ступеньки он не считал, да даже если бы и считал, все равно бы сбился со счета. Казалось, лестнице нет конца. Наверное, прошло много часов, когда мальчик, тяжело дыша, одолел последние ступени, и очутился у порога огромного зала с высоким куполообразным потолком, на макушке которого, видимо, находился шпиль.

Максим был на самом верху, на крыше мира. Путь сюда был только один: по винтовой лестнице, а выхода – два: дверь справа выглядела скромно, даже заурядно, проем был чуть выше его роста, кроме того, она была заперта. Зато дверь слева была чуть приоткрыта, из образовавшейся щели на пол падала узкая полоска света – теплого, манящего. Эта дверь хотела, чтобы ее открыли, она притягивала, заставляя забыть обо всем на свете, она сулила исполнения всех желаний, даже самых невероятных. Только открой и войди – и ты получишь все, о чем мечтал!..

Максим остановился в нерешительности. Куда теперь? Налево или направо? Дверь слева светилась живым теплом, Максим не сомневался, что именно этот свет он видел в са-

мом верхнем окне дома, когда стоял внизу. И не сюда ли вела его белая Искра? И все же что-то здесь было не так. Во всем этом ощущался какой-то подвох, только очень тщательно замаскированный. Можно было, конечно, сначала попробовать открыть маленькую дверь справа, но Максим каким-то шестым чувством понимал, что так не получится: выбрать он может только один раз, второй попытки не будет. Дверь справа невзрачна и неказиста, к тому же она заперта; дверь слева ведет к свету и спасению. Так какую дверь выбрать?

Отбросив прочь последние сомнения, Максим решительно подошел к приоткрытой двери и, рывком открыв ее, зашел внутрь.

«Нет!..»

Свет в ту же секунду начал таять, медленно, как в театре. Тьма напоззала со всех сторон. Искра отчаянно вспыхнула, всеми силами пытаясь разогнать подступавшую тьму, но внезапно с подоконника прыгнул какой-то зверь и одним взмахом когтистой лапы, как мошку, прихлопнул маленькую искорку. Свет погас. А странное существо залилось торжествующим смехом, жутким, леденящим душу – голос у него был хриплый, скрипящий и холодный как лед.

Максим закричал от ужаса и отчаяния. Он запоздало понял, что совершил ошибку, от осознания этого у него закружилась голова, и ему стало так плохо, что он провалился в пустоту, и начал падать вниз. Он падал и падал, пока

не проснулся...

В черном небе ярко сияла почти полная луна, и еще более ярко горел фонарь прямо напротив его окна, отбрасывая длинную полосу света на дощатый пол. Где-то на улице, наверное, на перекрестке, надрывно верещала автомобильная сигнализация. Тикали часы. На балконе у соседей мяукала кошка. Стандартный набор ночных звуков. Все было как обычно. Спокойно. Не страшно. И даже чуточку скучновато. Максим плохо соображал, где он, и сколько сейчас времени, поэтому он просто перевернулся на другой бок и через секунду вновь крепко уснул. Он не знал, что, проснувшись утром, не будет помнить ничего из своего сна.

Засыпая, он не заметил, как от изголовья кровати отделилась темная тень, просочилась в приоткрытую форточку и растворилась в ночи.

Черный орел

Вика проснулась сегодня в шесть утра, хотя будильник должен был прозвонить только в семь. Она не могла больше спать. Прошло две недели, с тех пор, как им сообщили о конкурсе «Моя мечта». Сегодня объявят результаты. Неужели случится чудо, и она победит? Но ведь должна же ей хоть раз вы этой жизни улыбнуться удача!..

Звонка на урок еще не было, школьники болтали и смеялись, и поэтому, когда в кабинет вошли какие-то люди в сопровождении Марии Павловны, сначала никто не обратил на них внимания. Учительнице потребовалось несколько минут, чтобы призвать класс к порядку. Наконец голоса смолкли, и все замерли в ожидании, с любопытством глядя на дородного солидного господина в сером клетчатом костюме, и молодую девушку лет двадцати, по всей видимости, его ассистентку. Господин в сером держал в руках какие-то бумаги и белый хрустящий пакет. Он откашлялся и произнес:

– Екатерина Пенкина?

Катька, широко улыбаясь, встала, и, одернув юбку, торжествующим взглядом победителя обвела удивленных одноклассников. Все взгляды были обращены на нее. А так как Екатерина Пенкина не отличалась ни умом, ни какими-либо талантами, все были весьма заинтригованы.

Вика сидела, не шевелясь. И сердце у нее стучало быст-

ро-быстро.

– Катенька, – вновь заговорил серый господин, – Мы от лица конкурсной комиссии Областного комитета по образованию поздравляем тебя с победой в нашем конкурсе. Твой рисунок единогласно был признан лучшей работой! Мы вручаем тебе заслуженную награду, – с этими словами он протянул ей заветный пакет и почетную грамоту.

Катя неуклюже взяла пакет, хрустнув целлофаном, и, довольная, плюхнулась на свое место.

Вот и все.

Все кончено.

Она не победила. Чуда не произошло.

В ушах у Вики звенело, перед глазами все плыло. Она моргнула, и на раскрытую тетрадь упало две капли, уничтожив ответ на задание №8 из домашней работы.

– Не расстраивайся, Вик. Твой рисунок был очень хороший. Я был уверен, что ты победишь, – попытался успокоить ее сосед по парте.

Вика повернула голову, их глаза встретились, и в груди будто что-то вспыхнуло. Он не смеется над ней. Он ей сочувствует. Ему *не все равно!*

«Я не должна сдаваться».

– Нет, это просто абсурд, – вполголоса продолжал Митька, – Пенкина и рисовать-то толком не умеет. Это какая-то ошибка.

Ошибка?.. Ну да. Конечно!

– Я сейчас догоню их, – решила она, вскакивая с места. – Догоню и поговорю.

Не обращая внимания на удивленный возглас учительницы, Вика выбежала из класса и огляделась. Школьный коридор встретил ее гулкой пустотой. На лестнице тоже никого не было.

«Они не могли уйти далеко. Прошло всего каких-то две-три минуты. Наверняка они еще в школе».

Ее шаги громким эхом отзывались в безлюдном вестибюле. Может быть, они уже на улице? Вика открыла дверь, и на нее тут же налетел порыв ледяного ветра, взъерошив волосы. Здесь не было ни души. Только пронизывающий ноябрьский ветер, гонявший желтые сморщенные листья по серому квадрату школьного двора.

И вдруг Вика услышала, как кто-то зовет ее по имени. Она оглянулась на голос, но никого не увидела.

– Виктория! – на этот раз голос звучал громче и настойчивее.

– Кто здесь? – растерялась девочка.

– Виктория! Подойди сюда.

И тут Вика увидела крупную птицу, похожую на орла, которая сидела на ветке старого дуба, плотно обхватив ее когтями. У птицы был острый, загнутый вниз клюв, черное, как смоль, оперение и умные блестящие глаза.

Вика изумленно замерла. Что это, сон? Или очередная глупая шутка одноклассников, не упускавших случая посме-

яться над ней? Или ей это мерещится?..

– Ни то, ни другое, ни третье, – хриплым голосом проворчал Орел. Я не выдумка и не сон. Я такой же реальный, как и рисунок, который украли твои одноклассники.

Вика вздрогнула, от выброса адреналина кровь застучала в висках. Эта новость потрясла ее до глубины души, и девочка не заметила, что разговаривает с птицей.

– Откуда... Что ты хочешь этим сказать?

– То, что сказал. Екатерина Пенкина украла твой рисунок. А взамен подложила свой, который скопировала с твоего. Согласен, несправедливо. А ведь победить должна была ты.

Вика понемногу начала понимать, в чем дело, и злость, доселе совершенно незнакомое ей чувство, словно бы прорвала невидимую плотину, до краев затопив сознание. От волнения она не могла произнести ни слова, а только открывала и закрывала рот, как выброшенная на берег рыба. Слезы гнева и обиды готовы уже были брызнуть из ее глаз, однако черная птица вновь заговорила:

– Однако, ты мне нравишься. Ты незаурядна, талантлива и определенно заслуживаешь большего. Ты считаешь себя неудачницей, потому что тебя постоянно преследуют неприятности. Но это легко исправить.

– Это НЕЛЬЗЯ исправить! – с горечью перебила его Вика. – Мне *никогда* ни в чем не везло, даже в мелочах! И по-другому быть не может. Это моя судьба, а судьбу изменить

не дано никому, даже чревовещательной дрессированной птичке.

– Это не твоя судьба, как ты говоришь, это твой выбор, – строго и наставительно сказал Орел, пропустив оскорбление мимо ушей. – Но сейчас ты можешь выбрать удачу и везение, всегда и во всем. Все твои желания и мечты будут исполняться, на твоем жизненном пути не будет больше никаких препятствий, никогда. Если, конечно, ты этого *хочешь*.

Вика повернула к нему заплаканное лицо.

– И что же *ты* можешь сделать?

Орел загадочно улыбнулся, и, прищурившись, проговорил:

– Я *могу* изменить твою жизнь. Я могу сделать тебя удачливой и счастливой, если, ты, конечно, действительно этого желаешь. Но, разумеется, не за спасибо. За все надо платить. Ты окажешь мне одну услугу, совсем небольшую услугу. Много времени это не займет. Это все.

Вика нахмурилась. В ее душе всколыхнулось сомнение. Что-то ей это напоминало. Возможно, она читала об этом в книге... Ситуация явно казалась ей знакома, и согласие в данном случае было равнозначно ошибке.

Ну конечно! Бабушка рассказывала ей эту историю миллион раз, еще тогда, когда Вика не умела читать. Легенда об Адаме и Еве, где коварный змий-искуситель обманом уговорил Еву съесть яблоко с Древа Познания!

Девочка похолодела.

– Ну, так что ты скажешь? Я жду ответа, – напомнил ей Орел о своем присутствии.

Вика почувствовала, что стоит у края пропасти. Одно неверное движение – и она упадет вниз. От ужаса своего положения у нее закружилась голова.

– Нет, нет, никогда! – с вызовом крикнула она. – Я отказываюсь! И если ты – волшебная говорящая пичужка из страшной сказки, это еще не значит, что тут все должны, забыв обо всем на свете, слушать каждое твое слово. Я в состоянии сама разобраться со своими проблемами. Уходи! Прочь! – Вика подняла с земли камень и изо всех сил швырнула его в черную птицу. Но орел раскинул крылья, что-то хрипло крикнул, и камень, на секунду зависнув в воздухе, красиво взорвался, осыпавшись на землю мелким песком. В воздухе запахло расплавленным металлом.

Орел хищно загоготал.

– Как хочешь. Впрочем, ты все равно согласишься. До встречи!

Взмахнув крыльями, он поднялся в воздух и исчез в небе. Вика подняла с земли еще один камень, кинула его, не глядя, развернулась и бросилась бежать.

* * *

– Лисицына, где тебя носило? В чем дело? Почему тебя не было на географии?

Прямо перед ней выросла фигура завуча.

– Я... – пробормотала она, пытаясь отдышаться. – Простите, я, кажется, не рассчитала время.

– Выбегаешь из класса посреди урока, сейчас, когда в школе комиссия на комиссии и комиссией погоняет?! То, что ты не выиграла в конкурсе, еще не повод так себя вести. В другой раз лучше подумай не о себе, а, например, о чести школы, или о людях, которых ты можешь подвести, – завуч с неодобрением покачал головой, и прошел мимо.

Вика готова была стореть от стыда. Новость о пресловутом конкурсе, распространившись со скоростью звука, очевидно, уже стала известна всей школе.

– Лисица, что с тобой? Ты что, голову дома забыла? – раздался над самым ухом насмешливый мальчишеский голос.

Внезапно Вика поняла, в каком она виде. Растрепанные волосы, красное от волнение лицо, глаза блестят. Она судорожно провела рукой по волосам и попыталась принять невозмутимый вид.

– Со мной все в порядке, – с деланным спокойствием проговорила она, – А что?

В раздевалке спортзала стоял невыносимый гвалт: девочки переодевались в форму, громко обсуждая последние сплетни.

– Я твою сумку захватил, – сказал Митька, – Слушай, Лисица, а где ты была? Вся школа тебя искала.

Вика посмотрела на часы. Сердце у нее екнуло.

– Сколько времени? – вопрос прозвучал глупо, в свете то-

го, что это и так было ясно.

– Тебя три часа не было.

Вика медленно опустилась на низенькую скамейку и принялась развязывать шнурки.

– Мы думали, ты вообще не придешь. Сегодня же волейбол, полуфинал с восьмым «А». Соберись, ладно?

– Ага, «соберись!» Если Лисица соберется, землетрясение будет! – ехидно заметил кто-то, но Вика по привычке пропустила обидные слова мимо ушей.

Две команды стояли напротив друг друга. Физкультурник, худощавый мужчина в темно-синем спортивном костюме, потер усы и отрывисто произнес:

– Значит, так. Играем по правилам, не балуемся, за линию не заходим. Жуков, ты на подаче.

Словно сквозь сон, Вика видела, как Митька Жуков, капитан команды мощной подачей едва не сбил с ног защитника команды восьмого «А», как тот, чуть не упав, все же смог отбить его, как мяч полетел прямо к ней...

– Лисица, у тебя, что глаза на затылке?

Вика медленно поднялась, потирая ушибленную коленку.

– Этот мяч смог отбить бы даже ребенок! Из-за тебя мы потеряли подачу!

Однако, как выяснилось, это было только начало. Самое ужасное оказалось впереди. Потому что в этом матче Вика не отбила ни одного мяча, который, как намагниченный, летел все время к ней, в каком бы углу поля она не стояла.

И естественно, они проиграли с разгромным счетом.

Мимо нее прошел Митька с таким видом, как будто из-за нее как минимум началась третья мировая война, ядерная. Несколько человек пытались его утешить, время от времени бросая на несчастную девочку испепеляющие взгляды. Вика, стараясь ни на кого не смотреть, медленно побрела в раздевалку.

Синяя Рыба

Максим вяло ковырял ложкой овсянку. Уже второй час его не покидало ощущение, что за ним кто-то пристально наблюдает.

Утро было по-осеннему пасмурным и тусклым. По свинцово-серому небу не спеша ползли низкие дождевые тучи. Когда в них накопится достаточно влаги, они прольются дождем, но пока они были способны лишь пугать зазевавшихся прохожих и заставлять их нервно ощупывать сумки на предмет наличия зонтиков.

Максим вспомнил про Синюю Рыбу и поежился. Нехорошо получилось. Он ведь пообещал продавцу, что купит ее, и попросил оставить до завтра. Но все свои карманные деньги он истратил, чтобы купить рыбу в гипермаркете. В кармане у него оставалось только три монетки – сдача от покупки. К тому же, аквариум занят, и для Синей рыбы места уже нет.

А ведь он уже успел привыкнуть к мысли о том, что Синяя Рыба будет жить у него!.. Ведь она такая красивая! Такая синяя! Вдобавок, Максим интуитивно ощущал в ней что-то такое, чему не мог подобрать подходящего определения: какая-то странная и страшная тайна. Почему-то она виделась ему невероятно важной.

Чушь это все. Нет никакой тайны. Это только в сказках происходят всякие чудеса, и обитают тайны. Реальный же

мир слишком груб и циничен, чтобы чудеса могли в нем завестись. Там, где много грязи и суеты, обычно заводятся только тараканы.

Максим ожесточенно шнуровал ботинки.

– Ты далеко собрался? – окликнула его мама с кухни.

– Пойду погуляю, – буркнул он.

– Зонтик возьми, дождь собирается. И шапку надень!

Но Максим уже бежал по лестнице. Он хотел о многом поразмыслить. А на ходу думается всегда лучше, чем сидя на одном месте.

Мальчик зашагал по улице. Вот он, мир. Пестрый, разношерстный, многоголосый. Жестокий и неприветливый, готовый в одну секунду проглотить несчастное зазевавшееся существо. Мир, где прав самый влиятельный и могущественный, а честность и справедливость может лишь выживать, не жить.

Он поддел носком ботинка мелкий камушек. Кто он? Всего лишь песчинка. Один из миллиардов. Что он решает? Ничего. За него уже все решили другие. Что он может изменить?.. Он лишь может жить – по тем законам, писанным или неписанным, которые уже существуют.

А если они его не устраивают? Ну и что? Мало ли что кому не нравится. Всем угодить невозможно. Дело не в том, что не нравится лично ему, а в том, что это несправедливо по отношению к другим. Мир, в котором для удовлетворения чьих-то амбиций должно страдать хотя бы одно живое

существо – это неправильный мир, злой мир. В котором никогда не будет гармонии.

Еще выходя из дома, Максим дал себе слово не заходить в зоомагазин – зачем зря терзаться несбыточными мечтами? Однако ноги сами принесли его на широкий проспект, где сразу за поворотом на первом этаже стеклянного торгового центра располагался зоомагазин «Все для братьев наших меньших», – гласила вывеска.

Максим вздохнул. И вошел внутрь.

Покупателей было немного. Возле большого террариума с черепахами пожилой продавец с авторитетной блестящей лысиной что-то терпеливо объяснял мальчику лет восьми. Тот восхищенно рассматривал черепаху, медленно поедавшую лист капусты, и, похоже, совсем его не слушал. А около кассы женщина в пальто, видимо, мать мальчика, приподняв очки, сосредоточенно изучала аннотацию к кошачьим таблеткам.

Максим подошел к аквариуму. Синей Рыбы в нем не было. Только бежали вверх пузырьки воздуха из фильтра, да водоросли мерно покачивали листьями в такт движению воды.

«Купили. Э-эхх...»

Максим почувствовал одновременно облегчение и досаду. Досаду – потому, что ему обещали оставить ее на один день, а облегчение – потому что Синяя Рыба нашла-таки себе новых хозяев, и ему не придется пускаться в объяснения, почему он не сможет ее купить.

– Молодой человек!

Максим обернулся. Перед ним стоял администратор магазина.

– Вы вчера хотел купить синюю цихлиду?

– Да, – Максим немного растерялся.

– Нам очень жаль, – на лице администратора было написано искреннее сожаление, – Но эта рыба погибла сегодня ночью. Никто не знает, почему. Все показатели были в норме – и температура воды, и аэрация, – у нас стоит фирменное оборудование. Непонятно, что с ней случилось. Мы заказали новую партию малавийских цихлид, я думаю, через неделю они уже поступят в продажу. Приходите в следующую пятницу.

Максим сглотнул. На него вдруг навалилась странная тишина, словно кто-то накинул сверху плотное ватное одеяло.

– Она... умерла? Синяя Рыба умерла?!

– Мне очень жаль, – повторил менеджер. Видно было, что действительно сочувствует Максиму, так как он перешел на «ты», хотя в кодексе корпоративной этики «Меньших Братьев» было написано черным по белому: к клиентам обращаться строго на «вы», независимо от возраста и социального статуса, – Да не расстраивайся ты так. Ты же не виноват.

– Вы ничего не знаете, – перебил его Максим. Этот человек даже не догадывается, что значила для него эта Рыба. И тут ему внезапно пришла в голову одна мысль.

– А вы можете мне отдать ее?

– Вообще-то нельзя, – запротестовал было администратор, – Да и зачем тебе она?

– Пожалуйста! Мне нужно. Очень, – с мольбой проговорил Максим, пытаясь вложить в свои слова как можно больше чувств. – Я заплачу вам за нее, – мальчик сунул руку в карман, но пальцы нашарили там только три монетки. Максим выгреб из кармана мелочь и положил на прилавок. Это все, что у меня есть, но, я очень вас прошу...

– Но она...

– Это я виноват, что Синяя Рыба умерла, – голос его сорвался, – Я знаю, что если б я купил ее вчера, она была бы жива.

Человек за прилавком задумался, ища причину, чтобы отказать, но увидев в глазах ребенка искреннюю надежду, он сдался и кивнул: «Хорошо, подожди минутку», – и скрылся в подсобке. Вскоре он вернулся, держа в руках небольшой сверток с тельцем рыбы, завернутым в полиэтиленовый пакет.

– Сможешь ли ты простить меня, Синяя Рыба? – прошептал он одними губами, сквозь пелену слез глядя на маленький сверток, лежащий в ладони.

* * *

– Смотрите, Карась идет!

– Эй, Карась! Говорят, ты вчера купил рыбу размером с акулу! Это правда?

– Правда! – завопил мальчишка в оранжевой бейсболке. – Я сам видел, как он ее домой тащил! В пакете с водой!

– Помолчи, Шестерка, – цыкнул на него рослый худой парень со стрижкой «под ноль» и светлыми, почти бесцветными глазами, из-за которых его прозвали «Альбинос». Парень засунув руки глубоко в карманы кожаной куртки и шагнул вправо, преградив Максиму дорогу.

– Здорово, Карась! Как жизнь молодая?

Максим затравленно огляделся по сторонам. Девять или десять мальчишек маячили чуть поодаль, постепенно стягивая круг. Это были парни из банды Альбиноса, наводившей ужас на весь микрорайон. Целыми днями они слонялись по улицам, расписывали стены краской из аэрозольных баллончиков и поджигали хвосты бродячим кошкам. Альбинос был сильным и ловким, несмотря на худобу. Открыто противостоять ему было неразумно и даже опасно, гораздо выгоднее было с ним дружить. Поэтому при случае все старались выслужиться перед ним и снискать его благосклонность. Для этого требовалось немного – достаточно было лишь поддакивать Альбиносу и поддерживать все его идеи.

Максима они, мягко говоря, недолюбливали за излишнюю, по их мнению, скромность и чересчур спокойный характер, а за его увлечение аквариумными рыбками прозвали Карасем. И не упускали случая зацепить его. Сегодня как раз представилась такая возможность.

– Говорят, ты собрался рыбу разводить. Бизнесом решил

заняться?

– ООО «Карась». А что, звучит!

Парни дружно расхохотались, и даже Альбинос снисходительно улыбнулся.

– Ага. А держать-то ты ее где будешь?

– В ванной!

– А продавать будешь как? Соленую, свежемороженую?

Максим пробормотал что-то вроде «Мне надо идти» и попытался пройти мимо, но рыжий веснушчатый мальчишка, самый верный подпевала Альбиноса, бросился ему наперерез и выдернул у него из рук маленький сверток.

– Что это тут у тебя? Корм для твоих рыбешек?

– Отдай! – рассерженно крикнул Максим, – Не смей ее трогать!

– Ну-ка, голос на полтона вниз! Тебе имеет смысл поучиться, как разговаривать со старшими? Кстати, первый урок мы можем преподать тебе бесплатно, – и с криком: «Люви!» рыжий бросил сверток в сторону. Шестерка стоял ближе всех, прыгнул, растопырив руки, но не поймал. Шлепнувшись в грязь, пакет развернулся, и крошечное тельце покатилося по земле. Сапфирового цвета чешуя сверкнула на солнце.

Даже неживая, Синяя Рыба была удивительно красива.

По толпе прокатился вздох изумления. Альбинос с деланно-равнодушным видом неторопливо подошел к Рыбе и наклонился, чтобы получше рассмотреть диковинку.

– Ага, что тут у нас?.. – он протянул руку, задев край пакета, и в этот миг воздух прошил мощный электрический разряд, словно он схватился голыми руками за высоковольтный провод. Сверкнула ослепительно яркая молния, сопровождаемая оглушительным треском, похожий на тот, который бывает, когда втыкаешь вилку в розетку, только усиленный стократ. Парня отбросило на несколько метров назад, он упал и остался лежать без сознания.

Максим первым пришел в себя. Все попрятались кто где, и сейчас осторожно начинали вылезать из укрытий. Отовсюду на Максима смотрели круглые перепуганные глаза. В толпе поднялся шепот, постепенно становясь все осмысленней.

– Что это было? Как ты это сделал? – ошарашенно воскликнул кто-то. Максим шагнул к Альбиносу, но тот с неожиданной прытью вскочил с земли, и с криком: «Отойди от меня! Псих!» спотыкаясь, убежал прочь. Тотчас же всю компанию как ветром сдуло.

Максим остался стоять один посреди своего двора. В воздухе повисла тишина. Лишь на мерзлой, подернутой белым налетом измороси земле, в том месте куда ударила молния, темнело пятно. Мальчик подошел к Синей Рыбе, и с опаской дотронулся до кончика плавника. Ничего не произошло. Тогда он бережно завернул ее в пакет, положил в карман и пошел домой.

Сначала он хотел отнести ее на залив и там закопать в пе-

сок на берегу. Но что-то подсказывало ему, что спешить не стоит. К тому же Максим хотел все-таки сдержать слово, данное самому себе, и принести Рыбу домой. Пусть ей не суждено было плавать в его самом большом аквариуме.

Максим сел за письменный стол и положил Синюю Рыбу прямо перед собой. Почему-то он не мог отвести от нее взгляд. Мальчик смотрел на нее, не мигая, до тех пор, пока не начали слезиться глаза. Во рту был какой-то странный сладковатый привкус. Все тонуло в синем густом тумане...

Очнулся он оттого, что перестал слышать громкое тиканье больших старинных часов-ходиков. В комнате отчего-то было так холодно, что изо рта шел пар. Лед растаял, превратившись в лужицу воды, но Синей Рыбы там не было. Вместо этого в лужице плавала тонкая синяя шкурка. Совершенно пустая.

Ничего не понимая, Максим взял шкурку в руки. Но неожиданно она стала расползаться, рассыпаться, как старая ветхая ткань, пока не исчезла совсем.

– Здравствуй, Максим. Наконец-то мне выпала честь познакомиться с тобой, мой друг.

Он вздрогнул от неожиданности и повернул голову на голос. От увиденного внутри у него все похолодело, а сердце подпрыгнуло к горлу и забилось часто-часто. Примерно в полуметре от потолка, едва заметно шевеля плавниками для равновесия, в воздухе парила Синяя Рыба.

Живая. Настоящая.

Коридор в другой мир

Следующие несколько дней Викиной жизни не принесли с собой ничего хорошего: напротив, с каждым часом, с каждой минутой вокруг девочки словно бы сгущались невидимые тучи, становясь все мрачнее. С того волейбольного матча с ней никто не разговаривал, одноклассники словно забыли о ее существовании.

Но объявление ей бойкота было еще не самым страшным. Все только начиналось.

В тот памятный день Вика опоздала в школу. (Просто потому, что в будильнике разрядилась батарейка, и он не прозвонил в семь часов утра, как обычно). Она успела только ко второму уроку, хотя спешила как могла, и два раза чуть не попала под колеса, перебегая дорогу на красный свет. Но, зайдя в класс, Вика обнаружила, что ее место занято. Катя Пенкина сидела рядом с Митькой, и оба они увлеченно смотрели какое-то видео на новеньком карманном компьютере Жукова. Их головы почти соприкасались. И оба они были вполне довольны жизнью. Вике же оставалось лишь сесть на свободную заднюю парту и, глотая слюнки, наблюдать оттуда за жизнью других учеников, наполненной беззаботным общением. За их непринужденными разговорами, шутками и смехом, за их радостными, улыбающимися лицами.

«Ну уж нет!»

Вика решительно направилась к своему бывшему месту.

– Я здесь сижу, – запинаясь, выдохнула она, – Освободи мне мое место. Быстро.

Разговоры сразу стихли, все приготовились смотреть представление. Зрелище обещало быть занятным.

– Да что ты говоришь? – протянула Катька, ухмыляясь. – Твое место? Ты опоздала, дорогуша, теперь это *мое* место. Поищи себе другое.

– Я с первого класса здесь сижу! – возмущенно воскликнула Вика, всей душой надеясь, что Митька заступится за нее, скажет, что она права, и ему, конечно, никто возражать не будет, и все будет по-старому.

Но Жуков и не думал вставать на ее защиту, а лишь молча наблюдал за развитием событий.

– Отстань, а? – зевнула Екатерина Пенкина, – не видишь, мы заняты. С тобой скучно.

Вике пришлось отступить. Стиснув до боли зубы, чтоб не расплакаться, она села на самую последнюю парту, достала первый попавшийся учебник, раскрыла его на середине и сделала вид, что готовится к уроку.

Вдруг иллюстрация в учебнике, изображающая сцену из известного древнегреческого мифа – Прометей, прикованный к скале и Эфон, орел Зевса, клюющий его печень, ожила. Орел моргнул, отделился от скалы и, цепляясь когтями за нарисованную рамку картинки, уставился на изумленную девочку.

– Ты! – еле слышно выдохнула она.

– Я, я, не сомневайся, – отозвался Орел. – Ну, как жизнь? Давненько не виделись.

Вика испуганно огляделась по сторонам, но, похоже, слышать скрипучий голос могла только она. Никто не смотрел в ее сторону, все как ни в чем не бывало, продолжали заниматься своими делами.

– Что тебе надо? – громким шепотом спросила Вика. – Без тебя проблем хватает!

Орел уставил на Вику черный блестящий глаз.

– Хм, проблем? А не хочешь ли ты избавиться от них?

– Не с твоей помощью! – категорично отрезала Вика.

– Не с моей? А почему бы и нет? Лично я не сделал тебе ничего плохого. Я даже простил тебе, что ты кидалась в меня камнями, – по правде говоря, как бы ты не старалась попасть, все равно б у тебя ничего не вышло. Я ведь не простой Орел, как ты, наверное, уже догадалась.

– Я тебе не доверяю.

– Не доверяешь? – искренне удивился Орел, – Чем же я заслужил твое недоверие? В мои намерения не входит обманывать тебя.

Вика молча смотрела на нарисованную птицу, которая каким-то непостижимым образом могла разговаривать с ней.

– Ты отказалась. Учти: я предлагаю только один раз. Хотя для тебя, так уж и быть, сделаю исключение. А, знаешь, что: давай я покажу тебе на деле, так сказать, авансом, *что* будет,

если ты согласишься, а потом уже ты дашь мне ответ, согласна ли ты мне помочь. Ну как, идет? Все честно, без обмана.

Вика с сомнением покачала головой. Птица ждала ее ответа, и надо было что-то решать. Видя, что девочка колеблется, Орел заговорил вновь:

– Ты ведь в любом случае ничего не теряешь. Не понимаю, что тут думать? Другой на твоём месте, будь он хоть чуть поувереннее в себе, давным-давно согласился бы, а не тянул кота за ээээ... хвост.

Он попал в самую точку. Вика мгновенно заняла наступательную позицию.

– Ты намекаешь на то, что я неуверенна в себе и не могу принять решение? – оскорбленно прошептала она, глаза ее сверкнули. – Может, ты считаешь, что я тебя боюсь? Или что я не справлюсь с твоим архисложным заданием? Не надейся! Давай, продемонстрируй, на что ты способен, а я посмотрю. Только имей в виду: последнее слово за мной.

– О, безусловно. Итак, ты хочешь, чтобы одноклассники общались с тобой, ты хочешь побеждать на турнире по волейболу...

– Я..

– Ты хочешь, – повысив голос, перебил Орел, – чтобы Жукков был твоим, и только твоим другом?

У Вики вдруг невыносимо-мучительно защемило в груди. Сглотнув комок в горле, она прошептала:

– Да...

– Отлично, – кивнула птица, – Приступаем.

Внезапно он закричал, так пронзительно и громко, что у Вики зазвенело в ушах. От его крика с книжных страниц в воздух поднялась мелкая золотистая пыль, которая во мгновение ока окутала девочку с головы до ног, оседая на одежде, волосах, и даже на кончиках ресниц, словно ее искупали в ванне с золотым песком. Пыль мерцала несколько секунд, а затем начала таять, растворяться, и очень скоро исчезла без следа.

– И что теперь? – вопросительно посмотрела она на иллюстрацию в книге. Но нарисованный орел не шелохнулся.

– Э-эй! Что ты со мной сделал?

Вика внимательно рассмотрела свои ладони. Вроде бы ничего не изменилось. И тут вдруг она почувствовала странное тепло, будто внутри нее загорелась яркая трехсотваттная лампочка. По всему телу разлилось весьма странное ощущение, словно оно стало легче пуха, и только сила мысли удерживает его на земле. Одно слово – и ты взлетишь. Вика громко и радостно рассмеялась. Пьянящее чувство силы и безграничной свободы наполнило все ее существо.

Вика подбросила свою авторучку высоко вверх, и небрежным движением в последний момент поймала ее на лету.

Прежняя Вика обязательно уронила бы ручку.

«Работает!»

Работает!!!

В тот день урок физкультуры проходил не в спортив-

ном зале, как обычно, а на улице, на школьном стадионе. Скоро начиналась Зарница, традиционная встреча команд двух школ-соперников, и преподавателями велась интенсивная подготовка своих подопечных. Сегодня ученики восьмого «Б» должны были бежать пятисотметровый кросс вокруг стадиона: для участия в Зарнице надо выбрать самых лучших. Возбужденно сверкая глазами Вика, еще не до конца осознавая свое новое «я», заняла место на беговой дорожке, с краю. Физкультурник посмотрел на нее оценивающим взглядом, и, видимо, хотел что-то сказать, но в последний момент передумал.

Прозвучал свисток, и школьники сорвались с места. Надо ли говорить, что Вика пришла к финишу первой, причем с огромным отрывом от остальных? Она прыгала от радости, так, что если бы сейчас проводились состязания еще и по прыжкам в высоту, она безоговорочно была бы признана абсолютной чемпионкой. Сквозь слезы радости она видела вопящих одноклассников, которые, казалось, начисто забыли ее фиаско на волейболе и теперь шумно чествовали ее как победителя. Среди них был и Митька Жуков, который изо всех сил пытался поймать ее взгляд.

– Вика! Иди сюда! Иди к нам!

– Молодец, Вика!

– Вика, как тебе это удалось? Алексеева еще никто не обгонял!

Они называли ее по имени. Она уже больше не была Ли-

сицей, забитым и затюканным ботаником. Девочка широко улыбалась, все ее существо излучало мощную, пульсирующую энергию успеха. А когда к ней подошел Митька, и, смущенно глядя на свои кроссовки, пригласил в субботу на день рождения, сердце в груди вдруг стало таким огромным, что она была уверена – на всей планете нет человека счастливее ее, ученицы восьмого «Б» Вики Лисицыной.

* * *

Негромко напевая себе под нос, Вика шла по городу. Она хотела в полной мере насладиться своими новыми возможностями, прежде чем все это волшебство исчезнет. А исчезнуть оно могло в любой момент – то, что ничто не вечно под Луной, она за свою жизнь усвоила очень хорошо. Этот день казался чудесным сном, и тянулся так долго, что если бы Вика не оставила дома свои часы, то очень удивилась бы. Небо было васильково-синим и безоблачным, солнце припекало, как в начале сентября, даже облака были не осенние, слоисто-серые, а по-летнему кучевые и белые. Жизнь казалась огромной тарелкой, полной сладких пирожных, которые никогда не заканчиваются и так вкусны, что ты ешь и не можешь остановиться.

Приняв участие в беспроигрышной лотерее, она получила в подарок круглое косметическое зеркальце в красной бархатной сумочке. Купив в кафе рожок мороженого, она стала юбилейным посетителем. В тире она умудрилась сбила все

десять мишеней всего-навсего пятью выстрелами, и долго смеялась, глядя на застывшие лица зевак, случайно оказавшихся свидетелями ее небывалой удачи. Приз, представлявший из себя огромного розового плюшевого медведя с пышным бантом на шее, она брать не стала – не в чем было его нести, и она выменяла его на билет в Луна-парк.

В сквере на центральной площади, около большого фонтана Вика присела на скамейку, чтобы немного отдохнуть и заодно собраться с мыслями. Она перевела дух, и принялась было за мороженое, как прямо перед ней с громким хлопком в воздухе материализовался черный орел. *Тот самый.*

– Добрый вечер, Виктория. Ну, как, нравится тебе такая жизнь?

Вика поперхнулась и закашлялась. Сейчас, если она откажется сделать то, о чем он ее просит, она опять станет давнишней Викой – вечно попадающей в неприятности неудачницей. От волнения она откусила от мороженого огромный кусок и чуть не задохнулась: мороженое было таким ледяным, что у нее заныли зубы.

– Д-да, но... – еле выговорила она с набитым ртом.

– И ты хочешь остаться такой?

– Да, только...

– Тогда слушай! – велел Орел. – Я проведу тебя в одно место. Это далеко отсюда, но ты попадешь туда во мгновение ока. Ты достанешь для меня одну вещь. И отдашь мне.

Вика непонимающе уставилась на черную птицу.

– Какую вещь? – наконец пробормотала она.

– Это талисман. Весьма могущественный и невероятно ценный. От него зависит очень многое, слишком многое, чтобы и дальше оставлять его там, где он сейчас. Времена меняются, Вика. Ты наверняка уже слышала об этом. Мир в опасности, и от этой вещицы сейчас зависит слишком многое. Если не вмешаться, может произойти ужасная катастрофа.

Орел сложил крылья за спиной и, широко расставляя когтистые лапы, заковылял по земле, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Ты справишься, не сомневайся. Ты станешь героем, спасителем мира, потомки будут слагать про тебя легенды. И трагедия будет предотвращена.

По спине у Вики поползли мурашки.

– Трагедия?.. О какой трагедии ты говоришь? – заикаясь, спросила она, – Какой мир в опасности?

Орел склонил голову набок и продолжал:

– Это долгая история, девочка. Ты должна знать, что в этом мире много разных сил, есть могущественные силы добра, и есть силы, цель которых – разрушение. И сейчас настал момент, когда от малейшего толчка все может полететь в пропасть. А я всего лишь страж, я выполняю свою работу, – и только. Ты не поверила мне сразу – это делает тебе честь. Никогда никому не доверяй. Мир полон лжи и обма-

на. Посмотри, в каком мире ты живешь! Сколько вокруг зла, жестокости и грязи! Мир погружается во тьму, и это неотвратимо.

Вика огляделась по сторонам. Пейзаж, знакомый ей с детства, вдруг показался ей невыносимо тоскливым и однообразным. Серое и черное, как на монохромной фотографии. Мир, в котором она жила, такой родной и привычный, он в одночасье стал чужим, неизвестным, негостеприимным. Словно она видела все это в первый раз, хотя знала здесь каждый поворот, каждое дерево, каждый дом.

– Но ты можешь этому помешать. Все, что тебе надо будет сделать – это согласиться. Остальное произойдет само.

Девочка все еще колебалась. Из последних сил она пыталась найти скрытый подтекст в словах черного орла, но не нашла. И все же какой-то внутренний голос на самом краю сознания, надрываясь, кричал ей: «Вика! Не слушай его! Не верь! Не соглашайся! Это ложь! Это ловушка!!»

Вика нахмурилась и встряхнула головой, пытаясь отогнать наваждение. Если она откажется, и случится что-то плохое, получится, что она виновата в «трагедии», ведь у нее была возможность все исправить, а она пренебрегла ею. Что-то ей подсказывало, что теперь уж точно второго шанса не будет.

– Но почему я? – наконец произнесла она.

– Потому что ты – избрана. Много тысяч лет было совершено предсказание. Оно гласит, что Избранник – девоч-

ка, которая сможет нарисовать *наш* мир, не побывав в нем. Это ты, Вика. А это – твоя картина, – он шевельнул крылом, и прямо в руки девочке из ниоткуда спланировал лист бумаги с изображенным на нем дивным садом. – Ты знаешь, что ты нарисовала?

– Моя мечта... – растерянно проговорила Вика.

– Это не твоя мечта. Это – твой путь. И он приведет тебя в Абсолют. Идем же! Надо спешить.

– Но как... – Вика в смятении вскочила со скамейки. – Ты ведь... Я не могу просто так взять и уйти! Я даже не знаю, как тебя зовут!

Орел снисходительно ухмыльнулся и бросил:

– Зови меня Эриус.

Хрустальный Лотос

Синяя Рыба широко улыбнулась Максиму.

– Не бойся, мальчик. Тебе ничто не грозит. Здесь мы в безопасности.

Максим от изумления потерял дар речи. Он пораженно глядел на Синюю Рыбу, которая невозмутимо исследовала пространство его комнаты, подплывая к различным предметам и с любопытством рассматривая их. Максим несколько раз хорошенько ущипнул себя, чтобы убедиться, что Синяя Рыба, парящая под потолком, не сон. Но это не помогло – картина осталась прежней.

– Кто ты? – наконец выдавил он.

– Мы знакомы. Я – Синяя Рыба, – сказала Рыба.

– Но как ты можешь обходиться без воды? – воскликнул Максим. – Ты же – рыба! Рыбы могут жить только в воде, это я точно знаю!

– Интересно, что ты не спрашиваешь, почему я могу говорить, – усмехнулась Синяя Рыба, – рыбы ведь не разговаривают.

– Ты...

– Я не простая рыба. Я – не такая, как они, – она махнула плавником в сторону круглого аквариума с барбусами и неонами. Сейчас я существую в облике рыбы. Раньше же я выглядела по-другому. В воздухе, кстати, передвигаться значи-

тельно проще, чем в воде. Но не во всех мирах это возможно. Как-то я оказалась в мире, где стоял такой холод, что даже газ превращался в жидкость, и вместо атмосферы там был океан. Тамошним обитателям приходилось несладко...

– *Другие миры?* – перебил ее Максим, от изумления позабыв о вежливости. – Ты имеешь в виду параллельные миры? Так они существуют? Но где... как...

– Ты задаешь слишком много вопросов, – остановила его Синяя Рыба, – Да, миров множество. Несовершенных, материальных миров, если точнее. Они существовали всегда, но их число непостоянно. Время от времени – примерно раз в две-три вечности – появляется новый мир, и примерно через такой же интервал времени какой-нибудь из миров умирает. Однако есть мир, на котором замыкаются все остальные. Это – Абсолют. Я пришла оттуда.

– Что значит «замыкаются все остальные»? – не понял Максим. – Выходит, он какой-то особенный?

– Можно и так сказать, хотя это не совсем верно. Это мир, в котором рождается Материя. Мир, с которого когда-то все началось. Там возникла жизнь, и этот процесс продолжается и в наши дни. Это мир абсолютных возможностей, абсолютных чувств, абсолютных существ. Там ничего нельзя сделать наполовину. Там не существует тайных смыслов и двойных значений. Там есть только истина – она первая, и она же единственная. Я – абсолютное существо, поэтому на меня не распространяются законы вашего материального

мира, например, гравитация. Видишь, я не падаю вниз, хотя по всем законам природы должна была упасть.

От потока информации у Максима заболела голова.

– Но... зачем ты здесь?

Синяя Рыба ласково улыбнулась Максиму, и от этой улыбки ему стало так тепло, как будто он выпил чашку горячего шоколада.

– Разве ты еще не догадался? Я пришла за тобой. Ты – Избранный.

Максим открыл рот. Что это, все-таки, сон или чья-то хорошо подготовленная шутка? Или правда?..

– Я – кто? – робко пробормотал мальчик. – Избранный? Но меня никогда никуда не выбирали, я даже старостой в классе никогда не был. Это, наверное, ошибка. Извините меня, пожалуйста, но, наверное, я не тот, кто вам нужен. Если вы ищете героя, то в нашем мире их много. Стоит включить телевизор – глаза разбегаются, столько их там. А я – я не обладаю никакими особыми талантами, чтобы быть избранным. Я ни в чем не был первым, никогда. И по алгебре у меня только четверка.

Синяя Рыба искоса посмотрела на Максима.

– Почему ты так неуверен в себе?

– Ну... я ведь не знаю, что должен буду сделать. А если в самый ответственный момент я подведу вас? Нет, я должен предупредить сразу: я думаю, что это не лучший выбор, и вам следует пересмотреть его.

– Во-первых, давай на «ты», – сказала Синяя Рыба. – Мы ведь друзья. Зачем все эти условности? Тем более что они существуют только в Этом мире. Там, откуда я пришла, нет подобных глупостей: к одним можно обращаться на «ты», к другим – нельзя, а то, не ровен час, обидятся. А во-вторых, – Рыба строго посмотрела на Максима, – Ты – Избранный, потому что пророчество указало на тебя. Все сходится. А твои сомнения только подтверждают, что я не ошиблась. Поверь, нам нужен именно ты, Максим. Ты – единственный, кто может нам помочь, и я уверена, что ты справишься.

– Справлюсь с чем?

– С миссией, которая возложена на тебя. Пророчество было о тебе, не сомневайся. Там сказано, что я должна найти того, кто пожалеет невинное незащищенное существо и отдаст последнее ради его спасения. Того, кто сам, по доброй воле решится противостоять злу, зная заранее, что в этой борьбе он обречен на поражение, но все равно не теряя надежды. Надежда и вера в добро – вот в чем твоя сила, Максим. Никогда не сдавайся и не останавливайся, и, кто знает, может когда-нибудь ты достигнешь того, к чему стремился.

Максим зачарованно слушал Синюю Рыбу, не смея вздохнуть.

– Я искала тебя почти три равноденствия, искала во всех уголках Вселенной, я побывала в тысячах миров, и видела миллионы людей. И порой мне казалось, что я почти у цели, но в последний момент мне становилось ясно, что я оши-

балась. Многие делают добрые дела, чтобы казаться великодушными, кто-то – чтобы прославиться, кто-то – дабы потешить свое самолюбие. Верующие стараются не грешить, чтобы не прогневить своего Бога, и после смерти попасть на небеса. Атеисты стараются не нарушать закон, потому что это может привести к проблемам с земными властями, – так что, по большому счету, все они живут «правильно» только потому, что им это выгодно – в той или иной степени...

Синяя Рыба замолчала и глубоко задумалась. Наконец она заговорила, и скорбь была в ее голосе:

– Ты еще ребенок, Максим. Тебя еще не коснулась вся жестокость этого мира, еще не запятнала твоей чистой детской души. Как жаль, что взрослые забывают, что были детьми.

В голове мальчика роилось множество вопросов, и он не знал, какой из них задать первым. Наконец он спросил:

– К-какая миссия на меня возложена?

Синяя Рыба будто ждала именно этого вопроса.

Я расскажу тебе нашу историю. Это будет ответом на все твои вопросы. Слушай.

– ...Давным-давно, на заре времен, на окраине Мироздания кем-то из Высших сил (сейчас уже трудно точно установить, кем именно), был создан мир. Это был идеальный мир, настолько прекрасный, что дух захватывало от его красоты и совершенства. Никому раньше не удавалось создать что-либо подобное, никому не удалось сделать это и по сей день.

Населяли этот Мир существа, очень похожие на людей: тысячи и миллионы лет они жили в роскоши и благоденствии, и не было в их сердцах места Тьме.

Жил там один мастер, гениальный маг и алхимик, и был он настолько гениален, что никто не мог сравниться с ним в его мастерстве. За это Высшие силы подарили ему Божью Искру, средоточие Светлой энергии созидания. С помощью этой Искры из огромного кристалла горного хрусталя очень чистой воды он создал Лотос, а Искру поместил внутрь него. Этот артефакт должен был оберегать людей и давать им силы для Жизни, Любви и Творчества. Миллионы лет Хрустальный Лотос был великой святыней для жителей этого мира, и помогал им во всем. Жрецы построили Великую пирамиду, в самом центре которой был воздвигнут нефритовый алтарь с нишей для Хрустального Лотоса. Люди хотели уберечь свой Талисман от холода и зноя, но они были не в силах уберечь его от самих себя.

Однажды в доме одного ученого-ювелира раздался звонок дверного колокольчика. На пороге стоял пятилетний мальчик; бушевала метель, ребенок весь продрог и выглядел очень усталым. И он попросил старца приютить его. Человек этот был очень добрый и милосердный, и с радостью согласился. Он пытался выяснить, чей это ребенок, но, кого бы он не спрашивал, все в один голос твердили, что никогда раньше не видели его, и не знают, откуда он пришел. Но видимо, мальчик очень долго шел по улице, так как он был сильно

простужен, и долго лежал в горячке, а когда выздоровел, то ничего не помнил о своей прежней жизни, не помнил даже собственного имени. И тогда ученый решил стать опекуном мальчугана, и дал ему имя Виктор.

Шли годы, и Виктор привык считать старого ученого своим отцом, и когда тот работал, очень любил, забравшись в большое кожаное кресло, подолгу сидеть в нем, наблюдая за его экспериментами. Заметив его интерес к науке, ученый начал обучать Виктора всему, что знал сам. Виктор проявил неожиданное рвение к учебе. Усидчивый и упрямый, он был очень благодарным учеником: прилежно и старательно, как губка, юноша с жадностью впитывал любые новые знания. Казалось, у него настоящий талант. Но его приемный отец не знал, что по ночам Виктор тайком проникает в лабораторию и ставит там свои собственные опыты.

В семнадцать лет Виктор знал больше любого профессора, но когда после смерти старого ученого ему предложили занять его место в Академии Наук, он отказался, переехал на север, в малонаселенную провинцию и там, в тишине, продолжил свои эксперименты. Он отказался от всего, что было в той жизни, даже от своего имени, которое ему никогда не нравилось, и придумал себе новое имя – Скорпиус. Он не просто хотел во всем быть не похожим ни на кого, – он хотел быть первым, лучшим, уникальным, единственным в своем роде. Виктор – имя распространенное, и это задевало его самолюбие. Скорпиус не мог допустить, чтобы ко-

го-нибудь звали так же.

Синяя Рыба с сожалением вздохнула и воскликнула:

– Сколько пользы он принес бы своим соотечественникам, если бы использовал свою изобретательность и силу во благо, а не во вред! Но судьба вольна была поступить иначе. Вряд ли в том мире можно было найти кого-нибудь, кто не слышал о легендарном Хрустальном Лотосе. Скорпиус не был исключением, и однажды ему в голову пришла дерзкая идея: сделать *еще один* Лотос, но лучше и совершеннее старого.

Долгие месяцы он не выходил из своей мастерской, пытаясь претворить в жизнь свой дерзкий замысел. Он сделал сотни моделей, но ни одна из них не была так же прекрасна, как подлинный Хрустальный Лотос. О, эти Лотосы были невероятно красивы, настоящие произведения искусства, но создатель уничтожил их один за другим. Время шло, но ничто не могло охладить пыл Скорпиуса. Порой ему удавалось создать что-то весьма похожее на оригинал, но разница все же была: что-то неуловимое в игре света на хрустальных гранях, в танце крошечных солнечных зайчиков, отбрасываемых на стены, в преломлении лучей в бесконечном зеркальном коридоре, уходящем в глубину, или в сплетении тысяч маленьких радуг в его прозрачных недрах, тонких, как крылья мотылька.

И тогда в порыве отчаяния Скорпиус решил выкрасть Хрустальный Лотос из святилища, чтобы дома сделать точ-

ные замеры и рассчитать, в чем же его ошибка. Он подсыпал в колодец, из которого жрецы храма брали воду для питья, снотворный порошок, а, когда они заснули, беспрепятственно проник в пирамиду и похитил талисман. Принеся его домой, он сразу же принялся за работу. Всю ночь Скорпиус трудился не покладая рук, и, наконец, все было готово: новый Лотос был точной копией оригинала, но сияние, исходившее от него, было ярче и контрастнее, каждая грань излучала почти осязаемую мощь. Только сила эта, в отличие от Силы истинного Лотоса, была неживая, жесткая, острая, как бритва, было в ней что-то хищное, жестокое и угрожающее. Но Скорпиус этого не заметил. Он был счастлив, потому что достиг своей цели: теперь он по праву мог именоваться самым великим Мастером всех времен и народов. Настоящий Хрустальный Лотос стал ему больше не нужен, и он решил поскорее отнести его назад, пока его не хватились, — за окном уже стало светать, а ему не хотелось, чтобы кто-то узнал об этой аванюре.

Повторно пробравшись в пирамиду, Скорпиус хотел было положить Лотос на алтарь, но поскользнулся на отполированных гранитных ступенях, и Хрустальный Лотос, святыня всего человечества, упал на каменный пол и, конечно, разбился. Артефакт раскололся пополам, и Божья Искра, запаянная в нем, высвободилась, а так как она была очень уязвима для воздействия внешнего мира, то налетевший порыв ветра погасил ее. Подарок Светлых сил погиб, будто его

и не было.

Ты думаешь, Скорпиус расстроился, когда увидел, *что* он натворил? Ничуть! Напротив, все случившееся он воспринял как знак, ниспосланный Свыше, и истолковал его по-своему: Высшие силы благоволят ему и указывают на него как на Избранного, а на его творение – как на новый светоч Истины. Глупец! Он и сам не заметил, как тщеславие и гордыня затащили его душу в свой омут. В омут, из которого нет выхода. Да, сердца людей легко поддаются соблазну. Немногие могут противиться этому сладкому яду. Скорпиус проиграл эту битву и стал рабом своих страстей.

И тогда он поднялся, со смехом отбросив в сторону ненужные больше осколки, и водрузил на алтарь свой Хрустальный Лотос, и воскликнул: «Теперь люди будут поклоняться мне и моему Лотосу, и я буду самым великим Мастером во все времена!»

Но в этот миг солнце поднялось из-за гор, и первый луч света коснулся вершины пирамиды. И Высшие, которые когда-то создали этот уголок Вселенной, увидели, что один из людей возомнил себя равным им, осквернил святыню и поправил все, на чем зиждился мир и благополучие в течение миллионов лет. «Нет пощады предателю!» – вскричали они. И небеса заволкло тяжелыми грозовыми тучами, и сверкнула молния, и поразила Скорпиуса в самое сердце, дотла испепелив его тело.

– Тогда все еще можно было исправить, – Синяя Рыба со-

крушенно вздохнула и, помедлив, продолжила, – Но среди Высших Сил была одна... Сила. Молодая и неопытная Сила, которой стало жаль Скорпиуса. Ей казалось, что ему следует дать еще один шанс, что он может понять свои ошибки и попытаться исправиться. Боже, как она была неправа! Эта ее жалость испортила все: тело Скорпиуса было уничтожено, но дух его продолжал существовать. Одна из молний попала в созданный им Лотос, прожгла в нем крошечное отверстие, и тонкая материя его сущности воспользовалась этим и проникла туда. Камень вспыхнул от перегрева и расплавился, навсегда замурав в себе мятежный дух черного мага. Он стал пылинкой в стекле, но все-таки он еще кое-что мог: он мог подчинять себе чужую волю и таким образом управлять людьми. Это помогло ему сделать так, что никто из людей не заметил подмены. Но Божьей Искры не стало, и этот мир стал уязвим для Темных сил, которые не заставили себя ждать. Люди больше не стремились к Добру и Свету: их души огрубели, а сердца стали холодными как лед. Постепенно тот мир погряз в пороках и грехах, и когда яд Темной энергии распространился настолько, что все вокруг стало черным, солнце погасло навек, и несчастный мир раскололся на части.

Синяя Рыба дышала глубоко и взволнованно, раздувая жабры, словно она только что пережила это все сама.

– Значит, фальшивый Лотос был уничтожен?

– Лотос может уничтожить только его создатель. Но они

навечно связаны воедино: дух Скорпиуса и Хрустальный Лотос. Высшие забрали Лотос в наш мир, где он был помещен в тайник. Тайник охраняется мощными заклинаниями, чтобы никто не мог случайно наткнуться на него и освободить Скорпиуса из хрустального плена.

Максим слушал ее, затаив дыхание.

– Когда чудотворная Божья Искра была утрачена, Высшие Силы приняли решение сделать копию того мира. Но поскольку семена Зла уже дали первые всходы, мир-копия изначально содержал в себе зародыш Тьмы.

– Но почему эти Высшие Силы не могли просто уничтожить этот зародыш? – спросил Максим.

– Изначальное Зло невозможно «просто уничтожить». Оно может исчезнуть само, если люди будут постоянно делать свой выбор в пользу Света. Увы, люди склонны выбирать не то, что правильно, а то, что лучше и удобнее для них.

Максим задумался. Внезапно его мозг пронзила невероятная мысль.

– Синяя Рыба, что это за мир? Мир-копия?

Рыба взмахнула хвостом.

– Ты, наверное, уже догадался, мальчик. Это твой родной мир. Планета Земля.

Максим несколько раз моргнул. Безумная надежда, что все это ему привиделось, и он сейчас проснется, не оправдалась.

– Да, Максим, – продолжила Рыба, – Твой мир, который

ты привык считать единственным и неповторимым, всего лишь копия. Но с первой секунды своего существования он стал развиваться сам, по своим законам. У него свой путь, который пишется здесь и сейчас, постоянно, тут же становясь Свершившимся Прошлым.

Но сейчас твой мир в опасности. Все больше людей становится на сторону Зла. Все сложнее Светлым Силам бороться с этим. Баланс нарушен, Максим, и если масса темной энергии достигнет критической, произойдет цепная реакция, круг замкнется, и Земля расколется, как расколелся когда-то тот легендарный мир, уничтожив всякую жизнь и тем самым очистившись от Тьмы. Это сказано в Пророчестве. Но там сказано также то, что если юный человеческий сын с чистым сердцем сможет пройти семь кругов, отыскать семь ключей и разгадать загадку Двуглавого бога, у нас появится шанс на спасение. Только ты, Максим, можешь подарить нам этот шанс.

Конечно, ты волен отказаться. Никто не собирается тебя ни к чему принуждать, и никто не скажет тебе ни слова упрека, если ты решишь отказаться. Потому как путь, который тебе предстоит, труден и опасен. Теперь ты знаешь все. Решай же.

Максим вдруг почувствовал себя неуютно: от него, как оказалось, ждут великих подвигов, и хотя он был совсем не готов к этому, отступать было уже поздно. Неожиданно он вспомнил свой недавний разговор с отцом. Он ска-

зал тогда: «Пока не знаю, но я клянусь, я даю слово, что я обязательно что-нибудь придумаю». Да уж, назвался груздем – полезай в кузов. Ни одно, даже самое незначительное действие человека, ни одно слово, пусть даже сказанное вскользь или в шутку, не остается без последствий. Максим не искал свою судьбу – она сама нашла его. Что ж, он не будет бежать от нее – это бесполезно и бессмысленно. Все равно произойдет то, что *должно* произойти. Впереди его ждет долгий и трудный путь, много испытаний, но ничто не дается просто так. Нельзя каждый раз прятаться за спины других и говорить: «Может, как-нибудь в следующий раз. А сейчас пусть это будет кто-то другой.»

Нет. Он не такой. Он не трус и никогда им не был. И он сделает все, что нужно – не потому, что так предначертано, а потому что он сам хочет этого, и даже если бы ничего не знал о пророчестве, то все равно выбрал бы именно этот путь.

Максим широко улыбнулся Синей Рыбе:

– Я пойду с тобой и сделаю все, что от меня требуется.

Вперед!

Синяя Рыба подплыла к нему и ласково дотронулась плавником его плеча.

– Я знала, что не ошиблась в тебе. Я знала, что ты согласишься. Что ж, в добрый путь!..

Заседание Совета Высших

Ротсен, председатель Совета Высших, нетерпеливо расхаживал по своему кабинету из стороны в сторону. Было уже далеко за полночь, и первая луна уже давно зашла за горизонт. Вторая, почти полная, стояла высоко в ночном небе, освещая все вокруг мягким оливковым светом, одна из полос которого лежала на паркетном полу кабинета. Ротсен остановился у окна. Посмотрел на луну.

Луна дружелюбно улыбнулась ему:

– Доброй ночи, Высший! Не спится?

Ротсен задумчиво потер подбородок.

– Дела, Мелли, дела... Я жду вестей от нашего посланника.

– От посланника? Из мира номер 1.2-Бета?

– Да, именно оттуда, – кивнул Ротсен.

Его собеседница пренебрежительно сморщилась.

– Фи, какое унылое место! Я слышала о нем. Трехмерный мир. Нет, ну представьте себе: всего только три измерения!! Тоска смертная. Там даже нет гиперпространства! Не представляю, как можно жить в таком убогом мире, плоском, как кубик Рубика. Самую обычную вещь там называют чудом. Бедные!.. – она хихикнула. – А кто Посланник?

Высший маг секунду молчал, а потом произнес:

– Та, которая существует в обличье Синей Рыбы.

Луна еще раз хихикнула.

– Ах, она?.. Да, припоминаю эту историю. Между прочим, это довольно неплохое обличье. Мне кажется, она всегда была такой, хотя знаю, что когда-то она выглядела, как все Высшие... Так что же она должна сделать?

– Найти Избранного и привести его сюда.

Мелани мгновенно посерьезнела. Шутливый тон исчез.

– Избранного? Так значит, время настало?

– Да. Сейчас непростое время для всех нас.

Лунный свет серебром заливал все вокруг – цветущие яблони в саду, высокую кованую ограду парка, большой старинный замок с высокими стрельчатыми окнами, каменными колоннами у парадного входа и многочисленными балконами, башенками и галереями, широкую реку вдали с перекинутым через нее мостом. От напряжения воздух тихо и тонко звенел, как натянутая струна, и все пространство, от земли до небесного свода, было переполнено томительным, беспокойным ожиданием. Мир, с виду такой спокойный и безмятежный, чуть не лопался от нетерпения. Мир ждал новостей от Синей Рыбы.

В Зале Совещаний – большой комнате со сводчатым потолком за круглым дубовым столом, уставленном множеством свечей, сидело несколько десятков существ с самой фантастической внешностью. Здесь были огромные птицы с золотым оперением, которых у нас называли бы фениксами, были существа, похожие на древних полубогов, с крыльями

и без, были духи, бесплотные и прозрачные, чьи эфирные тела слабо трепетали в предрассветных сумерках.

Ротсен заложил руки за спину, и зал замер в ожидании.

– Синяя Рыба отправилась в путь три равноденствия назад, – начал он, – И с тех пор от нее было всего два сообщения, и то давным-давно: первое, что она благополучно добралась до места, а второе – что она приступила к поискам. Все! Больше от нее не было ни строчки! Ни слова! Может быть, Трейнс ошиблась? Может, нет никакого Избранного? Или мы ищем его не там, где надо? В любом случае, больше ждать нельзя, вы сами знаете, почему. Нужно либо отправлять на поиски кого-нибудь еще, либо...

Реакция на эти слова была мгновенная: по залу пробежал ропот, все усиливаясь, нарастая, пока не превратился в шум, такой громкий, что в нем нельзя уже было разобрать отдельных голосов: каждый старался перекрычать другого. Многие вскочили на ноги, кое-кто возбужденно хлопал крыльями, некоторые яростно хлестали себя хвостами по бокам, меняя цвет с бледно-розового до темно-фиолетового.

– Мы не можем идти на такой риск!

– Если Синяя Рыба погибла, исполняя свой долг...

– Значит, кто-то другой *тем более* не справится!

– На нее была вся наша надежда!

– Трейнс не ошибалась ни разу, с тех пор как стоит Абсолют!

Ротсен попытался навести порядок:

– Господа! Успокойтесь, прошу вас! Сейчас еще не время для паники! Нам всем нужно сохранять спокойствие!

– Не время для паники?! – взвизгнул кто-то. – По-моему, сейчас самое время!

– Мы не имеем права позволять себе эмоции! – Глава Совета Высших попытался воззвать к здравому смыслу, – Мы уже использовали наш шанс, и, как видите, он не сработал! Вместо того, чтобы тратить время на бессмысленные споры, нам надо решать, как мы будем спасать мир.

Неожиданно готичный полумрак зала Совещаний пронзил ослепительно яркий луч света, прошив его от пола до потолка. В середине молнии появилась горошина, словно она завязалась в узелок. Горошина начала расти, и очень быстро превратилась в шар размером с баскетбольный мяч, блестящий так ярко, словно он был сплетен из тонких золотых нитей.

Постепенно шар стал прозрачным, как стекло, и изумленным взглядам членов Совета Высших предстал мальчик, идущий по дороге. Рядом с ним была Синяя Рыба, она плыла с правой стороны, в нескольких сантиметрах от его плеча.

Голограмма повисела в воздухе еще минуты две, а затем сигнал стал пропадать, изображение зарябило, сменившись разноцветными вертикальными полосками, как в неисправном телевизоре. Шар вновь сжался до размеров горошины, и исчез.

Повисло напряженное молчание.

– Мы... – Ротсен запнулся.

– Мы должны были верить в нее, а не поднимать бессмысленную панику! – проворчал седовласый кентавр, – Синяя Рыба не обманула наши ожидания! Она справилась!

– Но это же ребенок, – нерешительно пробормотал Ротсен. – Ничего не понимаю. Он – Избранный?! Я полагал, он будет все-таки немного постарше. В Пророчестве сказано...

– В пророчестве сказано, что он придет! И он пришел. Теперь у нас *есть* шанс!

И словно в подтверждение этим словам, из-за горизонта показался тонкий краешек солнца, и первые проблески наступающего дня упали на влажную от росы траву. Утро заглянуло в стрельчатых окна древнего замка, полумрак рассеялся, и янтарный свет заиграл в разноцветных стеклах витражей, а плавающие в воздухе пылинки стали похожи на маленькие золотые блики. Пылающим огненным шаром над миром вставало солнце, и это было солнце надежды.

* * *

В вечернем небе плыли сиреневые облака; долговязые прямоугольники небоскребов центральной части города, хорошо видной отсюда, безмолвно чернели на фоне разгорающегося заката. На противоположной стороне небосклона, на востоке, поднималась полная луна. По улицам сновали автомобили и мопеды, люди, утомленные длинным рабочим днем, спешили к себе домой. Никто не обращал внимания

ни на Вику, ни на огромную хищную птицу, сидящую на чугунной ограде газона рядом с девочкой.

Вика смотрела на город, как на кадры старого кино. Несомненно, она была в нем, и все же словно бы наблюдала его со стороны, из зрительного зала.

Закат окрасил струи фонтана в ярко-алый цвет, так, что вода стала похожа на гранатовый сок.

Или на кровь...

– Послушай, Эриус, – Вика попыталась привести мысли в порядок, – Я не могу уйти, не предупредив...

– Бабушку? – лукаво прищурился Эриус. – Ах, да. Совсем забыл. Смотри!

Он издал звук, похожий на шум радиоприемника, настраиваемого на нужную частоту, и, запрокинув голову вверх, закрыл глаза. Вика почувствовала, что ее словно впечатали в окружающее ее пространство, которое вдруг стало плотным и вязким, как парафин. А через мгновение напротив нее в воздухе возник силуэт, слабо мерцавший в сгущающихся сумерках. Силуэт девочки, как две капли воды похожей на нее. Он становился все осязаемей, реальней, отчетливей, пока не уплотнился до такой степени, что со стороны никто не заметил бы разницы. Напротив Виктории Лисицыной стояла ее точная копия.

Девочка ошеломленно смотрела на своего двойника.

– Ну как, нравится?

– Вика-клон, моргая, медленно озиралась по сторонам.

– Как... ты... это сделал? – с трудом проговорила Вика. От изумления она еле дышала, и слова давались с трудом, в горле все пересохло, как на экзамене, когда, вытянув билет, идешь отвечать.

– Теперь ты можешь идти, куда угодно, – проигнорировав ее вопрос, торжествующе отчеканил Эриус. – А твой двойник останется здесь, и все будут думать, что она – это ты.

Его глаза вдруг вспыхнули, и он произнес всего лишь одно слово:

– Оживи!

Вика-копия вдруг вздрогнула, словно очнувшись от оцепенения, подняла со скамейки сумку, и расправив складки юбки привычным Викиным жестом, пошла по направлению к ее дому.

– А когда я вернусь... – начала Вика...

– Она исчезнет. Растворится в воздухе, как только ты переступишь порог этого мира, – объяснил он.

– Но как я...

– Возьми свой рисунок и поставь его на землю – приказал Эриус.

Вика подчинилась. Она попыталась немного согнуть лист бумаги, чтобы он не упал, но ватман словно превратился в стекло: его невозможно было ни согнуть, ни помять. Вика отпустила картину, и, вопреки всем законам физики, она не упала, а осталась висеть в воздухе абсолютно вертикально, словно ее удерживала в этом положении какая-то не-

домая сила. Впрочем, резонно отметила про себя Вика, законы физики не действовали уже давно.

Черная птица раскрыла клюв, и прокричала три хриплых слога. И, словно повинувшись его приказу, рисунок в то же мгновение стал расти, увеличиваться, пока не превратился в огромный плакат высотой в несколько метров.

В этот момент последний отблеск заката упал на землю, и было в этом лоскутке оранжевого света что-то такое, что Вика на миг подумала, все ли она делает правильно, и не лучше ли остановиться, пока не поздно. Но налетевший ветер пригнал темные плотные тучи, которые закрыли свет, и маленький солнечный зайчик растаял, исчез.

Эриус произнес еще один, последний слог заклинания, и поверхность рисунка начала двоиться, расслаиваться, как изображение стереокино: это было уже не плоское изображение. Это была дверь. Дверь в чудесный, таинственный, неизвестный мир. Такой манящий, такой прекрасный...

Вика нерешительно протянула руку и попыталась дотронуться до поверхности бумаги. Однако рука ее не нащупала ничего, кроме воздуха. Потому что рисунок уже не был рисунком.

Нарисованные растения превратились в настоящие. Лепестки волшебных цветов светились золотисто-розовым сиянием, источая тонкий, почти неуловимый аромат – аромат другого мира. Ветви деревьев и кустов раскачивались, поскрипывая, листья слабо шелестели на ветру. Они были так

близко, что Вика могла разглядеть каждую прожилку. Дорога уходила вперед, в густую, бархатно-черную тьму.

Вика медленно обошла вокруг Входа, но с другой стороны ничего не было. Вообще *ни-че-го*.

«Четвертое измерение?»

– Идем же! – стараясь скрыть свое нетерпение, крикнул Эриус.

И Вика шагнула в темноту тоннеля. Орел деловито огляделся по сторонам, и, пробурчав что-то себе под нос, скрылся в туннеле следом за ней, напоследок пробормотал заклинание, закрывающее проход. Вика шла далеко впереди, и не видела, как ветви сплелись, наглухо запечатав вход и отрезав девочку от ее родного мира. Она не оглядывалась назад, она не думала о будущем, она шла вперед – туда, где в непроглядной темноте мерцали две яркие точки.

Солнечная дорожка

Максим, стараясь не шуметь, носился по своей комнате, складывая вещи в папин походный рюкзак. Он собирался в дорогу. Синяя Рыба молча наблюдала за сборами из безопасного места около люстры. В рюкзаке уже лежали фонарик, бинокль, увеличительное стекло, веревка, спички, бутерброды с сыром, завернутые в целлофановый пакет, и теплая куртка на всякий случай.

Солнце еще не поднялось из-за горизонта. Далеко-далеко на востоке занималась заря. Небо постепенно светлело.

Родители и младшая сестренка еще спали. Максим вздохнул. Он не хотел их будить. И понимал, что бессмысленно пытаться что-то объяснить, все равно ему не поверят. И, конечно, никуда непустят. Он поднял глаза к потолку и посмотрел на Синюю Рыбу. Вчера его мама едва не столкнулась с ней в коридоре, но не удивилась и не испугалась. Они ее попросту не замечали, не видели. Наверное, потому, что не верили.

Потому, что они были взрослыми.

Только его младшая сестренка Аля, увидев Синюю Рыбу, весело засмеялась и запрыгала на одной ножке:

– Максим, Максим, смотыи скоеее! Синенькая ъибка! Добьяя синяя ибка! Можно, я с ней поигьяю?

А папа, который стоял рядом, лишь пожал плечами, ре-

шив, наверное, что это ее очередная фантазия.

Для Максима, однако, все было не понарошку. Игры кончились. Он уходит из дому. Уходит без разрешения. Но путей к отступлению не было.

Он не может их ничего рассказать. Но он может написать записку.

Воодушевленный этой удачной идеей, Максим сел за стол, и на листке, вырванном из блокнота, старательно вывел своим неровным детским почерком:

Дорогие мои папа и мама!

Я вас очень люблю, но стечение обстоятельств вынуждает меня уйти. Я не могу вам сказать, куда я иду, потому что и сам не знаю. Да вы мне и не поверите. Но я не могу остаться. Это моя судьба, с которой я не в силах спорить. Так получилось, что кроме меня, никто не сможет это сделать. За меня не беспокойтесь: у меня есть надежный друг и проводник, с ней я в безопасности. Постараюсь вернуться как можно быстрее. Пожалуйста, не сердитесь на меня. И помните, где бы я ни был, я всегда буду помнить о вас и любить вас. Поцелуйте за меня Алю.

Не переживайте! Я буду осторожен, обещаю.

Надеюсь, до скорой встречи.

Максим.

С минуту мальчик смотрел на только что написанные строки, потом согнул записку пополам и положил на стол. Быстро оделся, накинул куртку, взял рюкзак и ботинки,

и на цыпочках вышел из квартиры.

Щелкнул замок. Максим прислушался, затаив дыхание.

Все было тихо. Никто его не услышал.

Его исчезновение заметят только часа через два. Значит, время еще есть.

Шнурки Максим завязывал уже на лестничной площадке. Застегнул куртку, натянул перчатки. Синяя Рыба, паря в воздухе возле его правого уха, невозмутимо смотрела на Максима.

– Готов? – улыбнулась она.

– Да.

– Тогда пойдём.

Максим вышел на улицу, Синяя Рыба плыла впереди. В предрассветном тумане город казался декорацией к спектаклю. Прохожих в этот ранний час было мало: куда-то спешила женщина в красном берете, зябко кутаясь от холода в пуховый платок, дворник сметал с тротуара листья, от соседнего подъезда медленно отъезжала неповоротливая черная машина, предусмотрительно включив противотуманные фары.

– Надо спуститься к реке. Скорее, Максим! Рассвет близится. Мы должны успеть до восхода солнца. – Синяя Рыба повернулась и быстро заскользила по воздуху в сторону парка, за которым была речная пристань. Максим пустился за ней вдогонку. Подошвы ботинок скользили по мокрой от росы палой листве. Синяя Рыба была уже далеко, с такого

расстояния ее почти не было видно, лишь ее хвост то и дело мелькал между деревьями.

«Зачем мы идем на пристань? Мы поплывем на лодке?»

В их городе не было ни крупного речного порта, ни торгового или пассажирского флота. По реке ходили только небольшие парходики, речные трамвайчики и прогулочные яхты, катающие туристов на водопады. Несколько таких яхт сейчас стояли у пирса, лениво покачиваясь на волнах.

Но Максим верил Синей Рыбе, и верил, что она приведет его, куда надо.

Серая лохматая дворняга, пробегая мимо, остановилась, и, посмотрев на Синюю Рыбу, приветственно твякнула. Синяя Рыба улыбнулась и что-то ответила ей на собачьем языке. Радостно завилял хвостом, пес высунул мокрый язык и побежал по своим делам.

Максим выбежал на пристань. От воды тянуло влажной прохладой и запахом водорослей. Зеленые волны неспешно накатывали на прибрежный песок.

А за рекой, из-за леса на противоположном берегу вставало Солнце.

Красное, слепящее, огромное. Каждый день безвозмездно дарящее нам свое тепло и свет, оно и сегодня поднималось на небосвод, чтобы согреть продрогший за длинную осеннюю ночь город своими ласковыми лучами.

– Мы успели! – воскликнула Синяя Рыба. – Смотри!

Из-за горизонта пока показался только самый краешек

солнца, тонкий ломтик. Но на поверхности воды уже появилась дорожка из огненно-рыжих бликов. Словно кто-то шутки ради вылил в воду расплавленное золото.

Максим подошел к реке, щурясь на солнце. Поверхность воды была спокойна, как никогда, лишь слабый ветерок гнал легкую рябь. В воде плавали маленькие серебристые искорки света.

– Иди, – сказала Рыба.

Максим недоуменно посмотрел на нее, потом перевел взгляд на солнечную дорожку.

– Ты предлагаешь... идти по воде?

– Да. И поторопись. Солнечная дорожка не может держаться долго. Скоро она исчезнет, и тогда мы сможем пройти через главный Вход только через пятнадцать лет. Было бы непростительной роскошью терять столько времени.

– Вход... открывается раз в пятнадцать лет?

– Нет. Гораздо реже. Надо, чтобы совпало еще кое-что.

– Что?

– Иди же! – почти крикнула Синяя Рыба, с нетерпением взмахнув плавником.

Максим набрал в грудь побольше воздуха, и, задержав дыхание, осторожно ступил на поверхность воды. Он был почти уверен, что промочит ноги или, что хуже, не удержит равновесия и упадет в воду. Но рядом с ним в воздухе плавала Синяя Рыба, как живое подтверждение тому, что чудеса случаются, что чудо можно встретить где угодно и когда

угодно, что...

Дорожка из солнечных бликов, вибрируя, мягко прогнулась под его весом, словно батут для прыжков. Двигаясь как можно более плавно, Максим поставил на дорожку вторую ногу, и несколько раз топнул, проверяя ее на прочность.

– Молодец, – с облегчением вздохнула Синяя Рыба. Идем скорее. Не смотри вниз. И не сходи с дорожки. Не бойся, пока ты со мной, тебе можно ничего не бояться. Ты не утонешь.

– Я знаю! – Максим рассмеялся. – Потому что ты волшебная, да? Ты все можешь!

Синяя Рыба вдруг погрузилась, и тяжело вздохнула, но Максим, вдохновленный удачей, ничего не заметил. Мальчик уверенно шагал по водной глади, словно это была твердая земля. Он больше не разводил руки в стороны, пытаясь удержать равновесие, как канатоходцы в цирке, а засунул руки в карманы.

– Как мы попадем Туда? – первым нарушил молчание Максим.

Синяя Рыба махнула хвостом в сторону линии горизонта.

– Там, где Земля сливается с Небом, границы миров неустойчивы и зыбки, и при определенных обстоятельствах их можно поменять местами, так, что живое существо может пересечь их и попасть в другой мир. Представь себе полоску бумаги, свернутую в кольцо. Допустим, что обе стороны ленты – это два разных мира. Они существуют совсем рядом, в одной плоскости, но, находясь на одной стороне, ты даже

не подозреваешь о существовании другой. Ты не можешь ни увидеть ее, ни тем более очутиться там. А теперь представь, что мы разрезаем кольцо и, перевернув одну конец бумаги, вновь соединяем его. Две стороны становятся одной, и ты можешь попасть в любую точку.

– Лента Мебиуса, – пробормотал Максим. Старый фокус. – А что еще должно совпасть?

– Время, день и час, положение звезд на небе, температура, влажность, угол наклона земной оси. Ты, наверное, слышал – сегодня мир сможет наблюдать полное солнечное затмение. Люди будут смотреть на солнце, надев темные очки, и делать фотографии на память «на фоне». Но никто из них не знает, что это означает на самом деле. Последний раз Вход можно было открыть тридцать пять тысяч лет назад.

– Так давно? – потрясенно переспросил Максим.

– Да, – кивнула Рыба. – Кроме того, он не откроется сам. Нужен кто-то, кто знает пароль доступа.

– Ты его знаешь.

– Да. Его знают все существа *нашего* мира. Нам не нужен Вход, мы можем перемещаться туда и обратно когда угодно. Но человеку необходим проводник.

– А как же я вернусь назад? – испугался Максим. – Мне что, придется ждать тридцать тысяч лет?

– Конечно, нет, – успокоила его Синяя Рыба. – Обратное попасть несложно. Какая-то часть твоей астральной сущности останется здесь, в твоём родном мире, и где бы ни

был, куда бы ни отправился, она всегда будет связывать тебя с ним невидимой нитью. Нечто подобное происходит, когда ты спишь и видишь сон. Эту связь невозможно порвать, и чем сильнее ты ее натягиваешь, тем прочнее она становится. Когда придет время возвращаться, эта нить сожмется, как растянутая пружинка, и вернет тебя домой.

Максим почесал в затылке, размышляя над услышанным.

– А можно ли туда попасть другим способом, не по солнечной дорожке? – спросил он.

Синяя Рыба вдруг замолчала. Максим уже решил было, что ненароком он чем-то обидел свою провожатую, как неожиданно она произнесла:

– Да. Но это очень сложно. Чтобы открыть вход, ты должен представить себе *наш* мир, в мельчайших подробностях, и изобразить его на бумаге, на холсте, на экране компьютера – на чем угодно. И если тебе удастся это сделать, и вибрации совпадут, изображение вызовет сильный резонанс с изображенной реальностью. Эта сила откроет Вход. Но это опасный путь.

– Почему? – удивился Максим.

– Потому что тот, кто пройдет в Абсолют через нарисованный Вход, должен быть очень осторожен – ведь Его реальность будет существовать лишь до тех пор, пока он верит в нее. Как только он начнет сомневаться – он разрушит свою реальность и, оказавшись в Великом Нигде, неизбежно погибнет.

Дневное светило поднялось над горизонтом на целых две ладони, когда луна круглой темной тенью начала наползать на солнечный диск, пока не закрыла его полностью, оставив только светящуюся корону по краям. Стало темно, но не так, как вечером, после заката. Солнечный свет, такой теплый, добрый и ласковый, вдруг стал холодным и чужим. Неожиданно Максим осознал, что солнечная дорожка исчезла, и он стоит прямо на воде. На воде?! Как только он это понял, в ту же секунду мир перевернулся, земля и небо поменялись местами. Все завертелось, закрутилось в неистовом вихре, и Максим, испуганно вскрикнув, рухнул в воду.

Дна не было. На несколько метров вокруг него была вода. Максим открыл глаза и увидел прямо перед собой Синюю Рыбу, спокойно раздувающую жабры. Она повернулась к мальчику, и открыв рот, выпустила несколько пузырей.

– Это Вход. Видишь? Плыви сюда, – прочел Максим по губам. Позади нее был яркий свет. Синяя Рыба заработала плавниками и поплыла к световому пятну.

Максим хотел закричать, но глотнул воды, захлебнулся, и, отчаянно колотя руками, попытался всплыть на поверхность. Тогда какая-то сила аккуратно, но настойчиво потянула его в сторону света. Сопrotивляться ей было невозможно, и, барахтаясь, Максим полетел вперед, все быстрее и быстрее.

Свет – сияющий, белоснежный, абсолютный, окружил его со всех сторон. Как был непохож этот первоначальный, ис-

тинный свет на тот, к которому привык Максим в своем мире!.. У *этого* света и обыкновенного было столько же сходства, как у живой музыки и магнитофонной записи. Свет был повсюду, облекал, окутывал, словно кокон. Он был огромен, бесконечен, необъятен, но главное – он был *настоящим*.

А потом все закончилось. Максим почувствовал, что лежит на чем-то мягком и пушистом. Он попытался подняться, но голова кружилась, и перед глазами все плыло, как если бы его несколько часов крутили в центрифуге. Каким-то шестым чувством он понимал, что он уже не в своем родном городе, хотя прекрасно помнил, что еще сегодня утром он бы у себя дома. Но силы покидали его. Максим вдыхал воздух иного мира, и, сжимая кулаки, изо всех сил пытался уцепиться за ускользающую действительность. С удивлением он отметил, что его одежда совсем сухая, словно он и не тонул. Что же, все это ему показалось?..

Эта была последняя сознательная мысль, после которой все потемнело, и мальчик без чувств упал на землю.

Трейнс

Кудрявые белоснежные облака нежились на солнышке, в васильково-голубой высоте неба. В воздухе были разлиты безмятежность и покой, и, казалось, ничто не может нарушить эту идиллию.

«Скоро Синяя Рыба приведет *его*, и *он* совершит то, что предопределено Судьбой, и все наконец-то смогут вздохнуть с облегчением».

Глава Совета Высших сидел в тенистом парке, прислонившись спиной к толстому стволу старого дуба, и задумчиво смотрел вверх, на ажурные узоры листвы. В руках он держал небольшой круглый предмет в толстой металлической оправе, похожий на увеличительное стекло, но не прозрачное, а матовое. Внутри него медленно клубился белый туман, то сворачиваясь в кольца, то собираясь в облака.

Ротсен повернул колесо заводного механизма на три деления назад, и в завихрениях тумана стали проступать размытые образы. Девочка. Она шла под проливным дождем, опустив голову, и, похоже, была чем-то огорчена.

Он задумчиво покрутил пряжку плаща. Что бы это могло значить? Спектралайзер никогда не лгал, но порой в его показаниях разобраться было весьма сложно, а иногда они вообще не имели никакого смысла. И все же он пытался на что-то намекнуть. На что-то очень важное...

В воздухе прошуршало, и крупный желудь пролетел чуть правее от его уха, попав в морщинистую кору дерева. В ту же секунду послышалось торжествующее хихиканье, а вслед за ним – сердитый окрик. На поляну, залиvisto хохоча, выбежала белокурая девочка, в пестром сарафане, лет шести-семи на вид. Она убегала от девушки неземной красоты с длинными серебристыми волосами, в которых запутались звезды. Девушка была похожа на фею. Ее длинное белое платье струилось, как предрассветный туман.

Взвизгнув, малышка попыталась спрятаться в высокой траве, но это ей не удалось, потому что ее старшая сестра догнала ее и схватила за руку.

– Кэтти, перестань баловаться! Сколько раз тебе говорить?! Зачем ты бросила желудь в дядю Ротсена?

– Мелли,пусти меня! – девочка попыталась увернуться, возмущенно глядя на сестру. – Мы играли!

– Чтобы я больше этого не видела! – она повернулась к Ротсену и, откинув волосы со лба, устало пробормотала, – Прости. Стоило мне только на минутку отвернуться, как ее уже след простыл. Несносная девчонка! Никакого сладу с ней нет.

«Несносная девчонка», воспользовавшись паузой, выдернула руку и была такова.

Ротсен примирительно улыбнулся:

– Она еще ребенок, Мелли. Ей необходимо играть, ведь только так она может познавать мир. Придет время, она по-

взрослеет и станет другой.

– Проблема в том, что она не хочет взрослеть! Она хочет навсегда остаться ребенком, значит, она им останется, ты же знаешь.

– Не беспокойся. Она обязательно все поймет. И когда-нибудь она захочет вырасти. Очень часто мы, к сожалению, не отдаем себе отчет в том, что то, что мы хотим, может исполниться, – философски добавил он. – Да и всегда ли мы можем сказать наверняка, чего мы хотим?

Мелани опустила на траву рядом с ним.

– Есть новости?

– Пока нет. Но все идет по плану.

– Совет не собирался уже две недели. Можно ли это расценивать как добрый знак?

Ротсен задумался.

– Сейчас еще рано делать выводы. Мы должны дождаться Синюю Рыбу. Тогда, по крайней мере, мы услышим все из первых уст, и уже будем знать точно, чего нам ждать от него.

– Это мальчик?

– Да, его зовут Максим, он...

Внезапно небосвод потемнел, и острая, как лезвие молния прочертила в воздухе кривой зигзаг, следом за которым раздался страшный грохот. Земля задрожала, Мелани попятилась, но, запнувшись о камень, упала на землю. Ротсен лежал в нескольких метрах от нее.

– Кэтти! – закричала она, – Кэтти, где ты?

Последний толчок был такой сильный, что в земле образовались глубокие трещины, а с дерева, под которым они прятались, градом посыпались желуди. Постепенно землетрясение начало стихать, черная пелена – рассеиваться, и через несколько минут все стало по-прежнему. Небо вновь стало синим, солнце все так же ласково согревало землю своими лучами.

Ротсен осторожно поднялся с земли и помог встать Мелани, которая все еще с тревогой оглядывалась по сторонам.

– Это то, что я подумала? – заикаясь, спросила она.

– Да. Он проснулся.

– Кто, неужели?...

– Да, он. Скорпиус проснулся. Это плохо. Надо посоветоваться с Трейнс. Наверняка она уже что-то знает. В любом случае, она знает больше, чем я.

Ротсен уже бежал по направлению к замку.

– Я полечу туда. А ты предупреди остальных. Скажи, что когда я приеду, мы соберем Совет. Но сначала найди Кэтти. И никуда ее не отпускай. Это может быть опасно.

Мелани остановилась.

– Если даже здесь становится опасно, то не означает ли это, что...

– Да, – кивнул Ротсен, – именно это.

– И если у мальчика ничего не получится...

– Это будет конец. Конец всем нам, – закончил он.

Мелли в испуге отшатнулась, ее лицо стало белее мела. Ротсен притянул ее к себе и крепко обнял.

– Не бойся. Мы вместе. Все будет хорошо. Надо верить...

– Да... – эхом откликнулась Мелани, – Надо верить...

Ротсен бережно гладил ее мягкие, как шелк, серебристые волосы.

– Мне надо ехать, дорогая. Найди Кэтти. И не поддавайся отчаянию! Обещаю: я все улажу.

Застегивая на ходу пуговицы куртки, Ротсен подошел к белому коню, который, фыркая и тряся длинной гривой, нетерпеливо рыл копытами землю.

– Привет, Даниту! Соскучился по полетам, малыш? Надеюсь, ты хорошо отдохнул. Сегодня нам предстоит длинная дорога.

Даниту приветственно расправил крылья.

– Куда? – спросил он.

– На Драконью скалу.

Крылатый скакун капризно фыркнул, и встал на дыбы.

– Почему же Глава Совета летит не на вертолете? Или не ты на позапрошлом собрании заявил, что технический прогресс необходимо поощрять? Подобаает ли Высшему летать на простом коне?

– Даниту, неужели ты до сих пор дуешься на меня? – Ротсен виновато улыбнулся и попытался схватить поводья, но конь, разгадав его уловку, дернулся и ударил Ротсена крылом – легонько, но ощутимо.

– Дан, перестань! Ты же знаешь, что вертолет у нас остался только один, резервный, а его брать нельзя. К тому же у него какие-то неполадки в двигателе, и он вряд ли поднимется на такую высоту. А я не могу позволить себе рисковать последним вертолетом.

– Да ну?! А где же, интересно, остальные?

– Три луны назад эскадрилья из дюжины вертолетов пропала в Заоблачных горах. До сих пор ищут. Парочка уже списана: износ больше тысячи процентов. Один, каюсь, я разбил самолично – не вписался в поворот, – увидев выражение, промелькнувшее в глазах Даниту, Высший маг покраснел, и поспешно добавил, – Но это было давным-давно, вертолеты тогда только появились, и еще никто не умел толком управлять ими. Да и, как потом выяснилось, у него были какие-то неполадки в двигателе.

– Как можно не вписаться в поворот *на вертолете*? – с искренним удивлением воскликнул крылатый конь, – Ты в лабиринте, что ли, летал?

– Представь себе, да! Разыскивал этого пропавшего бельчонка. Ариса тогда чуть с ума не сошла от горя – это был ее единственный сын. А остальные вертолеты числятся на балансе Магического Университета.

– Аристократы! – Дан брезгливо сморщился, – Не слишком ли большая роскошь – в командировку летать на казенных машинах? То ли дело раньше – и коврами-самолетами не гнушались, а теперь, видите ли, вертолеты им по-

давай, а старые добрые транспортные средства, стало быть, прошлый век?

– Ну на чем же им летать? У них же нет крылатых коней, – Ротсен примирительно потрепал Даниту по холке, – Мне очень нужна твоя помощь, Дан. Я должен поговорить с Трейнс. Если кто-то и может объяснить, что происходит, то только она.

– Ладно. Полетели, стало быть, – буркнул Дан.

Одним прыжком Ротсен вскочил в седло, и крылатый конь взмыл в небо.

* * *

Драконьей скалой звалась гора, вершина которой состояла из нескольких кривых, как крючья, пиков, издали она была похожа на лапу дракона с загнутыми когтями, стремящегося схватить жертву. Именно здесь, в пещере у подножия горы, жила Трейнс – огромная, огненно-красная саламандра. У нее был сложный характер, длинный хвост и две головы с двумя парами черных пронизательных глаз и острыми языками, способными ответить на любой вопрос.

Трейнс была, пожалуй, самым древним существом всех времен и миров: говорили, что она самолично присутствовала при рождении Вселенной. За долгие годы жизни она повидала немало, и, в конце концов, стала очень мудрой. Кроме того, Трейнс обладала даром предвидения. Днем и ночью к ней приходили спросить совета, узнать правду, или про-

сто проконсультироваться по какому-либо вопросу, а иногда с подобострастной улыбкой просили предсказать им будущее. В конце концов ей это так надоело, что в один прекрасный день она исчезла. Ее искали, но безуспешно. Мудрая саламандра решила навсегда распрощаться с суетой, и, уединившись в пещере на краю света, стала вести жизнь отшельницы. Долгое время никто не мог найти дорогу к ее пещере, хотя не один храбрец пытался отыскать ее.

Когда Ротсен много равноденствий назад нашел пещеру в Драконьей скале, он еще не был главой Совета, он даже не был Высшим. Но ему удалось расположить строптивую саламандру к себе, так, что она согласилась общаться с ним и отвечать на его вопросы – иногда. Тогда, когда это было действительно необходимо.

Хотя крылатый конь летел быстрее ветра, до Драконьей скалы они добрались только к вечеру. Днем в пещере царил полумрак, но с наступлением сумерек там властвовала непроглядная тьма. Снаружи черное отверстие входа, с острыми шипами сталактитов и сталагмитов было похоже на разинутую пасть хищника, готового проглотить любого, кто подойдет к нему слишком близко. Из пещеры шел желто-оранжевый пар.

Ротсен отлично видел в темноте и был здесь не один раз, но сейчас даже он почувствовал что-то похожее на религиозный трепет.

Когда он вошел в пещеру, Трейнс лежала на камнях, от-

дыхая после ужина. Хвост она опустила в ледяную воду подземного озера – это помогало собраться с мыслями и сконцентрироваться на главном. Все четыре глаза ее были полуприкрыты, отчего у неискушенного наблюдателя могло сложиться впечатление, что саламандра спит.

Но Ротсен знал, что у старушки Трейнс отличный слух. Поэтому на расстоянии десяти шагов он остановился и почтительно опустился на одно колено, склонившись в вежливом поклоне.

Трейнс нехотя приоткрыла один глаз и проворчала:
– Что привело тебя ко мне на этот раз, о Высший?
Ротсен поднял голову и протянул ей спектралайзер.
– Вот это.

В круглом стекле прибора темнело размытое изображение недавней бури – на небо со всех сторон надвигались фиолетовые грозовые тучи, сверкала молния, порывистый ветер пригибал высокие деревья к самой земле.

С минуту Старейшина молча рассматривала прибор, запечатлевший стихию. Потом лениво поднялась с земли и, переваливаясь с боку на бок, заковыляла к большому плоскому камню, служившему ей ложем. Устроившись поудобнее, она устремила на главу Совета Высших свой пронзительный немигающий взгляд.

– Ты знаешь, что это значит, – наконец сказала она.

– Но как такое могло произойти? – воскликнул Ротсен. – Ведь ты буквально вчера смотрела линии Судьбы, и не виде-

ла никаких, абсолютно никаких препятствий!

– Линии Судьбы изменились, потому что изменилось положение вещей. Кто-то пытается вам помешать.

– Скорпиус, – прошептал Ротсен.

– На этот раз – его слуга.

– Слуга?! Но все его приспешники давным-давно отреклись от своего хозяина! Кто он? Откуда он взялся?

Вместо ответа саламандра выпустила из ноздрей четыре тонкие струйки дыма.

– Откуда появляется добро и зло? Ниоткуда. Оно всегда было, есть и будет. Когда-то Скорпиус позаботился о том, чтобы в мире повсюду были посеяны семена зла. И иногда эти семена прорастают – когда падают на благодатную почву. Эриус не был рожден злодеем. Он стал таким. И в этом не виноват никто – только он сам. Он сам выбрал свой путь. Вообще-то, он даже не из нашего мира. Сюда он попал благодаря Скорпиусу.

Трейнс замолчала, тяжело дыша, словно эта речь отняла у нее последние силы.

– Эриус?

– Да. Так его зовут. Он принимает облик огромного черного орла. Там Эриус был человеком. Но, попадая в наш мир, каждый проявляет свою истинную сущность, и рано или поздно внешность делается соответствующей внутреннему содержанию. Впрочем, он может принимать человеческое обличье, но ненадолго.

– Почему?

– В нем слишком много деструктивной энергии. Эта энергия не дает ему удержаться от перевоплощения. Так что он, можно сказать, пленник самого себя.

Она царапнула морщинистой лапой по камню и продолжала:

– Эриус мечтает избавиться от этого облика, который ненавидит. Но помочь ему в этом может только Скорпиус. И он уничтожит любого, кто встанет на его пути.

Ротсен в отчаянии ударил кулаком по стене. Несколько летучих мышей с испуганным писком сорвались с места и, хлопая крыльями, улетели в ночную мглу.

– Я так и знал, – воскликнул он, – Что обязательно появится кто-то, кто будет мешать нам! Почему, объясни мне, почему в жизни нельзя без этого?!

Со сводчатого потолка пещеры мерно падали крупные капли воды, просачивающейся между камней. Их стук был похож на тиканье метронома. Саламандра тряхнула головами и неуклюже поднялась на задние лапы.

– Тише, не пугай моих мышей. Успокойся. Я думаю, мальчик справится. Вот, держи, – она подошла к расщелине в скале и вытащила оттуда длинное алое перо, отливавшее золотом. Во мраке пещеры перо светилось – не изнутри, а так, словно на него падал свет всех самых ярких прожекторов мира. От этого света исходили почти ощутимые волны бесконечной надежности и уверенности. Он успокаивал, вселял

надежду.

В пещере сразу стало светло. Последние летучие мыши, разбуженные вспышкой, громко вереща, улетели вон.

– Это перо феникса, – проскрипела Трейнс, – оно поможет ему найти верный путь и не заблудиться. Отдай его мальчику.

Ротсен осторожно взял перо за черенок.

Спасибо тебе, – горячо поблагодарил он. – Ты опять помогла нам.

Трейнс грузно опустилась на землю, свернув хвост в кольцо и, враз посуровев, сказала:

– Перо должно оказаться у Избранного как можно быстрее. Если он собьется с пути и не выполнит свое предназначение, все мы окажемся в страшной опасности. Слишком многое сейчас зависит от этого ребенка. Я от всей души надеюсь, что он оправдает наши надежды, и желаю ему удачи, но если я ошибаюсь, если этого не случится, то ни я, ни ты, ни весь ваш Высший совет не сможет ничего сделать.

По земляному полу пещеры поползли зеленоватые блики.

– Луна взошла, – заметила Трейнс, – Тебе пора.

Ротсен вышел из пещеры, прохладный ночной ветер тут же взъерошил его волосы. Все вокруг было залито лунным светом, и казалось, что скалы и деревья сами излучают свет. Луна медленно поднималась на небосвод. Увидев его, она улыбнулась и прошептала:

– Привет.

Ротсен поднял вверх руку, в которой держал перо Феникса, и помахал им в знак приветствия.

– Ты поговорил со Старейшиной?

– Да, – ответил он.

– Что это за перо?

– Его нужно передать мальчику, Максиму.

– Я видела его. С ним Синяя Рыба. Они далеко отсюда, у реки.

– На противоположной стороне, – пробормотал Ротсен.

Даниту подошел к нему и легонько стукнул копытом по земле.

– Мы должны ехать, чтобы успеть до рассвета. Ты хотел собрать Совет.

Ротсен остановился в замешательстве.

– А как же Перо? Трейнс велела отдать его Максиму как можно скорее.

Лунная фея задумалась. Согласно неписаному закону, луне не положено было покидать свой пост на небосклоне до утренней звезды. Увы, но правило распространялось на все Луны всех миров, в том числе и волшебных. Ей предстояло провести на небе еще много часов, и только с рассветом можно было уйти. Это была ее работа – работа, с которой нельзя было ни отпроситься, ни уволиться.

– Я знаю, что делать, – успокоила его Мелани, – мне нужен кусочек стекла – лупа или зеркальце. Что-нибудь, что сможет отразить мои лучи.

Ротсен в недоумении пожал плечами, но все же открыл футляр и вынул спектралайзер.

– Открой его, и направь вверх, – Луна уронила тонкий лунный лучик на стекло. Отразившись в зеркале, луч упал на землю яркой точкой света. С тихим шипением, похожим на звук шипучей таблетки, растворяемой в воде, точка стала расти, приобретая объем и форму, и в конце концов превратилась в зайчика. Зайчик пошевелил ушами, и открыл глаза.

– Этот Лунный зайчик, – объяснила Мелани. – всегда будет слушаться только тебя, потому что ты создал его.

Ротсен присел на корточки и почесал Лунного зайчика за ухом, а тот ласково ткнулся влажным носиком в его ладонь.

– Возьми мой луч за кончик, – сказала Мелли.

Тонкий лучик лунного света скользнул вниз и белой светящейся нитью повис в воздухе. Ротсен взял ее двумя пальцами и потянул на себя. Луч стал разматываться, как разматывается клубок пряжи, потом натянулся и оторвался с легким щелчком. В руках у него оказалось несколько метров нити, невесомой, как паутинка, но прочной, как стальной канат. Ротсен сплел из нее подобие ошейника и надел его на зайчика, крепко привязав к нему Перо. Длинноухий все это время стоял спокойно, словно понимал, что от него требуется.

Ротсен погладил светящееся существо и сказал ему:

– Пожалуйста, найди мальчика, который пришел сюда

из другого мира. Передай ему Перо.

Лунный зайчик взмахнул пушистым хвостиком, и что есть духу помчался на запад. Туда, где между холмов, поросших густой муравой, текла река, на отлогом берегу которой сидел Максим. Мальчик, которому предстояло спасти весь мир.

Абсолют

Солнце бесцеремонно светило прямо в глаза, его свет проникал даже сквозь опущенные веки. Максим застонал и прикрыл лицо ладонью. Он лежал на чем-то мягком. В ушах звенело так, словно он на сверхсветовой скорости пролетел через всю Вселенную на корабле без стабилизаторов. Сделав над собой усилие, Максим открыл глаза. И почти сразу же зажмурился. Бесконечное разнообразие красок, цветов и света ослепило его. Моргая часто-часто, мальчик медленно сел и огляделся.

Он сидел на берегу реки, на зеленой траве. Вернее, она была зеленой с точки зрения человека, привычного к убогому видимому спектру материального мира: здесь она переливалась всеми цветами радуги. Даже, не радуги: всеми цветами, которые существуют в природе. Видимый спектр совершенно невообразимым образом расширился до бесконечности, вобрав в себя все возможные цвета и оттенки. Максим видел инфракрасный свет и ультрафиолет, он видел космические лучи, которые спускались с небес и, растворяясь в атмосфере, мелкими крупинками падали вниз. Он видел запахи и звуки, и слышал цвет – сочно-зеленое пение травы, синий бархатистый голос неба, нежно-белый шепот облаков. А высоко в небе – ослепительно яркое соло непривычно огромного солнца, розового, как мармеладка. И весь

этот удивительный оркестр словно подчинялся невидимому дирижеру: каждый голос пел свою песню, но, сплетаясь, все вместе они создавали единую мелодию – самую прекрасную мелодию на свете. В ней не было ни фальши, ни диссонанса, – в ней была лишь безбрежная радость и безграничная любовь.

Максим огляделся, и взгляд его упал на прибрежный песок, мокрый и блестящий. Он встал на колени и опустил руки в воду. Вода была очень теплая, и такая прозрачная, что было видно каждый камушек на дне. Максим слышал бурлящий, влажный напев волн. Река пела о своей жизни: о том, как она маленьким родником пробивалась из-под земли, к свету, размывая плотный скальный грунт, о том, как была бурным горным потоком, о том, как водопадом бежала к равнине, становясь все полноводнее, спокойнее, мудрее. Река пела о дождях и грозах, наполнявших драгоценной водой ее русло, о холодных северных ветрах, превращавших зимой ее поверхность в сверкающий лед, о миллионах живых существ, которым дали приют и пищу ее щедрые воды.

Мальчик с усилием оторвал взгляд от воды. Он едва не задохнулся от переполнявших его чувств. Это не сон! Он действительно слышит и видит все это! Невероятно!

Он поднялся на ноги и тщательно огляделся по сторонам. Только сейчас он начинал понимать, как огромен мир, в который его забросила судьба. Позади него, за поляной, началась река, противоположный берег терялся в густом тумане.

не. К югу от реки начинались холмы, поросшие сочной луговой травой, вереском и цветущими деревьями. На востоке темнел лес. На севере возвышались острые пики горного хребта, такого высокого, что на его склонах лежали облака.

Мир, полный чудес и загадок. Незведанный, неизученный, неизмеренный. Новый. Он, как гостеприимный хозяин, приглашал познакомиться, подружиться. Он протягивал руку в приветственном жесте, предлагая присоединиться к этому дивному хору и спеть в нем свою партию.

Неожиданно Максим понял, что чего-то не хватает. Вернее, кого-то. Он искал глазами Синюю Рыбу, но ее нигде не было. Он был один. Он стоял на поляне, окруженный бесчисленным множеством существ, и в то же время он был совершенно один.

– Эй! – крикнул он. – Синяя Рыба? Ты где?

За его спиной раздался всплеск. Синяя Рыба вынырнула из воды, подняв фонтан брызг, окативший Максима с ног до головы.

– Я здесь, – улыбнулась она. – Не бойся, я тебя не бросила. Вот, держи, – и она уронила мальчику в ладони пучок скользких ярко-оранжевых водорослей, длинных, как макароны.

– Поешь. Они вкусные.

Максим с опаской посмотрел на угощение. Выглядело оно не слишком аппетитно.

– Тебе понравится, – заверила его Рыба.

Максим осторожно откусил кусочек мокрой оранжевой макаронины. Прожевал. Ее вкус напоминал сливочный сыр, но более тонкий и нежный.

Синяя Рыба, стараясь скрыть улыбку, наблюдала, как Максим с хрустом уплетает водоросли. Когда он проглотил последнюю, она, отплыв немного в сторону, поманила его плавником:

– Подойди к мне.

Максим наклонился, чтобы поднять рюкзак, и, посмотрел себе под ноги. Тени почти не было – солнце стояло высоко в небе.

«Сейчас полдень или около того», – подумал Максим и полез в карман за часами.

– Родители, должно быть, меня уже ищут, – невесело вздохнул он, – Весь город, наверное, на уши поставили. Как ты думаешь, что они подумают, когда прочитают мою записку?

Наконец, он нащупал часы во внутреннем кармане куртки. Они показывали без пяти восемь. И стояли.

– Часы остановились, – проговорил Максим с досадой, – Наверное, от воды. Жалко.

Синяя Рыба подплыла поближе и с любопытством взглянула на циферблат.

– Они не сломались, – возразила она. – Они показывают правильное время твоего мира. Без пяти восемь. В этот момент...

– Я упал в воду, – сказал Максим.

– И покинул свой мир. Почему часы показывают такое время? Все просто. Это твое время. Ты хочешь, чтобы твоего отсутствия никто не заметил, а родители не беспокоились напрасно. Ты забыл, что находишься В Абсолюте? Здесь желания имеют свойство исполняться. Ты хочешь чего-то – и *именно это* ты получаешь. Без пяти восемь начала действовать магия Абсолюта. И ровно без пяти восемь ты вернешься назад, домой. Сколько бы ты не пробыл здесь.

– Ух ты! Здорово! – воскликнул Максим. – Значит, здесь нет времени?

– Нет, время есть всегда. Без времени ни существовало бы ни твоего мира, ни нашего, ни какого-либо другого. Просто здесь все эти законы материальных миров – время, пространство, гравитация – не действуют. Смотри. – Синяя Рыба нарисовала в воздухе светящийся круг.

– Вот это – она указала плавником внутрь круга. – Твой мир. Вот это – другой мир.

– Абсолют? – предположил Максим.

– Нет. Миров миллионы. – Рыба принялась рисовать круги, один рядом с другим, как дольки апельсина. – А наш мир – вот здесь, в этой точке.

Когда она произнесла это, точка, соединявшая все круги, вспыхнула сине-голубым светом.

– Эта точка соединяет все миры, – продолжала она. – Отсюда мы можем попасть на поверхность любого из этих кру-

гов. Но если мы находимся в этой точке – мы здесь. Видишь ли, этот мир, строго говоря, не настоящий мир в полном смысле слова. Это перекресток. Узелок. Центральная панель управления, если хочешь. Законы писались для физических, материальных миров. Мы же с тобой сейчас находимся в мире нематериальном. Это мир снов и фантазий. Мы называем его Абсолютом.

– Мир снов? – переспросил Максим.

– Да. Люди могут попасть сюда во сне. Ты помнишь, какое чувство охватывает тебя, когда ты видишь сон? Свобода и дикая радость от осознания того, что ты можешь все. И все вокруг существует только для того, чтобы тебе было хорошо.

– Да, – прошептал Максим, – один раз я видел такой сон...

– Наш мир вобрал в себя все лучшее, что существует в природе. Здесь Жизнь процветает и развивается. И все мы помогаем и поддерживаем ее.

– Все вы? А кто вы?

– Мы – Высшие, – сказала Рыба. – Я одна из многих. Когда-то мы сотворили Жизнь и теперь всеми силами стараемся сохранить и уберечь ее. Да, Максим, и твой мир. Но мы не подчиняемся законам, потому что сами написали их.

Максим несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться. От волнения в мыслях царил невероятный хаос, а ему нужно было сосредоточиться, чтобы ничего не упустить.

– А кто создал Абсолют?

Синяя Рыба снисходительно улыбнулась.

– Все когда-либо задают этот вопрос, себе или другим. Если себе, то не находят ответа, если другим – то слышат в ответ в лучшем случае бессмыслицу, в худшем случае вранье. Не ты первый, не ты последний спрашиваешь об этом. Но тебе повезло, что ты спрашиваешь это у меня.

Абсолют был всегда. Его никто не создавал. Когда-то было время, когда не было нас, Высших сил. Никто не знает точно, но существует мнение, что это он создал всех нас, и продолжает создавать до сих пор.

– А Абсолют, он добрый? – спросил Максим.

– Он не добрый, и не злой. Он абсолютный. Он вмещает в себя все – все, что может быть на свете, и хорошее и плохое.

– Так, значит, он может создавать и плохие вещи?

– К сожалению, да, – Синяя Рыба печально опустила голову.

– Но зачем создавать что-то плохое? Я не понимаю! – горячо воскликнул Максим. – Ведь со злом надо бороться, а не преумножать его!

– Да, Максим, – вздохнула Рыба. И в этом как раз и заключается самая великая тайна мироздания. На твой вопрос у меня нет ответа. И никто не знает ответ. Но ты прав, со злом надо бороться. Именно поэтому ты здесь. Пойдем.

Почти от самого берега реки начиналась узкая тропинка, которая вилась между зеленых холмов, и убегала на юг. Синяя Рыба, как всегда, плыла впереди, мальчик шагал за ней.

– Куда мы идем?

– Мне нужно проводить тебя к Белому дворцу. Совет Высших должен взглянуть на тебя. Они должны убедиться, действительно ли ты – Избранный, приход которого был предсказан.

– Убедиться? А что я должен буду делать?

– Я пока не могу сказать тебе этого.

Тропинка, петляя, вводила все дальше и дальше. Вскоре широкую равнину сменили холмы. В глазах рябило от пестревших тут и там ноготков, васильков, ромашек, и других цветов, названия которых Максим не знал. Будто кто-то взял огромную кисть и окунул в радугу, а потом стряхнул с нее разноцветные брызги. В воздухе стоял стрекот кузнечиков, не прекращающийся ни на минуту.

Максим задумчиво жевал травинку.

– Цветов стало больше, – сказал он. – Мне кажется или я действительно вижу звук? Я не знал, что вода может петь. Может быть, я плохо прислушивался?

– В мире людей это невозможно, – отозвалась Синяя Рыба. – Но здесь каждый видит и слышит все, что находится вокруг. Звук, свет, тепло и холод, чувства и мысли, – все они имеют цвет. Цвета можно услышать, ведь у каждого цвета свое, неповторимое звучание. Это – Абсолют. Здесь все выглядит таким, каким есть на самом деле. Здесь невозможно быть слепым или глухим, потому что все эти ограничения – лишь для физического мира. А в нашем мире они не действуют. Твоя одежда сухая, хотя ты точно знаешь, что иску-

пался в реке.

Максим кивнул. У него было масса вопросов, но он не знал, с чего начать. Да и вообще, стоит ли задаваться какими-то проблемами, когда такое солнце, и белые облака в небе, и так весело и дружно стрекочут кузнечики в высокой траве?

Крупная яркая бабочка села ему на руку, пощекотав палец мохнатыми усиками. Ее крылышки, густо посыпанные пылью, еле заметно вибрировали. Бабочка вытянула хоботок и поползла по рукаву куртки.

– Послушай, – Максим запнулся. Как ему обращаться к Синей Рыбе? – У тебя есть имя? Как мне тебя называть, если я хочу о чем-то спросить? Не могу же я называть тебя просто рыбой?

Синяя Рыба вдруг помрачнела, словно вспомнила о чем-то неприятном, но за долю секунды совладала с собой.

– Называй меня Синей Рыбой. Другого имени у меня нет. Однажды я совершила ошибку. Тогда мне казалось, что я поступаю правильно. Всю жизнь, наверное, я буду раскаиваться в этом, но теперь это уже не имеет значения. Что было, то прошло. Я была справедливо наказана, и лишение всех имен и титулов – лишь часть наказания.

От Максима не ускользнуло, как отреагировала она на его вопрос.

«Здесь какая-то тайна. И, мне не положено знать ее».

Они поднялись на холм. Максим, заслонившись рукой

от солнца, посмотрел вниз. Тропинка, ниточкой прошив луга, уходила за горизонт.

Синяя Рыба вдруг вздрогнула, словно увидела что-то, доступное только ей. Максим огляделся, но не заметил ничего, что могло бы объяснить ее поведение, однако мальчик не мог не почувствовать исходящую от его спутницы волну тревоги и смятения.

– Ты чем-то взволнована? – начал он, но Синяя Рыба перебила его:

– Видишь эту тропинку? Ты должен идти по ней, не сворачивая. Я вернусь так скоро, как только смогу.

– Но куда ты? – опешил Максим. «Не бросай меня одного!» – в отчаянии подумал он, но не решился произнести это вслух, чтобы не показать Синей Рыбе свой страх и неуверенность.

– Ты не должен стесняться своих истинных чувств, – прочитала она его мысли. – Будь собой. И всегда говори все, что считаешь нужным сказать, – Синяя Рыба сделала в воздухе двойное сальто и продолжала:

– Меня что-то беспокоит. Я не могу сказать, что именно, но я чувствую угрозу. У меня дурное предчувствие.

– Что это? – тихо спросил Максим. – Что ты чувствуешь?

– Пока не знаю. Но мне нужно немедленно встретиться с главой нашего Совета. Наверняка он уже знает, что случилось.

– Но я...

– Ты не заблудишься. Иди вперед, я тебя догоню. Но сейчас мне необходимо отлучиться по важному делу. Нам всем грозит серьезные неприятности, и я должна узнать, кто стоит за этим, и по возможности предотвратить беду. – Синяя Рыба взмахнула хвостом и поплыла в противоположную сторону, но, обернувшись и увидев растерянное лицо Максима, остановилась и уже ласковее произнесла:

– Я вернусь так скоро, как только смогу. Я не бросаю тебя. Я знаю – ты не подведешь. В жизнь, увы, очень часто приходится делать не то, что хочется, а то, что необходимо. Не падай духом и помни: прежде всего слушай свое сердце, а не голос логики.

Она нежно дотронулась синим полупрозрачным плавником до его взлохмаченных волос.

– Протяни руку.

Максим послушался, и на его ладони очутилась крошечная ярко-синяя искорка.

– Это Искра надежды, – сказала Синяя Рыба. – В ней – животворящая энергия жизни. Она осветит твой путь, отведет беду, умножит удачу. Береги ее, как зеницу ока – я сердцем чувую, что она тебе пригодится, а другой такой искорки днем с огнем не сыщешь. Если я тебе понадобится, шепни ей мое имя, и я приду на помощь, *где бы ты не находился*. Но запомни – активировать Искру надежды можно только один раз, поэтому используй ее только в самом крайнем случае, и прежде убедись, что других вариантов нет. До встре-

чи, мой маленький Избранный. И удачи тебе.

Синяя Рыба закружилась, взбивая плавниками воздух, а потом сорвалась с места и молнией умчалась прочь. Там, где она пролетела, медленно тая на солнце, некоторое время еще мерцали голубые искры, двойники той, которая была у Максима.

Солнце припекало.

Становилось жарко.

С предельной осторожностью, чтобы не обжечься и нечаянно не погасить драгоценную искорку, Максим взял ее двумя пальцами и аккуратно опустил в пустой спичечный коробок. Снял куртку и завязал ее рукавами на поясе. Потом поудобнее закинул рюкзак на плечо, и, вздохнув, стал спускаться с холма, вниз, в цветущую равнину. Навстречу приключениям.

Шерри

Вике было страшно. Уже много часов она шла в полной темноте, а тоннель все никак не кончался. Сначала она считала шаги, но очень скоро сбилась со счета, и теперь ориентиров больше не было. Девочка только сейчас поняла, что часы оставила в сумке, вместе со всеми вещами. Вика пошарила в кармане и достала ключи от квартиры с маленьким брелком-фонариком на металлическом колечке. Она сжала брелок, и на ладонь упала красная точка размером с горошину. Вика направила луч во тьму, но безрезультатно. Фонарик давал так мало света, что от него не было никакого толку.

Земляной, плотно утоптаный пол. Влажный, затхлый воздух.

И тьма.

– Послушай, Эриус! Далеко еще?

Тишина.

– Эй! Где ты там? Я ничего не вижу!

Темнота безмолвствовала.

Вика, стиснув зубы, побрела вперед. По стенам, извиваясь, ползли не то корни, не то стебли каких-то фантастических растений. Периодически с потолка срывались холодные капли, с настырной неизбежностью попадая прямо за шиворот. И лишь далеко впереди, как символ надежды, светились две точки – одна побольше, другая поменьше.

Проклиная все на свете за то, что дала себя уговорить ввязаться в это, Вика собрала в хвост растрепавшиеся волосы, и, держась руками за стены, двинулась вперед, на свет.

Может быть, повернуть назад? Вернуться домой?

Нет. Она не из тех, кто возвращаются на полпути. Если бы Магеллан повернул назад, еще много лет землю все продолжали бы считать плоской. Если бы Ньютон не решился продолжать свои исследования, он никогда бы не открыл закон всемирного тяготения. Если бы Эйнштейн сдался, мир так и не узнал бы о теории относительности.

Но были сотни, тысячи других – тех, которые сдались. Испугались. Отказались от борьбы. И не прошли свой путь до конца. Только вся разница в том, что их имена никому не известны.

Она приняла решение, и она не отступит.

– Я не боюсь темноты, – прошептала Вика.

Она поборет свой страх. Ведь там, впереди, наверняка есть свет. Там другой мир. Ведь должен же этот тоннель когда-нибудь кончиться?..

Вика вдруг поняла, что не идет, а карабкается, цепляясь волосами за колючки. Пол постепенно стал уходить вверх, появились ступени. Вместе с тем проход стал сужаться, как горлышко бутылки. В некоторых местах Вике приходилось с трудом протискиваться между стенами, старательно выдыхая воздух.

Внезапно сзади раздался приглушенный грохот, как будто

что-то взорвалось, и мощной ударной волной девочку прижало к земле. Со свода посыпались песок и мелкие камешки. Земля задрожала под ногами. Вика обернулась назад, и, несмотря на темноту, поняла, что происходит.

«Обвал!»

Гул приближался, становясь все сильнее. Вика полезла вверх, стараясь двигаться как можно быстрее. По мере того, как она продвигалась все ближе к выходу, в тоннеле становилось все светлей. Уже можно было различить вкрапления кварца в каменных стенах, тускло поблескивавшие в полумраке.

Стены тряслись все сильнее, со всех сторон на нее падали камни. От одного Вика увернулась, другой пролетел в нескольких миллиметрах от нее. Девочка пригнулась, чтобы не стукнуться головой о низко нависший выступ, как один из камней больно ударил в плечо, сбив с ног. Собрав последние силы, Вика рванулась вперед и выкатилась на землю. В ту же секунду тоннель за ее спиной сложился с легкостью карточного домика. Последний толчок, и все стихло. Там, где только что был вход в подземелье, вырос глубокий овраг, дно которого нельзя было разглядеть. Путь назад был отрезан.

Потирая ушибленное плечо, Вика поднялась на ноги и огляделась. Она стояла на опушке леса. Было раннее утро, слабый ветерок шевелил листву деревьев, высокую траву и ее волосы. На востоке поднималось солнце. *Розовое*. И неесте-

ственное большое.

А небо... Что это? Вика протерла глаза. Поморгала. Нет, ей не почудилось: небо *меняло цвет!* Только что оно было нежно-салатовое, как уже стало бежево-золотистым, а через мгновение – сиреневым.

Вика вытянула руки и посмотрела на свои ладони. Это было невероятно, но они не выглядели так, как раньше. Здесь, в этом месте, все было совсем не так, как дома, на Земле. Неожиданно Вика поняла, что слышит, как растет трава, распускаются цветы, видит ветер, играющий в кронах высоких сосен. Все ее органы чувств – зрение, слух, обоняние обострились до предела.

«Наверное, все это мне снится. Наверное, я схожу с ума».

События, чувства, впечатления настойчиво стучались в двери ее сознания, волна информации захлестнула ее и накрыла с головой.

– Привет, как делишки? Надеюсь, ты без меня не скучала.

Орел, подняв тучу пыли, приземлился прямо напротив девочки и, как ни в чем не бывало, принялся чистить перья.

– А, это ты, – протянула Вика.

– Я. А ты, наверное, уж было решила, детка, что мы с тобой больше не свидимся? Напра-асно. Я привык доводить дела до конца и добиваться своего, так или иначе.

Вика попыталась унять невыносимый звон в ушах и обесилено опустила на траву.

– Тоннель обвалился. Как я теперь вернусь домой? Тебя

это, конечно, вряд ли волнует, но имей в виду, что если ты не можешь отправить меня назад, я отказываюсь что-либо делать. Что там тебе надо было достать или принести? – Вика зажмурилась и обхватила голову руками, – Как вы здесь живете? Невозможно же нормально разговаривать. У меня голова сейчас просто взорвется от всего *этого*.

– Мы привыкли. Просто не обращай внимания, и все. Воспринимай только то, что тебе нужно, а все остальное просто пропускай сквозь себя.

Цвета, запахи, звуки... Мимо нее прополз муравей, который деловито тащил былинку в свой муравейник. Вика ощущала исходившее от него бронзово-золотое сияние. Трудолюбие и старание. На куст шиповника приземлился полосатый бархатный шмель, жужжа, нашел самый свежий, самый ароматный цветок, сложил тонкие крылышки и принялся пить сладкий нектар. Вика чувствовала его желто-оранжевое настроение безмятежного блаженства.

Надо сосредоточиться. Не смотреть. Не слушать.

Прямо перед ней сидел черный Орел. Вокруг него было какое-то красноватое свечение, которого она раньше не видела.

– Но есть способ проще, – прервал он ход ее мыслей, – Заметь, раздобыл специально для тебя. Кстати сказать, это стоило больших усилий, но, так и быть, я не стану записывать это в долг – как говорится, свои люди, сочтемся. Вот, держи, – и он протянул Вике зажатую в клюве длинную тон-

кую цепочку, сделанную из блестящего черного металла.

– Что это? – спросила она.

– Это – блокатор чувств. Как только ты наденешь его, твой уровень восприятия действительности станет таким, к которому ты привыкла в своем мире. Ничто лишнее не будет тебя отвлекать.

Цепочка змейкой скользнула в ее руку. Вика надела амулет, невольно поежившись, когда холодный металл коснулся шеи.

Мир словно сдулся, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух. Все стало привычным, даже чуточку скучноватым. Небо перестало менять цвет, вернув себе классическую синеву, отовсюду разом исчезли лишние цвета и звуки.

Вика облегченно вздохнула и вопросительно взглянула на Эриуса.

– Что теперь?

Орел вдруг вздрогнул и насторожился. Нахмурившись, он медленно покрутил головой, словно бы принюхиваясь. Потом вдруг поднялся в воздух, и, взмахивая крыльями, чтобы удержаться на одной высоте, обратил к Вике пронзительный взгляд своих темных глаз.

– Ты должна найти Дерево с семью стволами. У его корней находится вход в подземелье, где хранится необходимый мне артефакт. Достанешь его, и я покажу тебе дорогу домой. Видишь во-он те скалы? Иди строго на них. Следи за тем,

чтобы твоя тень все время была впереди тебя. Да смотри, не снимай цепочку!

– Я, что, пойду одна? – возмутилась Вика, – Э, нет, мы так не договаривались!

– Мне придется отлучиться, – усмехнулся Эриус. – Неотложные дела. Не скучай! – Произнеся эти слова, он закрутился на месте, превратившись в черный вихрь, и исчез.

«И что же мне теперь делать?»

Вика посмотрела на живописный пейзаж, расстилавшийся по обеим сторонам от оврага. Пейзаж, словно нарисованный на картинке в детской книжке. Мир, в существование которого невозможно было поверить, лежал перед ней весь, как на ладони. Сказочный, и вместе с тем такой реальный.

Вика осторожно шла по золотистому ковру из прошлогодней листвы. Высоченные деревья стояли по обеим сторонам дороги, как безмолвные стражники, выстроившиеся по случаю торжественного приема. Клены, дубы, кедры и ели, и десятки других, коих не существовало в *ее* мире. Тут и там росли крупные яркие цветы, больше похожие на садовые, нежели на дикие, лесные. Жужжали пчелы, порхали бабочки, под ногами, словно мелкий черный бисер, рассыпанный кем-то, копошились муравьи. Всюду кипела жизнь.

На секунду Вике даже захотелось снять цепочку и еще раз попробовать смотреть и слушать без нее. Но, вспомнив наказ Эриуса и чувство смятения, охватившее ее в первые мгнове-

ния в этом странном мире, Вика решила оставить эту мысль. До поры до времени.

Дорога была нелегкой. Девочка постоянно спотыкалась о камни и поскользывалась на корнях и сырой земле. Ее платье было измято и перепачкано грязью, за подол то и дело цеплялись колючие шарики репейника; все руки были в царапинах и ссадинах. Вика устала и, что самое скверное, начала испытывать чувство голода и жажды. Только теперь она осознала, что совершила ужасную ошибку, отправившись неизвестно куда абсолютно безо всякого снаряжения и провианта. Тяжело дыша, она присела на поваленный ствол дерева, чтобы хоть немного отдохнуть. Совершенно случайно у нее с собой оказалась небольшая бутылочка газированной минералки. Она была почти пустая, лишь на дне болталось еще немного воды, из которой вышел почти весь газ. Одним глотком она опустошила бутылку, и по привычке огляделась в поисках урны для мусора. Ее, конечно, не оказалось, и поэтому бутылку пришлось оставить себе. Кстати, она могла ей пригодиться под воду.

Вика вспомнила, как они с классом ходили в поход прошлым летом, в соляные пещеры. Она тащила тяжелый рюкзак с палаткой, спальным мешком, теплой одеждой и сухим пайком. Снаряжение для похода утверждал лично руководитель экспедиции: все было тщательно продумано, ничто не осталось без внимания. На случай, что кто-либо из группы отстал от товарищей и заблудился, у каждого был с собой

компас, спички, примус с запасом горючего, длинная прочная веревка, непромокаемые сапоги и запас сублимированных продуктов на трое суток.

Вика выгребла из карманов содержимое и критичным взглядом окинула скромную кучку. Брелок-фонарик с ключами, черный перманентный фломастер, почти засохший, резинка для волос, стеклянный шарик, маленькое круглое зеркальце, фантик от карамельки и булавка. Все.

Вика невесело рассмеялась. И с таким «снаряжением» она отправилась исследовать другой мир? Что бы сказали одноклассники, если бы они увидели ее сейчас? Вот уж действительно растяпа...

Нет, здесь нет одноклассников. Здесь нет никого, кто мог бы помочь ей. Она одна. И она должна действовать сама, или она погибнет.

Вика решительно рассовала безделушки по карманам. Что бы сделал нормальный человек, окажись он на ее месте? «Найти воду и что-нибудь съедобное».

Девочка внимательно огляделась. Толстые, как колонны стволы высоченных реликтовых сосен обступали ее со всех сторон, густой подлесок не давал рассмотреть ничего уже на расстоянии нескольких метров. Она прислушалась. Может, ей удастся услышать журчание ручейка?

Так ничего и не обнаружив, расстроенная и обессиленная, Вика побрела дальше, стараясь, чтобы ее тень все время была впереди.

Состояние девочки было близко к отчаянию, когда лес наконец-то стал редеть, и дорога вывела ее на холмистую равнину, сплошь засаженную плодовыми деревьями, отдаленно напоминавшими яблони. Ряды деревьев тянулись вдаль, насколько хватало глаз. На них росли ярко-синие кожистые, блестящие плоды, по форме напоминавшие груши.

– Что это? – спросила Вика сама себя. – Надеюсь, что-то съедобное? Тогда почему синие? Потому что еще зеленые?

Вика протянула руку и сорвала странный плод. Он отделился от плодоножки с громким влажным треском. А потом стал расти и раздуваться, увеличиваясь в размерах, пока не стал в два раза больше, чем плоды, висевшие на дереве. От изумления девочка выронила «грушу», и та покатила по земле, подскакивая на кочках, словно мячик, и вскоре, угодив в канаву, остановилась.

«А вдруг они ядовитые?»

Ответ возник сам собой: к упавшему плоду тотчас же подползла крупная мохнатая гусеница и с аппетитом принялась вворачиваться в его сочную мякоть, так быстро, что скоро очутилась там полностью. Несколько мгновений спустя она показалась с другой стороны, и, довольная, уползла в траву. Плод остался лежать, однако в нем образовалось солидных размеров отверстие.

Вика была голодна. Она понимала, что поступает неразумно, но все-таки решила рискнуть.

«Если гусеницы едят их, значит, я не должна отравиться».

Девочка сорвала с дерева еще одну синюю грушу, и, когда та увеличилась в размерах, откусила кусочек.

Никогда она не ела ничего более вкусного! Мякоть диковинного плода была снежно-белая, как у кокоса, чуть сладковатая, с легким, спелым ароматом, но плотная, как у персика, и такая сочная, что таяла от малейшего прикосновения. Внутри груши оказалась круглая синяя косточка.

Вика съела его весь, без остатка, и с удивлением отметила, что наелась. Приятное чувство сытости разлилось по телу, принеся с собой еще кое-что – неожиданный прилив сил. Как будто Вика не бежала по тоннелю, не брела по лесу много часов подряд. Вся усталость словно испарилась, а на смену ей пришла невесть откуда взявшаяся бодрость и энергия.

«Надо набрать их про запас», – подумала Вика и сорвала грушу. Но как только волшебный плод оказался у девочки в руке, он сжался, уменьшившись до размеров макового зернышка.

Вика разочарованно вздохнула. Видимо, колдовство не позволяло съесть больше одной груши в день. А, может, один человек мог попробовать сказочный плод только *один раз*?

Внезапно трава позади нее зашуршала, и на поляну выбежало забавное существо, слегка похожее на дикобраза. Его мех, или, точнее говоря, колючки, были завиты в тугие спирали, торчащие во все стороны. Длинные, как у кролика, изящно заостренные кверху уши просвечивали розовым

на солнце. На правую переднюю лапку у него была намотана длинная тонкая веревочка. Существо, не обратив на девочку внимания, деловито засемило к одному из деревьев, и, цепляясь коготками за шершавую кору, забралось до места, где начинались боковые ветки с висевшими на них плодами.

Вика замерла. Не считая Эриуса, это было первое существо, которое она встретила здесь, в этом мире. К ее вящей радости, оно выглядело достаточно дружелюбно, и, судя по всему, вовсе не собиралось нападать. Честно говоря, оно даже не заметило присутствия девочки.

Существо сорвало «грушу», и, ловко прыгнув на землю, принялось уплетать ее за обе щеки, забавно держа обеими лапками. Внезапно под ногой у Вики хрустнула сухая ветка, и она вздрогнула. Существо наострило уши и, подняв голову, посмотрело прямо на девочку. Их глаза встретились. Вика думала, что оно бросится наутек, но произошло то, чего она ожидала меньше всего: дикобраз положил плод на землю и тонко пропищал:

– Привет! Ты кто?

Вика не знала, что и думать, и, самое главное, как реагировать на происходящее. Очевидно, в этом мире обитали существа, которые обладали интеллектом, как люди, и могли общаться друг с другом. Она попыталась отогнать мысли о том, что выглядит, по меньшей мере, глупо, и ответила, тщательно выговаривая каждое слово:

– Привет. Меня зовут Вика, а тебя?

– Я – Шерри! Ты что, с неба свалилась? Меня знает вся округа, – Дикобраз вдруг припал к земле и предусмотрительно отполз подальше, на всякий случай напружинив лапы, чтобы в случае чего дать деру.

– И все же: кто ты? – повторил он свой вопрос. – Я никогда не видел таких существ. Ты не...

Видно было, что он боится ее еще больше, чем она сама.

– Успокойся, у тебя нет причин меня бояться. Я не кусаюсь, – поспешила заверить его Вика, – Я не монстр и не оборотень. И даже не ведьма. Я обычная девочка.

– Девочка? Человек?! – проверещал Шерри. – Так ты *фантом*?

– Фантом? Я никогда не слышала о фантомах...

Дикобраз нетерпеливо фыркнул. Человек, а не знает таких простых вещей!

– Существо, которое спит и видит сон – фантом. Фантом *для нас*. Ты спишь, а мы тебе снятся, верно? – он нервно крутил в руках свою бечевку, – Давно сюда не забредали фантомы. Почитай, уже лет сто. Мой дедушка – тому еще доводилось общаться с одним. Нет, ну надо же! Я уж думал, фантомы все перевелись. Помню, он рассказывал мне одну историю...

– Послушай, приятель! – перебила его Вика. – Похоже, ты ошибся. Видишь ли, дело в том, что я, как бы сказать... я не сплю. Я по-настоящему нахожусь здесь. Видишь? – она протянула руку. – Я не привидение. Пощупай меня.

Шерри осторожно дотронулся черной сморщенной лапкой до ее пальцев.

– Да, – подумав, признался он. – Ты настоящая. Но плотность тут не при чем. У тебя есть аура.

– У меня есть что? – не поняла Вика.

– Аура. Ты – *светящееся существо*. Значит, ты здесь *целиком*, твоё тело, душа и дух едины. У фантомов ауры не бывает, потому что во сне сюда попадает только их душа, а дух остается в теле, – терпеливо, как первокласснику, объяснил ей Шерри.

– А у тебя есть аура? – наивно спросила Вика.

– Конечно, есть! – возмутился дикобраз, – Я тебе не зомби! Ты же видишь!

– Честно? Не совсем, – призналась девочка.

Его глаза от изумления сделались круглыми, как две монеты.

– Ты *не видишь* ауру? Ну и дела! Не шутишь, нет?

«Это, наверное, из-за цепочки», – поняла Вика. И примирительным тоном добавила:

– Вообще-то вижу, просто... я еще не привыкла к вашему миру. Извините, если обидела вас. Я здесь совсем недавно, и еще не знаю всего.

– Уф, ну и напугала же ты меня! – пробурчал Шерри. – Так ты из другого мира?

– Да, – вежливо ответила девочка, – Я живу на Земле. Это планета в Солнечной системе. Она населена людьми, то есть

существами, похожими на меня. Нас очень много – шесть миллиардов или около того. А еще у нас есть...

– Постой, постой! – затараторил Шерри, – Как, ты говоришь, ты сюда попала? Ты пришла *по мосту*?

– Нет... То есть да... Наверное, – осторожно добавила Вика. – Эээ.. Шерри. Ты можешь мне, наконец, объяснить, где я?

– Ты в Абсолюте! – торжественно провозгласил дикобраз. – Это наш мир. Абсолют – отражение всех миров, но здесь все – правда. Здесь все настоящее, и все что происходит здесь, влияет на все миры всех Вселенных. – Он перевел дух, – Если ты здесь, это неспроста. В Абсолют невозможно попасть случайно. Сюда очень сложно попасть, и еще сложнее – выбраться.

Услышав его последние слова, Вика судорожно сглотнула.

– Ты ведь оказалась здесь не просто так, ведь правда? – подмигнул Шерри, — Ты уже знаешь свою миссию?

– Нет, – Вика начала понимать, что разговор зашел совсем не туда, куда она хотела, – У меня нет никакой миссии! То есть... я должна найти одно дерево. А потом я должна вернуться домой. Но я не знаю, как. Тоннель, по которому я пришла, завалило.

– Тоннель? Да-да-да... – пробормотал Шерри, – Нынче утром я почувствовал землетрясение.

Он вновь полез на дерево, вооружившись длинной палкой, и, забравшись в развилку ветвей, сбил несколько десят-

ков синих плодов на землю. Потом резво спрыгнул вниз, размотал бечевку и принялся нанизывать на нее урожай, предвзвительно проверчивая в каждой груше сквозное отверстие длинным когтем.

– Мне надо вернуться домой, слышишь?! – уже настойчивее повторила Вика. – Я не хочу застрять здесь навсегда. Ты знаешь, как отсюда попасть в наш мир?

– Тебе надо к Старейшине, – заметил Шерри, на миг оторвавшись от своей работы, – Если ты в чем-то сомневаешься, или хочешь получить хороший совет, никого нет равных мудрой Трейнс.

– А как мне к ней попасть?

– Ишь, какая шустрая! Это не так просто, как кажется.

– Ты знаешь, где она живет?

– Я – нет. Может, кто из Высших и знает. А вообще ее давным-давно никто не видел.

– А ты можешь проводить меня к этим Высшим? – в голосе девочки появилась надежда.

– Не могу, – категорично отрезал Шерри, проворно собирая груши в гирлянду, – Я занят до вторника.

Вика с любопытством посмотрела на своего нового знакомого.

– Зачем ты их собираешь? – не выдержала она. – Они же размером с горох! Кого можно этим накормить?

Лохматое существо бросило на нее хитрый взгляд блестящих глаз.

– Это деревья кен-тай. Их плоды волшебные. Они дают силу. Одного такого хватает, чтобы наесться досыта и целый день не чувствовать голода. Стоит его взять в руки, как он станет точно такого размера, какой тебе нужен, чтобы пообедать. Но если ты сыт, плод сожмется в горошину, и останется таким, пока ты не проголодаешься. Если, конечно, – хихикнул он, – у тебя нет лицензии.

– Тогда зачем ты делаешь запас?

– У меня есть лицензия.

– Лицензия? Что это такое?

– Смотри, – он отстегнул от пояса небольшой мешочек, развязал узелок и взял из него щепотку мелкого серого порошка, похожего на пепел. Потом снял с дерева еще одну грушу и, когда она стала маленькой, посыпал ее порошком. С легким шипением порошок испарился, и в тот же миг груша принялась расти, пока не стала прежнего размера.

Шерри вдруг помрачнел и завязал мешочек с порошком.

– Раньше у нас не было лицензий. Их придумали и узаконили, потому что деревья кен-тай вдруг стали умирать. С каждым годом они давали все меньше плодов. Когда-то деревья росли везде, сейчас же остался только этот сад. Мелани защищает его своими заклинаниями, как может, но все мы боимся, что скоро даже ее чары не смогут спасти деревья.

Он печально вздохнул и вытер белым кружевным платочком слезы, навернувшиеся на глаза.

– Примерно полвека назад Совет Высших принял реше-

ние заколдовать кен-тай так, что теперь их можно есть только здесь, в этом саду. Больше одного ты ведь все равно не съешь. А чтобы набрать их про запас, нужно иметь лицензию. У меня пятеро детей, их надо кормить. А этот порошок, между прочим, не такой уж и безобидный – там полно добавок, консервантов и всяких там Е! А они еще не хотели продлевать мне лицензию!

Шерри так разозлился, что в ярости пнул первый попавшийся камешек, и тот взлетел высоко вверх, с громким обиженным визгом, постепенно стихшим вдали.

Девочка молчала, не зная, что сказать.

– Ты далеко живешь?

– Нет, не очень. Я живу в лесу, в Зеленой Лощине. – Он повесил связку груш на плечо и поднял голову на Вику. – К Старейшине дорогу, увы, не знаю, но чем смогу, тем помогу. Пойдем, я провожу тебя к своей приятельнице. Бьюсь об заклад, она что-нибудь да придумает.

И, не дождавшись ее ответа, он запрыгал по траве между деревьями, да так быстро, что Вике пришлось пуститься бегом, чтобы поспеть за ним. То справа, то слева она видела мелькавший в траве белый лохматый клубок, похожий на ручную шаровую молнию.

Лунный зайчик

Максим весело шагал по зеленому лугу. Он чувствовал себя Колумбом, открывшим Новую землю. Нет, лучше: потому что мир, в котором он очутился, был настоящим раем.

Под высоким кедром Максим решил немного передохнуть и подкрепиться. Он расстегнул рюкзак и достал оттуда пакет с завтраком. Жуя бутерброд, мальчик осматривался, постепенно принаравливаясь к непривычному для него способу восприятия действительности. Здесь, в этом мире бутерброд выглядел не так, как дома. Ломтик хлеба стал в два раза толще и светился, источая свежий розово-фиолетовый аромат.

Сверху послышался хруст веток. Максим поднял голову и увидел крупную, ярко-рыжую белку, с кисточками на кончиках ушей и роскошным пушистым хвостом. Белка сорвала кедровую шишку и принялась лущить ее, выковыривая спелые орешки и разгрызая их с аппетитным хрустом.

– Ты меня совсем не боишься! – обрадовался Максим.

Белочка утвердительно закивала.

Максим отломил кусочек хлеба с сыром и протянул его белке. Та, внимательно обнюхав угощение, схватила его лапками и без лишних церемоний проглотила, да так быстро, что Максим не успел и глазом моргнуть. Потом с самым наивным видом, заискивающе сверкая глазенками, подползла

поближе, явно требуя продолжения банкета.

– Тебе понравилось? У меня есть еще!

Белочка игриво сверкнула глазенками и громко засопела в предвкушении лакомства.

– А что нужно сказать?

– Берегись! – вдруг взвизгнула она и, стрелой метнувшись к дереву, спряталась в дупло. Максим бросился вниз, и весьма вовремя, потому что секунду спустя над его головой пролетела молния, ударившись в землю в двух шагах от места, где он только что стоял.

«Что это?»

Ударившись в землю, молния выбила сноп черных искр, которые рассыпались фонтаном в радиусе нескольких метров. Падая, каждая искра подожгла землю, превратив в пепел зеленую траву и добела раскалив камни. Максим попытался поднять один из камней, чтобы рассмотреть вблизи, но обжегся и выронил его. Дуя на пальцы, он поднялся с земли и чуть было снова не упал, так как мимо него с космической скоростью пронеслось какое-то существо. Максим чувствовал его панику, страх и одновременно твердую решимость выполнить возложенное на него поручение. Необычайно важное.

Долго искать причину его страха не понадобилось: она появилась следом, имея вид гигантской черной птицы с огромными, загнутыми когтями и страшным клювом, раскрытом в громком крике. Хищник преследовал свою жертву.

Тут существо заметило мальчика, и, по всей вероятности, решив, что это последний шанс на спасение, пулей бросилось к нему, прыгнув на руки. Максим смог, наконец, разглядеть, что это был заяц с необычайно длинными ушами и очень мягкой шерсткой, отливавшей перламутром. На нем был ошейник, сплетенный из тонких прозрачных нитей, к которому было привязано длинное огненно-красное перо.

Черная птица бросилась прямо к нему. Максим, не зная, что делать, попятился назад, изо всех сил прижимая зайчика к себе, но запнулся и, не удержав равновесие, упал. Это его спасло. Хищник промахнулся и пролетел мимо, но его коготь зацепился за кончик серебристой нити, выбившейся из ошейника. Максим дернул нити, пытаясь распутать их, заяц отчаянно заверещал, узелок развязался, и черенок пера, будучи ничем не закрепленный, выскользнул из узелка, как морковь из грядки. Перо, плавно кружась, упало на землю. Тотчас же птица, мигом позабыв о добыче, схватила перо, и, зажав его в клюве, улетела прочь.

Максим долго не мог отдышаться. Неожиданное нападение огромной хищной птицы порядочно испортило его первое впечатление об Абсолюте. Вывод был прост и очевиден: не все так благополучно в этом мире, как ему показалось на первый взгляд. А, если быть точным, похоже, у здешних обитателей большие неприятности. На этот раз все закончилось хорошо, но впредь надо быть настороже.

Он все еще прижимал к себе спасенного зайца. Зверек обессилено обмяк в его руках, став безвольным, как мягкая игрушка. Максим чувствовал биение его маленького сердечка. Он осторожно положил его в тень, под дерево, на мягкую землю. Постепенно зайчик приходит в себя, нервно подрагивая коротким хвостиком и встряхивая ушами.

Рыжая белка спустилась с дерева, постоянно озираясь по сторонам, и внимательно обнюхала зайца.

– Надо дождаться восхода луны, – заключила она.

– Луны?

– Это Лунный Зайчик. Он – дитя Луны. Лунный свет дает ему силу и пищу. Когда взойдет Луна, он поправится.

Белка заботливо погладила его отливающую серебром шерстку.

– У него было поручение. Перо, которое украл этот страшный орел – он должен был доставить его кому-то.

– Кому? – спросил Максим

– Не знаю, – пожала плечами белка. – Похоже было на Перо Феникса, но я не успела рассмотреть как следует. Да ты же сам все видел!

– Вообще-то, – признался Максим, – я здесь всего несколько часов. Не хочу показаться невежей, но я, к сожалению, не знаю, как выглядит перо феникса, а уж тем более, зачем оно понадобилось этому орлу.

– Перо Феникса – мощный магический артефакт. Оно способно вывести тебя из любого лабиринта и поможет сде-

лать верный выбор, даже если выбирать особо не из чего. Указы и постановления, издаваемые Советом Высших, подписывают Пером Феникса, потому что им нельзя написать неправду, и такой закон невозможно нарушить. Но... – она запнулась на полуслове.

– Что? – Максим сгорал от любопытства.

– Если ты обмакнешь Перо Феникса в свою кровь, и напишешь им что-нибудь, это станет *реальностью*.

Последние слова белка прошептала еле слышно, шерсть ее встала дыбом от страха.

– Значит, если это Перо Феникса попадет в недобрые руки...

– Он сделает все, что захочет, – пискнула белка, – И никто не сможет его остановить.

В кустах что-то затрещало, и Максим вздрогнул. Больше всего на свете он боялся, что страшный черный орел вернется и вновь попытается напасть на бедного зайчика. Но, как оказалось, это был всего-навсего дрозд, у которого, видимо, там было гнездо.

– Ох, не нравится мне все это, – пробормотал он. Потом повернулся к белке:

– Послушай...

– Меня зовут Ариса, – белка распушила хвост.

– Максим, – в свою очередь, представился он, и протянул руку, которую Ариса дружески сжала своими маленькими лапками.

Максим бережно положил Лунного Зайчика на траву под деревом.

– Что мне с тобой делать? – покачал головой он.

– Я позабочусь о нем, – вызвалась Ариса. – У тебя впереди трудный путь. Тебе нужно беречь силы и сконцентрироваться на главном.

– Откуда ты это знаешь? – изумился Максим.

– Вижу.

Белка напружинила лапы и одним прыжком залетела на ветку, так, что их глаза оказались на одном уровне. Она прищурилась, смешно наморщив нос, и объяснила:

– Моя прабабка была ясновидящей. Она могла видеть будущее. Однажды она сказала мне, что я должна буду помочь существу из другого мира, который поделится со мной своей пищей. Подожди меня здесь, – и она проворно скользнула вверх по стволу, туда, где было ее дупло, спрятанное от посторонних глаз в густой листве.

Некоторое время из дупла доносилось бормотание и шорох, а потом оттуда показалась улыбающаяся мордочка Арисы.

Она подбежала к Максиму и протянула ему золотистый орех необычайно правильной формы. Орех был крупный и довольно тяжелый.

– Это – Золотой орех, также известный, как Орех Справедливости. Он предупреждает об опасности. Когда приближается беда, или рядом появляется кто-то с недобрыми на-

мерениями, он начинает вибрировать и темнеет. Когда-то он достался мне по наследству. Теперь я отдаю его тебе.

Максим поднес артефакт к уху и встряхнул. Было слышно, как внутри со стуком перекачивается ядрышко.

– У Ореха Справедливости есть одна особенность: его невозможно купить или украсть – он будет лишен своей силы. Его можно только получить в подарок. Если ты потеряешь его, он всегда вернется к тебе.

Белка пошевелила ушами и добавила:

– Я не могу видеть будущее так же хорошо, как моя прабабка, но я умею гадать. Хочешь, я тебе погадаю?

Максим, не зная, что ответить на это, промычал что-то нечленораздельное. Ариса, однако, приняла его молчание за согласие, и нырнула в дупло. Она вернулась, волоча старинную кованую шкатулку. Спрыгнув вниз, белка высыпала содержимое шкатулки на землю – несколько десятков ровных деревянных кубиков, на каждой грани были нарисованы витиеватые символы, похожие на древние руны.

Она перемешала кубики, и потихоньку начала переворачивать их, один за другим. Закончив, она картинно закатив глаза, простонала:

– Я вижу тебя насквозь! Слушай и запоминай. Я поведаю тебе твое прошлое, настоящее и грядущее...

Зная, что это невежливо, Максим, не сдержался и, подавив смех, громко хрюкнул. Ариса смерила его суровым взглядом, но, не в силах сохранять невозмутимый вид, ве-

село расхохоталась. Отсмеявшись, она попыталась стереть с мордочки улыбку и уже серьезнее продолжила:

– Ты пришел издалека. Позади тебя – вода, страх и сомнения, впереди тебя – неизвестность. Путь твой лежит во тьме. Даже ты сам не знаешь, куда он тебя приведет. Я вижу печаль и гнев, боль расставания и радость встреч. Тебя ждет множество приключений...

– Приключений? – переспросил Максим.

– На тебе лежит огромный груз ответственности, и ты стараешься быть достойным оказываемого доверия, но... – Ариса вдруг замолчала, пораженно глядя на землю.

– Что?

– Дальше – темнота. Будущее как в тумане, я не в силах разглядеть его. Больше я ничего не могу сказать тебе, Максим. Но я знаю одно: грядут перемены, и в этих событиях тебе уготована не последняя роль. Ты – Избранный. Не знаю, почему выбор пал на тебя, мальчик, но надеюсь, тот, кто выбирал, не ошибся.

Максим задумчиво почесал затылок. Слова Арисы взволновали его и породили немало пищи для размышлений. Раньше он никогда не задавался такими сложными вопросами. Потому что его жизнь всегда была для него чистой тетрадь, куда он сам – и только он один – пишет строки предстоящих событий. И, кроме него, никто не может даже заглянуть в нее, а уж тем более вписать хоть черточку. Но теперь выяснилось, что книга его жизни была написана еще до того,

как он появился на свет. А ему остается лишь идти по ней, зная, что то, что суждено, он не в состоянии изменить. Он может сколько угодно играть в самостоятельность, но Судьба лишь усмехнется над его жалкими попытками, и в конце концов все произойдет так, как было уготовано. Уготовано задолго до его рождения.

Получается, по большому счету, от него ничего не зависит – лишь мелкие детали, обстоятельства. Которые ни на что не влияют.

«Надо будет спросить об этом у Синей Рыбы», – отметил про себя Максим.

– Мне пора, – сказал он Арисе, – Синяя Рыба велела мне не задерживаться.

– Я знаю, – кивнула белка, пододвинулась поближе и прошептала Максиму на ухо: – Береги Золотой Орех. И никому не рассказывай о нем. Времена нынче тревожные. Всякое может случиться... Я рада, что познакомилась с тобой.

И, пощекотав ему на прощание нос своим пушистым хвостом, Ариса побежала восвояси.

Эриус

Вы, конечно, уже догадались, что черной птицей, похитившей Перо Феникса, был не кто иной, как Эриус. И сейчас он летел на Север, в свое убежище, с самой большой скоростью, на которую только был способен в обличье орла.

Высоко в горах, за границей вечной мерзлоты, где начинались ледники, температура редко поднималась выше нуля, и постоянно дул ледяной ветер, Эриус построил себе крепость. Здесь он и жил, никем не любимый и ни с кем не дружный, нелюдимый и одинокий.

Одной стеной крепость примыкала к скале, так, что узкие готические окна, пропускавшие совсем мало света, были только на фасаде, который был сложен из угольно-черного камня, с виду напоминавшего агат. Тяжелые дубовые ворота закрывали главный вход. Дополнительной защитой служило глубокое ущелье, на дне которого журчал ручей, – отсюда он был не толще волоска. Над ущельем клубился густой фиолетово-черный туман – результат действия каких-то чар.

Все живые существа старались обходить это место далеко стороной, тому же, кому выпадало несчастье случайно забрести в те края, приходилось несладко. Крепость стояла в самом центре лабиринта из острых скал. Лабиринта, из которого не было выхода. Безлунными ночами там блуждали темные тени, заманивая незадачливых путников к пропасти или

в глубокие подземелья. Добраться до сердца гор, где стояла Черная Крепость, можно было только по воздуху. Но птицы давно привыкли облетать Проклятое место стороной. Здесь можно было не волноваться, что какой-нибудь случайный прохожий невзначай потревожит его. Эриус был один, всегда один, но одиночество не угнетало его, – напротив, здесь, в мрачном полумраке огромных пустынных залов Крепости он мог, наконец, расслабиться и вздохнуть спокойно. Вдали от посторонних, вдали от всех.

Эриус приземлился на камни, и, положив Перо на землю, громко выкрикнул девять слогов заклинания. В ту же секунду мост, служащий одновременно и воротами, со скрипом начал опускаться. Покрытые ржавчиной цепи натянулись, и толстая дубовая доска ударилась о землю, подняв клубы пыли.

Он вошел внутрь.

Напротив входа была широкая каменная лестница с массивными монолитными ступенями и чугунными перилами, украшенными коваными звездами и полумесяцами. Лестница вела на второй этаж, в коридор, кое-как освещенный факелами на стенах, которые давали больше копоти, чем света. Слева и справа было множество дверей, которые вели в различные части замка. Все двери были заперты, что отнюдь не добавляло коридору уюта.

Ковыляя, Эриус добрался до своего кабинета. Он распахнул дверь, из-за чего поток холодного воздуха раздул пла-

мя в камине и разорвал серую бахрому паутины, свисавшей с потолка. В комнате было прохладно и сыро, затхлый воздух оставлял ощущение тоски и запустения. Обстановка, тем не менее, была по-королевски роскошной: у окна стоял большой письменный стол, у противоположной стены – кожаный диван. Картины в тяжелых золотых рамах, бархатные портьеры, огромный, во всю стену, камин, часы с маятником – все это создавало впечатление хмурого, угрюмого великолепия. Видно было, что хозяин дома знает толк в искусстве и определенно отличается неплохим вкусом, однако не имеет желания или надобности заботиться о своем жилище и приводить в порядок хотя бы изредка.

Около камина стояло старинное зеркало в потускневшей от времени серебряной оправе. Эриус подошел к нему и, не глядя на свое отражение, повернулся, и застыл в ожидании, терпеливо глядя на солнце.

Минуту или две он не двигался. За окном смеркалось. Солнце зашло за гору, и в ущелье стали сгущаться сумерки. Три секунды. Две, одна...

Громко и торжественно часы пробили девять. Эриус вдруг скорчился, словно в судорогах, и упал на пол. Его трясло, как в лихорадке. Из клюва вырвался крик боли. При этом его тело стало постепенно изменяться: клюв и перья исчезли, зрачки изменили форму, крылья сменились руками. Человеческими руками.

Он медленно поднялся на ноги. Несколько раз сжал и раз-

жал пальцы, провел рукой по волосам, ощупал нос, подбородок, уши. Потом подошел к гардеробу, стоявшему в углу, чтобы одеться, потому что его зубы уже начинали мелко стучать от холода.

В последнее время ему очень везло. Чем объяснить это невероятное везение, он не знал. Но одно мог сказать определенно: он близок к цели, как никогда. И очень скоро свершится все, о чем он мечтал. Для этого осталось сделать совсем немного.

Перо Феникса. Наконец-то он заполучил его! Эриус хрипло рассмеялся. Доверить мощнейший артефакт Лунному Зайцу! На это способны только такие наивные мечтатели, как эти простаки из Совета Высших с их идеалистичными, рафинированными представлениями о жизни. Жалкие глупцы. И они еще считают себя магами?! Неудивительно, что они забеспокоились: их мир обречен, его гибель – лишь вопрос времени.

Теперь Перо у него. И уж он-то знает, как его следует использовать. Эриус щелкнул пальцами, и на стол опустился чистый лист пергамента.

Как приятно снова ощущать себя в теле человека! Жаль, что он не может оставаться человеком надолго. Ну, ничего. Скоро этому придет конец.

Он обернется человеком и останется им навсегда. Нужно только...

Эриус поднял голову, и его взгляд случайно упал на зерка-

ло, где, в мутном, пыльном стекле он увидел свое отражение. На него смотрел высокий худой мужчина, в костюме старинного покроя, в длинном плаще. У него были тонкие, аристократичные черты лица, орлиный нос, черные брови и длинные, слегка вьющиеся волосы.

В тот же миг воспоминания волной нахлынули на него. Так происходило всегда, когда он невзначай видел себя в зеркале – в человеческом облике.

Волны памяти перенесла его в то время, когда был человеком. Прошло уже почти сто лет. Эраст – так его звали когда-то. Его отец погиб на фронте, а мать отказалась от него, потому что боялась потерять работу – она служила гувернанткой в богатом доме.

Он вырос в приюте, среди беспризорников, таких же, как он, никому не нужных детей.

Вот он сидит в школе за партой, а какой-то парень исподтишка стреляет ему в спину жеваной бумагой из стеклянной трубочки. Вот он убегает от соседского бульдога, которого хозяева спустили с поводка размять лапы. Вот он зимой стоит, прижавшись носом к витрине кондитерской, и разглядывает разноцветное суфле и пирожные, казавшиеся ему тогда божественным лакомством.

О пирожных он тогда мог только мечтать...

Перед глазами Эриуса мелькали картины из его прошлого, как кадры быстро перематываемой киноплёнки. В двенадцать лет он покинул ненавистный ему приют и устроился

на типографию – сначала сторожем и разнорабочим, потом помощником наборщика. Он жил в крошечной комнатенке, экономя каждую заработанную копейку, и копил на университет. Всю жизнь он мечтал стать художником и писать картины. Масляные краски стоили дорого, но он покупал их, иногда на последние деньги, и часто по вечерам, приходя с работы и едва не валясь с ног от усталости, он брал кисти, натягивал холст на раму, и пробовал писать. В качестве материала для своих этюдов он использовал все, что мог отыскать в доме – кухонную утварь и посуду, одежду, башмаки, старую прялку. Как-то он сделал набросок соседского кота, дремавшего на нагретом солнцем подоконнике.

И все же его старания не пропали даром: Эраст был принят в академию Художеств, на подготовительный курс. Его работы были оценены на вступительных испытаниях весьма высоко, сам профессор, председатель комиссии и декан факультета, сказал, что приятно удивлен столь хорошим уровнем подготовки и несомненным талантом молодого человека. Но чтобы оплатить первый семестр, ему пришлось выложить почти все деньги, которые у него были.

А потом он встретил *ее*. Эльза была молода и невероятно хороша собой, а когда улыбалась или смеялась, казалось, весь мир расцветал от счастья. Они учились в разных группах, и часто он стоял в коридоре, ожидая, когда прозвенит звонок, чтобы хоть издали увидеть *ее* стройную фигуру, летящую походку и длинные светло-русые кудри, развевающие-

еся от ветра. Эльза была девушкой, ради которой можно пойти хоть на край света. Он влюбился, как мальчишка, с первого взгляда, влюбился без памяти.

Они познакомились. Он боялся, что выглядит нелепо, и все время приглаживал растрепанные волосы. Он вызвался проводить ее до дома, но вместо этого они долго гуляли по Старому городу, а потом он пригласил ее в кафе. Это были его последние деньги, а до получки оставалась еще целая неделя, но в тот момент его это не волновало. Он был счастлив.

Но когда на другой день он увидел Эльзу, кокетничающую со смазливим, богато одетым парнем, мир словно перевернулся. Джон был сыном преуспевающего бизнесмена, владельца судоходной компании, и, помимо этого, отличался находчивостью, обаятельностью и отменным чувством юмора. Разумеется, Эльза предпочла его.

Казалось, все было кончено, и жизнь не имеет более никакого смысла. Казалось, счастья не будет уже никогда. Да, где-то там, в других домах горит свет, пьется горячий чай и ведутся душевные беседы, а он сидит в своей каморке при свете газовой лампы, запивая корочку хлеба кипятком, потому что у него нет денег даже на заварку. Он, Эраст, пришел в этот мир жалким, ничтожным приемышем. И, видимо, таким же жалким изгоем он этот мир покинет. А Эльза даже не вспомнит, что когда-то они сидели, и держались за руки, горели свечи, и он, краснея и запинаясь, признавался ей

в любви.

А потом он увидел сон.

Это был очень необычный сон, совсем не похожий на другие. Там все было настолько реально, что, казалось, все это происходит на самом деле. Но в то же время подспудно Эраст понимал, что спит, и это ему снится.

Сейчас он почти не помнит тот сон, все было смазанным и нечетким, словно он смотрел сквозь матовое стекло. Там был кристалл. И голос. Голос, который объяснял, терпеливо, как больному ребенку объясняют, что надо принять лекарство, чтобы поправиться. Он убеждал, уговаривал, увещевал. Он назвал себя Скорпиусом, Великим Магом, создателем Хрустального Лотоса. Он сказал, что есть другой мир, где происходят удивительные вещи, где возможно все.

Скорпиусу как магу ничего не стоило подчинить себе его волю, ведь даже будучи бесплотным духом, он умудрился сохранить часть своей былой силы. Ее оказалось достаточно, чтобы без особого труда проникнуть в сознание Эраста. Он просочился в его сны, именно в тот момент, когда ему было очень плохо. Это оказалось несложно, потому что Эраст был в отчаянии. Он не знал, как ему жить дальше. Для него не существовало будущего, а весь мир, казалось, сжался до размеров гречишного зерна. Сны его были снами человека, полностью разочаровавшегося в жизни: темными и тревожными.

Эраст слушал его, как замороженный. Скорпиус предложил ему сделку: он пообещал ему то, чего он хотел больше

всего на свете: любовь девушки которая его отвергла. Любовь Эльзы.

Но за это он потребовал кое-что от Эраста. Он станет его помощником и поможет ему освободиться от наложенных чар. Он будет делать все, что прикажет ему хозяин. Он принесет ему клятву верности, чтобы не было искушения нарушить данное слово.

Эраст согласился. Он сделает все, что угодно, если потребуется, лишь бы Эльза была с ним.

Для этого он должен был попасть в *Ego* мир. В мир Абсолюта. Но Проход был закрыт, и звезды говорили, что ближайший момент для Входа будет лишь через сто лет или около того.

Однако Скорпиусу была известна тайна, как попасть в Абсолют, минуя Главный Вход. Сложность заключалась лишь в том, что человек не мог попасть туда целиком – туда могла перейти только его душа. Черный маг использовал силу своего творения, Лотоса, и душа Эраста выскользнула из тела.

Все тогда решили, что он умер, но он был жив. Когда он пришел в себя, он понял, что находится в другом мире. В мире, где не существует границ между материей и энергией. У него не было тела, но он не осознавал этого, потому что в мире Абсолюта окружающее пространство отвечает на твое сознание. Он не чувствовал разницы, потому что не мог представить себя другим, нежели привык видеть, и именно поэтому он видел себя таким, как прежде.

Но Эраст был жестоко обманут. Потому что данная им клятва связала его по рукам и ногам, превратив в раба. И он не мог ни нарушить нее, ни отступить ни на йоту, так как наказанием за ослушание была смерть. Долгие годы он постигал Темные искусства магии под началом духа Скорпиуса, далеко на Севере, в горах, где их не мог никто отыскать. Долгие годы он строил свою крепость, учился и совершенствовался, и в результате все меньше становился похож на человека. Чары принесенной им Клятвы действовали так, что он верил каждому слову своего господина и безропотно выполнял все его приказы. Долгие годы он скрывался во тьме пещере, выходя наружу лишь по ночам, и постепенно забыл, как выглядит солнце, небо и земля, как пахнут полевые цветы и поют жаворонки.

Когда же впервые за долгие годы своего добровольного заточения он вышел на открытый воздух, последние лучи заходящего солнца коснулись его лица, острая боль пронзила каждую клеточку его тела, и Эраст потерял сознание. А, очнувшись, он посмотрел на свое отражение в воде и увидел безобразного черного орла. В нем не осталось ничего человеческого, доброго и светлого. А в мире Абсолюта каждый был тем, кем являлся на самом деле.

Эраст громко закричал от злости и досады, но было уже поздно. Он еще мог превращаться в человека, но только в полнолуние, после захода солнца, и всего на несколько часов. Единственным шансом для него вернуться свой преж-

ний облик было выполнить данную им клятву и помочь Скорпиусу обрести былое могущество.

Таким был Эраст – хитрым, жестоким, беспощадным, но вместе с тем глубоко несчастным. Однако тьма уже пустила корни в его душе, и этот процесс был необратим. В подражание Скорпиусу он уничтожил даже свое имя, и с тех пор стал называть себя Эриусом. В черной магии он достиг почти полного совершенства, и постепенно начал менять хрупкое равновесие Абсолюта, смещая центр тяжести в Темную сторону. А чем больше зла появлялось в мире, тем сильнее становился Скорпиус. Он, подобно паразиту, питался темной энергией – страхом, грустью и злобой. Но этого было недостаточно. Оставалось еще главное звено цепи, чтобы завершить начатое.

Эриус с трудом оторвал взгляд от зеркала и энергично протер глаза, чтобы видение исчезло. Времени оставалось мало, и было величайшей глупостью тратить его впустую.

Сейчас нельзя предаваться воспоминаниям. У него только одна ночь, чтобы осуществить то, что он задумал.

Эриус взял котел, и повесил его над камином, чтобы вода успела закипеть, пока он готовит ингредиенты. Зелье, которое он собирался сварить, имело весьма сложный состав, но игра стоила свеч.

Он заметался по комнате, собирая необходимые компоненты. Сушеные лепестки календулы и мальвы, мед, черный перец, муравьиная кислота, амарант, корень полыни и шесть

кристаллов горного хрусталя – эти вещества применялись как в Светлых, так и в Темных заклęciaх. А вот слезы русалок, драконий яд, кровь белого грифона и толченые иглы дикобраза традиционно служили целям Зла, а всем известно, что с ингредиентами для черномагических зелий шутки плохи: они весьма капризны, даже опасны. Кроме того, они были большой редкостью. Чтобы достать их, ему пришлось изрядно потрудиться.

Эриус кинул в кипящий котел щепотку пыльцы с крыльев эльфов. Зелье бурлило и пенилось. Когда брызги попали в огонь, пламя становилось черным и взметалось вверх. Оставалось добавить последний элемент – кровь грифона. Всего одна капля. Его рука дрожала, но взгляд был полон решимости довести дело до конца. Никому еще не удавалось сварить это зелье. Но, в конце концов, он ведь ученик самого Скорпиуса! У него должно получиться.

Одна капля, и зелье зашипело. Это значит, что оно было готово. Эриус снял котел с огня. Из него валил густой концентрированный дым, пахнувший паленой резиной. Клубясь, он расплзался по комнате. Эриус открыл окно, и дым багровым столбом стал подниматься к небу.

Он взял длинный серебряный жезл с резным набалдашником и принялся перемешивать варево против часовой стрелки, одновременно с этим бормоча заклинания, отчего дым пошел еще быстрее.

Когда ядовитый дым достиг Земли, все, кто в этот момент

спали, вместо обычных сновидений увидели жуткие кошмары. Люди вдыхали отравленные испарения, не подозревая, что им угрожает опасность. Они спали и не могли проснуться. И им снились невообразимые монстры – хищные, клыкастые, рогатые. Твари, которых не способно создать воображение, порожденные колдовским зельем, они возникали ниоткуда, росли и размножались, подпитываясь человеческими эмоциями – страхом и ужасом.

Но это было еще не все.

Все эти чудовища были лишь тенями, призраками, порожденными чьим-то богатым воображением, и могли существовать лишь во сне. Когда люди просыпались, сны таяли, исчезали без следа. Но Эриус хотел сделать так, чтобы сны людей смогли проникнуть в мир Абсолюта. Если бы это ему удалось, то он легко мог бы подчинить себе этот мир вместе со всеми его обитателями. И теперь, наконец, у него было единственное, что могло сделать это.

Перо Феникса.

Все, что ты напишешь своей кровью, станет реальностью. Так просто!..

Эриус вытащил из ножен, висевших на поясе, бронзовый кинжал и провел лезвием по ладони, разрезав кожу. Из раны брызнула кровь. Он обмотал руку платком, и, обмакнув кончик Пера в кровь, как в чернила, размашистым почерком вывел несколько строк. Стоило ему дописать последнее слово и поставить точку, как пергамент задымился. В тех местах,

где его коснулось Перо, кровь прожгла лист до дыр, словно едкая кислота.

Он злобно расхохотался, горное эхо несколько раз повторило его холодный, жесткий смех. Все идет по плану! Остался последний штрих. И он провел Пером длинную вертикальную линию, процарапав пергамент насквозь. Края дыры задымались, как до этого задымались строки, и пергамент, не выдержав, вспыхнул и моментально сгорел, съжившись и превратившись в пепел, который ветер тут же подхватил и развеял в полнотном мраке.

Колдовство свершилось. В небе над горами, неподалеку от Черной Крепости образовалась дыра точно такой же формы, как в листе пергамента, только в сотни раз больше. По ту сторону дыры была такая же чернота, как и снаружи, но ее края светились, и по ним можно было определить ее размеры – прореха была такой огромной, что в нее запросто мог бы пролететь самолет. Проход соединял два мира: Абсолют и Мир кошмарных сновидений.

Прошла минута, другая, и из дыры появилось темная тень. Тень эта непрерывно меняла свою форму и размер, то растягиваясь, то съживаясь в нерешительности, оставаясь, впрочем, всего лишь расплывчатым пятном. Она словно не знала, какой облик предпочесть, и, решив перепробовать все варианты, постоянно изгибала свои очертания, образуя различные образы, словно чернильная клякса, которое катают по промасленной бумаге.

Следом за первым появилось другое пятно, потом третье, а за третьим они хлынули непрерывным потоком. Их были сотни и тысячи, и они, как гигантские амебы, медленно расползались в разные стороны. Осматриваясь, изучая, исследуя окружающее пространство. Они дрожали, как дрожит нагретый воздух над источником тепла, и закручивали вокруг себя маленькие вихри.

Эриус произнес еще одно, последнее слово заклинания, и тени тотчас пришли в движение, и начали определяться, постепенно формируя различных существ. Кто-то обзаводился рогами, кто-то – острыми бивнями, кто-то – множеством мускулистых лап или сильными крыльями. Они превращались в чудовищ – в тех, кем они были в человеческих снах. И, постепенно становясь все материальнее, они начинали осознавать себя, мыслить и действовать независимо ни от кого, сами по себе. Эриус подарил им свободу, самостоятельность и жизнь. Жизнь, целью которой были разрушение, раздор и хаос.

Тени разбредались, расползались, расходились в разные стороны. Они не ведали не жалости, ни сострадания. Рожденные из тьмы и страха, они не знали ничего другого. Они не чувствовали ни сомнения, и не испытывали никаких потребностей. Но они имели цель – и все их существование должно было быть положено во имя ее осуществления. Не имея собственной воли, они лишь исполняли заложенную Эриусом программу: уничтожать всех, кто встретится у них

на пути.

А из прорехи в воздухе выползали все новые и новые тени, тут же начиная менять форму, и спешили присоединиться к тем, кто появился раньше.

Эриус стоял на высокой башне, скрестив руки на груди, и молча наблюдал за плодами своего труда. На лице его было написано торжество.

Тени, которые могут превращаться во что угодно – это непобедимые воины. Его армия. Армия, с помощью которой он подчинит себе гордых, свободолюбивых жителей Абсолюта.

Осталось совсем немного: скоро он освободит Скорпиуса от чар, и они вместе будут править миром. А, получив полный контроль над Абсолютом, они смогут контролировать и все остальные миры. Он усмехнулся. Как приземлены и глупы ему казались теперь прежние мечты! Любовь, счастье, – что это? Пустой звук. Призрачные, эфемерные надежды, как и любая другая сентиментальная чушь. Надежды, которым не дано сбыться. И даже если они сбываются, за кратковременным счастьем всегда следуют потери. Жить, зная, что в любой момент все это может лопнуть, как мыльный пузырь, оставив тебя ни с чем – зачем нужна такая жизнь?..

Могущество и власть – вот настоящие ценности. Знать, что тебе подчиняются миллионы, и только одно твое слово способно решать их судьбу. Управлять империями, расширяя свои владения, видеть, как все трепещут от одного лишь

звука твоего имени. Когда никто не смеет сказать и слова поперек, когда нет никаких запретов, осуждения и нарекания, это – истинное счастье. В этом *может* быть цель жизни. За такую цель стоит бороться.

Эриус поморщился. В его душу непрошенными гостями закрались сомнения. Что, если девчонка не справится? Что, если он ошибся?

Нет, это невозможно. Он не мог ошибиться. Он долго искал ее, и, наконец, нашел. Она – именно та, кто ему нужен. Он подарил ей цепочку, благодаря которой она не сможет узнать правду. Она доверяет ему, и не снимет подарок. Он внушил ей, что она – герой, что ей предстоит совершить великий подвиг. Она не успеет сообразить, что к чему. А когда поймет, будет уже поздно.

И тогда она больше не будет ему нужна.

Он хрипло расхохотался, но тут страшная судорога пронзила все его тело, словно сквозь него пропустили электрический ток. Его время истекло, и он превращался обратно в орла. Трансформация из человека в птицу происходила быстрее, и не так болезненно, как обратный процесс, и скоро Эриус поднялся с земли, и расправив крылья, несколько раз взмахнул ими.

У него было еще одно дело. План этот созрел давно, но не было возможности для его осуществления. Сейчас же обстоятельства складывались как нельзя более благоприятно.

Эссенция Гармонии

– Сюда, – крикнул Шерри, выглядывая из густых зарослей ежевики, – Осторожно, колючая.

Они с Викой шли напрямик, продираясь через кусты. Дороги Вика, конечно, не знала и шла за Шерри. А лохматый проводник как назло, выбирал в буквальном смысле самый тернистый путь. При этом он умудрялся передвигаться так быстро, что девочка еле поспевала за ним.

Наконец дикобраз остановился. Они стояли на круглой полянке, белой от заполонивших ее ромашек, у которой брала начало прямая, как стрела, аллея, посыпанная мелким песком. По обеим сторонам ее росли деревья, кроны которых были аккуратно подстрижены. Аллея вела к крыльцу симпатичного домика с высоким крыльцом, верандой и мезонином. Дом был сложен из светло-желтого кирпича, с красной черепичной крышей. Изящные витые колонны поддерживали балкон второго этажа, утопавший в зелени. В палисаднике был разбит пышный цветник, где росли невиданной красоты белые розы; даже с такого расстояния Вика почувствовала их тонкий сладковатый аромат. Все здесь было сделано со вкусом и с любовью, во всем чувствовалась забота, терпение и внимательность. Было видно, что хозяева этого домика и парка вложили в него душу, стремясь сделать как можно более уютным, милым и гостеприимным.

Они перелезли через невысокую деревянную ограду и пошли по аллее. Слева и справа расстился коротко подстриженный газон, на котором тут и там росли деревья и кусты причудливой формы. Каждое дерево было придано сходство с каким-нибудь животным: здесь были медведи, стоящий на задних лапах, лев с густой, пышной гривой, северные олени с большими ветвистыми рогами, и еще много-много других существ, которые не обитали в мире Вики, и поэтому она не знала их названий. Между фигурами животных были сделаны клумбы, выложенные по краю круглыми белыми камнями. В середине клумб были посажены кусты пионов, а по краю росли опрятные бархатцы и ветреные фиалки.

Аллея упиралась в ступени крыльца. Семь низких мраморных ступеней. Вика поднялась и увидела высокие двустворчатые двери. Она поискала звонок, и не найдя его, решила постучать. Шерри встал на задние лапы и, приюхиваясь, повертел мордочкой:

- Дома никого нет, – пискнул он, – Наверное, они в саду.
- Кто – они? – спросила Вика. – Чей это дом?

Дикобраз пропустил ее вопрос мимо ушей и с любопытством принялся изучать сад. Его внимание привлек круглый бассейн, с фонтаном в центре. Бассейн был наполнен светло-розовой прозрачной жидкостью, похожей на земляничный кисель. Жидкость маслянисто блестела на солнце, на ее поверхности плавали радужные разводы.

Вика обошла вокруг фонтана. Потом, поколебавшись, об-

макнула палец в таинственную розовую субстанцию и принялась с любопытством рассматривать. На ощупь жидкость оказалась скользкой и густой, и была больше похожа на масло, чем на воду. Она пахла солнцем, летом и апельсинами.

– Что это? – Вика оглянулась на своего проводника.

– Похоже на фруктовый сироп, – Шерри почесал в затылке. – Наверняка съедобный. Пахнет вкусно.

– Здесь все такое странное...

– Может, попробуешь? – подзадорил ее Шерри.

Соблазнительный аромат будоражил воображение, заставляя забыть об осторожности.

– Мне кажется, лучше дождаться хозяев. И вообще, – нравоучительно заметила Вика, – Нельзя брать без спроса чужое.

Шерри в ответ обиженно фыркнул.

– Если боишься, так и скажи, а не оправдывайся!

– Я боюсь?! – возмутилась девочка. – Просто я не такая дуручка, чтобы пить неизвестную жидкость. Откуда я знаю, какое действие она оказывает? Может, я усну навеки, или превращусь в кого-нибудь, или потеряю память? Я уже усвоила – здесь всего можно ожидать.

Шерри стыдливо опустил голову, и принялся с пристальным вниманием разглядывать жирную мохнатую гусеницу, ползущую по траве.

– Прости, Вика. Я не хотел тебя обидеть. – Он посмотрел на девочку, и она увидела, как в его глазах блеснуло странное

выражение: безрассудная, безумная неудержимость, – Я сам попробую его!

– Нет! – крикнула Вика, но Шерри уже с громким чавканьем лакал киселеобразную жидкость прямо из бассейна, перегнувшись через бортик.

– Что ты делаешь? – испугалась Вика. – Перестань!

Шерри на миг оторвался от сиропа, и из бассейна показалась его довольная мордочка. На шерстинках блестели розовые капельки.

– Вкусно! – с наслаждением облизнулся он. – Не веришь? Попробуй сама!

Вика не ответила: распахнутыми от страха глазами она смотрела на Шерри. Но с ее приятелем не происходило ничего страшного. Отдышавшись, он вновь принялся лакать сироп.

«Теперь я просто обязана его попробовать, – подумала Вика. – Если он рискует, я тоже должна рискнуть. И если с Шерри все-таки что-то случится, а с ней нет, это будет несправедливо. К тому же, похоже, этот сироп действительно безопасный».

Девочка достала пластиковую бутылочку из-под минералки, и погрузила в бассейн. Булькая, она быстро наполнилась. Вика вытащила ее и облизала горлышко. Вкус был в точности такой же, как и запах: нежный, сладкий и очень ароматный. Она залпом выпила бутылку, потом еще одну, потом еще, не в состоянии остановиться. Вика пила сироп до тех

пор, пока ей не стало трудно дышать. С трудом оторвавшись от фонтана, она села на траву и искала глазами Шерри. Дикобраз лежал на земле, став круглым, как мячик, и негромко постанывал.

– О-ох... Я сейчас лопну, – отдуваясь, причитал Шерри, – Этот фонтан заколдован: я не мог остановиться! Чем больше я пил, тем больше мне хотелось еще и еще!

– Тебе когда-нибудь говорили, что все хорошо в меру? – не удержалась Вика.

– На себя посмотри, – дикобраз раскачался и с трудом принял вертикальное положение, – Советую тебе дождаться Мелани. Я, пожалуй, пойду, – он поднял с земли связку плодов кен-тай, и, перехватив половчее свою ношу, помахал Вике на прощанье лапой:

– Может, еще увидимся. Давай, не унывай, все будет пучком!

Вика кивнула ему на прощание, и Шерри, переваливаясь с боку на бок, засеменял по аллее. Вскоре он одолел расстояние, отделявшее его от опушки леса, и скрылся из виду в густой листве.

Вика зевнула и присела на ступеньки крыльца, прислонившись к нагретой солнцем балюстраде перил. Зажмурилась. Солнце светило сквозь опущенные веки, отчего перед глазами расплывались желтые, красные и фиолетовые круги, как в калейдоскопе. Сидеть на теплом камне было так приятно, что девочку незаметно начало клонить в сон. Пустая

бутылка выскользнула из ее руки и покатила по земле.

Она почти дремала, когда услышала голоса и звонкий смех. Вика вздрогнула, сон моментально слетел с нее, она вскочила, лихорадочно пытаясь собраться с мыслями. Сердце бешено колотилось. Вика поспешно пригладила взлохмаченные волосы и приняла самую вежливую позу.

– Мелли, ты только посмотри на это! Мелли, иди сюда!

Это кричала маленькая девочка со светлыми, почти белыми волосами, заплетенными в тугие косички, и озорными серо-голубыми глазами, задорно блестящими.

– Привет, – поздоровалась Вика.

Девчонка чуть не захлебнулась от восторга.

– Мелли, ты не поверишь! Оно *говорящее!!!* Ты представляешь, оно сказало «Привет!» Мелли, где же ты там? Иди же!

– Ну, что там опять у тебя случилось? – услышала Вика усталый голос, а спустя мгновение увидела его обладательницу: это была высокая молодая женщина. Ее голос, теплый и мелодичный, звенел, как весенний ручей. Волосы, такие же серебристо-белые, как у девочки, чтобы они не путались и не мешали, она собрала в узел на макушке. На незнакомке был скромный сарафан с вышивкой на рукавах, и такой же вышитый передник. Единственными украшениями была серебряная диадема в волосах и кулон в виде полумесяца на тонкой цепочке. В руках она держала плетеную корзинку с земляникой.

– Здравствуй! – поприветствовала она гостью. – Как тебя зовут, человеческое дитя?

Вике не понравилось, что она разговаривает с ней, как с младенцем: все-таки она была уже достаточно взрослая. Но она сдержалась и вежливо ответила.

– Добрый день. Меня зовут Виктория, – на всякий случай она назвала свое полное имя. – Шерри показал мне дорогу в ваш дом – я повстречала его в саду деревьев кен-тай. Мне... нужно вернуться домой. Шерри что-то говорил про Старейшину. Так вот, мне нужен ее совет.

Про черного орла и дерево с семью стволами Вика решила пока умолчать.

– Вижу, ты пила из моего фонтана, – заключила Мелли, критично осмотрев девочку с ног до головы. Она не улыбалась, но глаза весело сверкали.

Вике будто окатило ушатом ледяной воды: откуда ей это известно?! Она растерянно попятилась, споткнулась, и чуть не упала в бассейн, но краем глаза успела заметить нечто странное в своем отражении. Ее уши.

Они были насыщенно-розового цвета.

Вика покраснела, как пион, так, что цвет лица почти сравнялся с цветом ее ушей.

– Не бойся. Никто ни в чем не обвиняет тебя, Вика, – ласково сказала Мелли. – Она протянула руку. – Будем знакомы. Я – Мелани, а Кэтти, – она бросила строгий взгляд на девочку, не перестававшую хихикать, – моя несносная младшая

сестричка.

В ее тоне было что-то такое, что Вика почувствовала, что Мелани добрая, и просто не в состоянии кому-либо причинить зло.

– Извините меня, – промямлила она, – я... М-мы просто...

Внезапно ее пронзила ужасная мысль: Шерри тоже пил из заколдованного фонтана, и выпил гораздо больше нее...

Вика похолодела. А если это опасно? Она будет виновата, если с Шерри случится что-то плохое, ведь это из-за нее он пришел сюда! им сейчас происходит то же самое... ерри тоже пил воду из заколдованного фонтана.

– Твоей жизни ничего не угрожает, Вика, – словно прочитав ее мысли, успокоила ее Мелани. – Розовый оттенок скоро исчезнет, и ты снова станешь такой же, как раньше.

Она подошла к фонтану и, поставив корзинку на каменный бортик, зачерпнула рукой сироп.

– Это – эссенция Гармонии, – объяснила Мелани, – Она возвращает предметам их первоначальный вид. Ее используют, чтобы починить сломанное, склеить разбитое, сделать старое – новым. Она исправляет разрушенное, и помогает выявить суть вещей. Смотри! – она взяла из корзины ягоду земляники и, на секунду опустив в волшебный фонтан, положила на землю. Сначала ничего не происходило, и Вика было подняла голову и в недоумении посмотрела на Мелани, но вдруг ягодка задрожала, и из нее с невероятной ско-

ростью начал расти стебель, укоренился, на нем появились листья и усы, извивавшиеся, как маленькие змеи. Минута – и на земле возник кустик земляники.

Раскрыв рот от изумления, девочка опустилась на колени и дотронулась до земляники. Ягоды были настоящие, и одна из них – та самая, которую Мелани намочила Эссенцией.

– Ничего себе! Как будто он всю жизнь здесь рос! – Вика задумалась, – А почему на меня он подействовала по-другому?

– Исцеляющее действие Эссенции Гармонии распространяется только на тех, кто знает о нем, и имеет *намерение* исправить что-либо. Однако у нее есть одно побочное действие: Эссенция содержит особый пигмент, и если человек, зверь или существо выпьет ее, он на некоторое время окрасится в розовый цвет. Считай, что тебе повезло – у тебя розовыми стали только уши.

Мелани изящным жестом убрала волосы со лба и продолжала:

– Гармония – очень сильная вещь. Даже если ты не знаешь о ней, она не может не оставить след.

– Жаль, там, откуда я пришла, нет Эссенции Гармонии, – вздохнула Вика, – Как-то раз я нечаянно разбила хрустальную вазу для цветов, любимую бабушкину вазу. Она разлетелась на мелкие осколки. Как мне тогда хотелось ее починить, но это было невозможно!..

– Придет время, и люди твоего мира откроют секрет Эс-

сенции Гармонии, как когда-то открыли энергию солнца и элементарных частиц. Похожий эффект, кстати, имеет ваша святая вода. Только она воздействует на тонкую материю, на душу человека, а в Эссенции Гармонии магия гораздо концентрированнее, поэтому она оказывает влияние даже на плотноматериальные предметы.

– Мелли! – вдруг воскликнула Кэтти, испуганно показывая на небо, – Гляди!

Вика посмотрела на небо, но не увидела там ничего необычного. Небо было синим, безоблачным и чистым. Никакого намека на дождь или грозу. Она перевела взгляд на Мелани и увидела, что та побледнела от страха.

– Беги в дом! – велела она сестре. Кэтти подхватила корзинку и опрометью бросилась к двери.

– Что случилось? – попыталась вмешаться Вика. – Я ничего не понимаю...

Но Мелани уже схватила ее за руку.

– Ты что, не видишь? Небо меняет цвет!

– Меняет цвет?

Вика еще раз внимательно окинула взглядом небосвод, но, вынуждена была признать, что не видит никакой разницы.

– А разве оно раньше было не синим? – осторожно начала она.

– Синим? Оно красное!

– Красное? Не понимаю! Почему... – Вика запнулась. Те-

перь даже она почувствовала, что происходит что-то странное. Девочка прислушалась. Тишина. Отчего-то умолкли все существа, воздух больше не наполняло их беззаботное щебетание, жужжание и стрекот. Ветер стих, и листья деревьев замерли, словно в ожидании. Весь мир оцепенел, как перед бурей.

– Да в чем, в конце концов, дело? – воскликнула она.

Мелани изучающе посмотрела на девочку. Взгляд ее остановился на черной цепочке. Вика вздрогнула.

– Что это? – спросила Мелани.

– Мой талисман. Он помогает...

– *Помогает?* – прищурилась Мелани, – Ну-ка, сними, я хочу рассмотреть ее поближе.

– Но она...

– Пожалуйста!

Вика послушно развязала узелок. Цепочка соскользнула и кольцом свернулась на ладони. В тот же миг окружающий мир обрушился на нее сонмом цветов, запахов и звуков. Девочка несколько раз глубоко вздохнула, чтобы унять звон в ушах и поморгала, чтобы привыкнуть к новому восприятию.

– Понимаете, эта цепочка помогает мне воспринимать этот мир так, как я привыкла. С ней удобнее, и вообще...

Схватив цепочку, Мелани размахнулась и бросила в Эссенцию Гармонии. Вика вскрикнула и кинулась к бассейну. Она ожидала, что цепочка пойдет ко дну, но она осталась

плавать на поверхности, словно была сделана не из железа, а из воздуха. Вместе с тем с ней стало происходить что-то странное: она начала таять в розовой жидкости, как масло в каше. Некоторое время на поверхности еще был виден ее контур, но скоро исчез и он.

Вика вопросительно взглянула на Мелани. Она стояла бледная, как полотно, переплетенные пальцы были напряженно сжаты.

– Может, мне кто-нибудь объяснит, что происходит? – Вика начала терять терпение. И тут она заметила, что небо больше не синее, как раньше: оно стало ядовито-красного цвета, жесткого и колючего, от которого щипало глаза.

– У Эссенции Гармонии есть еще одно свойство, – прошептала Мелани, – если вещь несет в себе зло, она уничтожит ее. Я не знаю, кто дал тебе эту цепочку, но он тебе не друг.

Она взяла Вику за руку и потянула за собой.

– Идем в дом. Надвигается буря.

Энергет

Гроза застала Максима на вершине холма. Вокруг не было ничего, похожего на укрытие, лишь далеко впереди темнела небольшая дубовая роща. Он знал, что в грозу не рекомендуется находиться под деревьями, но гораздо опаснее было оставаться здесь, на открытом месте, где он был идеальной антенной для молний. И потом, под деревьями можно было спрятаться от дождя.

В небе ерзали тяжелые толстые тучи, почти черные от огромного количества воды. Максим ускорил шаг. Перспектива попасть под дождь другого мира отнюдь не прибавляла ему энтузиазма. Туча набежала на солнце, и сразу стало темно. Через пять минут на небе уже не было ни единого просвета.

Проклиная себя за то, что забыл зонтик, мальчик принялся бежать что есть духу. Гроза шла с севера, и первые молнии уже сверкали на горизонте. Налетел шквальный ветер, взъерошив Максиму волосы. Он на бегу застегнул куртку, ежась от холода.

Гроза неотвратимо приближалась, молнии сверкали все ближе, в качестве подтверждения своей правоты всякий раз сопровождая вспышку раскатистым громоуханием, и первые капли дождя упали на землю. Дубрава была уже почти рядом. Максим, задыхаясь от быстрого бега, собрал послед-

ние силы и бросился к деревьям. Как только он вбежал под густые кроны дубов, то почувствовал себя в относительной безопасности. Здесь еще было сухо, и почти не было ветра.

«Надо где-то переждать бурю».

Максим шел, внимательно разглядывая окрестности, чтобы не пропустить подходящее место. Впереди был холм, и, обогнув его, Максим, наконец, увидел то, что искал: с этой стороны его рос глубокий овраг, сводам которого не давали обрушиться корни огромного дуба, сетью оплетавшие почву. Между корней темнел вход в небольшую пещерку.

Старая лисья нора, решил Максим, размытая дождем. Встав на четвереньки и держась руками за стены, он вполз внутрь и поморгал, чтобы привыкнуть к темноте. В норе царил почти непроглядный мрак, но зато было сухо и очень тепло, словно здесь недавно разжигали огонь.

Максим облегченно перевел дух и стал устраиваться поудобнее. В дальнем углу что-то белело. Это что-то было шелковистым и мягким на ощупь, как мех. «Этот мех здесь очень кстати», – подумал Максим и, ощупав края подстилки, опустился на нее.

Подстилка возмущенно взвизгнула и выпустила когти, царапнув Максима по рукаву куртки. Он подскочил от неожиданности и кувырком отлетел в сторону, шурясь из всех сил в попытке разглядеть таинственное существо. Существо между тем тщательно отряхнулось и сердито зашипело:

– Какая возмутительная наглость! Я тебе не кровать! До-

жили! В собственном доме тебе могут сесть на шею, и это в порядке вещей!

– Простите, пожалуйста, – поспешно извинился Максим. – Я только хотел спрятаться от дождя, но я не знал, что это ваш дом. Здесь темно.

От неизвестного существа волнами расходилось красно-оранжевое возмущение. Вибрации энергии были настолько сильными, что воздух вокруг него уплотнился, и пружинил, как желе. Существо насмешливо фыркнуло.

– Темно, надо же! Да абсолютно все знают, что я здесь живу. И что после обеда я обычно отдыхаю!

– Я... не хотел вас потревожить, – пролепетал Максим. – Я уже ухожу. – Он повернулся к выходу, но тут хозяин норы вдруг ворчливо пробурчал:

– Ладно уж, ты меня уже разбудил, так что уснуть мне теперь все равно не удастся. Оставайся покамест. Не выставлять же тебя на улицу в такую погоду, в самом деле.

– С-спасибо, – заикаясь, проговорил Максим.

– Кто ты такой? – требовательным голосом спросило существо, – Я не припоминаю, чтоб видел тебя когда-нибудь. Ты ни на кого не похож. Для гнома слишком большой, на эльфа тем более не тянешь, про магов я вообще молчу.

Сравнение было отнюдь не в его пользу, но Максим решил, что обижаться на такую мелочь не стоит. Тем более, что незнакомец, скорее всего, не хотел его обидеть. Просто ему была свойственна такая манера общения.

– Я человек. Меня зовут Максим, – представился он, –
А ты?

Его собеседник, словно не расслышав последнего вопроса, издал удивленный возглас:

– Да ты что? Нет, серьезно? Ну и дела! Видно, времена нынче такие, – он замолчал, быстро что-то соображая. – Да, кстати, – спохватился он, – Меня зовут Флэйк. Я энергет.

– Энергет? – переспросил Максим.

– Я питаюсь солнечным светом. Энергией солнца. Энергеты – это существа, которые могут поглощать первичную энергию напрямую от ее источника. Я, например, солнечный энергет, потому что питаюсь от Солнца. Солнце заменяет для меня пищу и питье. Но есть еще энергеты ветра, электричества и мыслей.

От всего услышанного у Максима голова пошла кругом.

– Энергеты мыслей? Они что, питаются мыслями?

– Мыслями, чувствами, эмоциями других существ. Иногда их еще называют энергетическими вампирами, но для них это смертельное оскорбление.

Максим засунул руки в рукава, чтобы согреться. Зубы мелко стучали от холода.

– Замерз? – спросил Флэйк.

Максим кивнул.

– Я сейчас разведу огонь, – засуетился он. Послышался хруст веток, и вдруг прямо посреди норы вспыхнуло пламя, осветив скромное жилище Флэйка. Очаг был в два ряда об-

ложен камнями, чтобы летящие из костра искры не подожгли сухую траву, устилавшую пол пещерки. Пламя было голубовато-синее, как от газа, только в сотню раз ярче, и такое горячее, что Максим быстро стал согреваться. Он поднял глаза и, наконец, увидел своего собеседника.

Это был огромный белый кот с роскошной густой шерстью, длинными, заливхватски закрученными усами и умными глазами изумрудного цвета. На кончиках его ушей трепетали язычки пламени. Кот сидел напротив мальчика, между ними горел огонь, и, глядя сквозь горячий воздух, Максиму казалось, что его шерсть шевелится, как живая.

– К сожалению, мне нечего тебе предложить к ужину, – проговорил Флэйк, грациозно обвив лапки хвостом, – у меня нет еды, к которой ты привык.

– Ничего, – улыбнулся Максим, – у меня еще осталось пара бутербродов, – он вытащил пакет. – Могу угостить, если хочешь.

– Ни за что, – отчеканил кот, демонстративно задрав подбородок кверху. – Я это не ем.

– Зря. Это вкусно, – пожал плечами Максим и с аппетитом принялся за бутерброд, проглотив его так быстро, что сразу же пожалел об этом. Пока он не знает, где добывать еду в этом мире, надо расходовать запасы как можно экономнее.

– Если бы ты мог попробовать солнечный свет, – хмыкнул Флэйк, – как только ты почувствовал бы его вкус, ты бы не пожелал даже смотреть ни на что другое. Жаль, тебе этого

не понять.

– Ты ведь кот, верно? – полюбопытствовал Максим. – Значит, все солнечные энергеты – коты?

– Конечно, нет! – слегка обиделся кот. – При рождении мы можем выбрать, кем быть. Каждый выбирает то, что ему по душе. Мне, например, нравится быть котом, хотя, если бы захотел, то мог бы стать и кем-либо другим. Теоретически мы можем меняться, и принимать облик абсолютно любых существ, но не так, как мултинеры – те вообще и минуты не могут прожить в одном и том же облике – у них ветер в голове. Для нас же, чтобы измениться, нужна магическая энергия. Много энергии.

– Здорово! – восхитился Максим. – Люди так не могут. Если ты родился человеком, то будешь им всю жизнь. Интересно было бы превратиться, например, в птицу. Летать – это, наверное, очень приятно. Или в рыбу, и нырнуть на самое дно океана без всякого водолазного костюма. Я раньше часто мечтал...

Максим не смог закончить последнюю фразу, потому что Флэйк внезапно вскочил, одним прыжком перелетел через костер и бросился на Максима, прижав к Земле. Передними лапами он крепко зажал ему рот, не дав договорить, и испуганно прошипел:

– Что ты делаешь? Забыл, где ты находишься? Ты в Абсолюте! Здесь нельзя бросаться словами. Хочешь превратиться в рыбу? И что я буду с тобой делать? Здесь поблизости нет

ни рек, ни ручьев, а до ближайшего водоема полдня пути! – Он замолчал, чтобы перевести дух, но увидев, что у Максима душа ушла в пятки от страха, продолжил уже гораздо спокойнее:

– Кроме того, нельзя использовать магию без разрешения, подписанного Советом Высших, если ты не маг, конечно. У тебя оно есть?

Максим покачал головой.

– Вот видишь. Сейчас бы заварил кашу. Неужели тебя не предупредили?

– Синяя Рыба ничего не говорила мне об этом, – признался мальчик.

В глазах солнечного кота вспыхнул огонек любопытства.

– Синяя Рыба? – живо переспросил он, – Так это *она* привела тебя сюда?

– Ты ее знаешь? – обрадовался Максим.

– Кто ж ее не знает. Синяя Рыба – одна из Высших. Она одна из Великих Сил древности, тех, которые создали и все миры Вселенной. Почему, интересно, она не сказала тебе о запрете?

– Не знаю. Возможно, она сама не знала об этом.

– Вообще-то, запрет на использование магии ввели совсем недавно, – Флэйк наклонил голову и задумчиво провел языком по грудке, приглаживая взлохмаченный мех. – Я сам не сразу привык к этому. Впрочем, этого следовало ожидать.

– Но почему запретили использовать магию? Я думал,

здесь вообще невозможно что-либо запретить. Синяя Рыба сказала мне, что Абсолют – это прежде всего, абсолютная свобода, и здесь не может существовать ни ограничений, ни правил.

– Да, – кивнул Флэйк. – Раньше именно так все и было. Но в последнее время стали происходить странные вещи. Странные, необъяснимые и страшные. Никто не может понять, в чем дело, все живут в тревоге за себя и своих друзей. Ты можешь, например, внезапно исчезнуть, и через секунду появиться совсем в другом месте. Неделю назад я видел огромного черного орла, который парил высоко в небе. Его аура была чернее сажи. Она клубилась, облаком окутывая его со всех сторон. Слава Высшим, он меня не заметил. Мне жутко даже представить себе, что было бы, окажись я с ним лицом к лицу.

– Я тоже видел черного орла, – взволнованно подхватил Максим. – Сегодня. Он пытался напасть на Лунного зайца, а потом схватил перо Феникса, и улетел. Все произошло так быстро, что я даже не успел испугаться. Возможно, это один и тот же орел?

– Перо Феникса? – задумчиво протянул энергет. – Говоришь, он забрал Перо? Это нехорошо. Очень нехорошо... – Он встревоженно заурчал и улегся поближе к огню. – Высшие, правда, пытаются разобраться во всем этом, но для этого им нужно много энергии. Как можно больше. А магическая энергия – величина постоянная. Она не может само-

воспроизводиться. Сколько бы она не переходила из одного вида в другой, ее количество всегда одинаковое. Раньше ее хватало на всех. Даже фантомы иногда использовали ее для своих целей, – не все, конечно, только единицы.

В узких щелочках зрачков энергета отражалось пламя костра.

– Но сейчас, похоже, что кто-то ворует ее у нас. Какое-то зло незаметно проникло в наш мир, и медленно, но верно плетет свою сеть. Я не знаю, какие у него замыслы, но если он сможет их осуществить, всем нам крышка. Поэтому Высший совет использует все свои силы для борьбы с ним. Зло необходимо остановить, это вопрос жизни и смерти. Но для этого потребуется вся энергия, которая у нас есть. *Вся*, до последней капли, до последней крупинки. Поэтому Совет издал закон о Лицензиях. Все, что раньше было доступно для всех, сейчас можно получить только по лицензии, а для этого надо сначала получить лицензию. Многие были возмущены новыми порядками, некоторые смирились и подтянули пояса потуже, но я считаю, это справедливо. Более того, это было необходимо. Использовать драгоценную магическую энергию для себя, когда из-за этой твоей прихоти может не хватить энергии, чтобы остановить врага – просто кощунство.

Максим кивнул, выражая свое согласие.

– Кстати, – внезапно спросил Флэйк, – Ты знаешь, сколько энергии нужно, чтобы открыть Проход? Если Совет Высших пошел на это, очевидно, что они от тебя чего-то ждут.

Максим покраснел: ему неловко было говорить о Пророчестве и об Избранном. Пока что он не совершил ничего великого. Получалось, что он здесь находится как бы в кредит, который ему придется возвращать, хочет он того или нет.

– Есть еще легенда, в которой говорится, что в час, когда мир будет на грани, придет Избранный, уничтожит врага и укажет нам путь к спасению. Думаю, сейчас для него самое время. Лично я бы посоветовал ему поторопиться, пока еще есть что спасти.

Холодный пот выступил у Максима на лбу, несмотря на то, что в пещерке было жарко: он не припоминал, чтобы у него были какие-то необыкновенные способности или что-то вроде этого. Он представил себе выражение лица Флэйка, если тот узнает, что Максим и есть Избранный.

– Конечно, нельзя целиком полагаться на легенду и сидеть сложа лапы, – Флэйк зевнул и улегся на бок, – Но такова природа всех существ: до последнего надеяться на чудо.

Внезапно в дальнем углу норы что-то мелькнуло, что-то маленькое и быстрое. Максим покрутил головой, но ничего не увидел. Но стоило ему подумать, что ему это показалось, как из этого угла раздался жалобный писк.

– Вылезай уже. Не бойся, он свой, – сказал кот, и из темноты выкатился розовый мохнатый комок, похожий на помпончик от шапки. Помпон, тихонько попискивая, подлетел к Максиму и обнюхал его со всех сторон. Максим хотел его погладить и уже протянул ладонь, как удивительное суще-

ство вдруг отпрянуло и спряталось за Флэйка.

– Это – Розовый пушистик, – представил он друга. – Ручной. Он живет у меня уже давно. Когда у тебя плохое настроение, он разделяет с тобой твою грусть, и помогает справиться с хандрой. А когда у тебя все хорошо, он прямо светится от счастья.

– Симпатичный! – улыбнулся Максим.

– К юго-западу от этих мест Долина Грез. Там, в долине, живут Розовые пушистики. Знаешь, как они появляются на свет? Когда в вашем мире с неба падает звезда, она может исполнить любое желание. Но если звезда упадет, а желание никто так и не загадает, ее потенциал остается неисчерпанным, и она превращается в Пушистика. Над Долиной Грез ни на мгновение не прекращается звездопад, поэтому там всегда светло, даже ночью.

Флэйк перевернулся на бок, и Пушистик тотчас подкатился к нему, уткнувшись в теплый мех.

– Гномы верят, что Розовые пушистики способны приносить удачу, и даже исполнять желания. Пушистика очень сложно поймать, но, тем не менее, на них охотятся, хоть это и незаконно, чтобы потом продать, как забавную живую игрушку, – Флэйк с негодованием фыркнул, – Только это зря, потому что Пушистик не может жить в неволе, как домашнее животное. Я своего никогда не держу взаперти. Он может уйти, когда захочет. Иногда, бывает, он неделями где-то пропадает, но в конце концов всегда возвращается.

Максим надел кусочек сыра на тонкий прутик и осторожно протянул его Пушистику. Розовый помпон зашевелился и с опаской подполз поближе. Максим, наконец, смог разглядеть его: у него были большие блестящие глаза и розовенький носик, которым он методично обнюхивал сыр. Потом привередливо пискнул и взмыл под потолок.

– Не любит сыр, – прокомментировал солнечный кот. – Я его избаловал, кормил медом, и теперь он ничего другого не ест.

Флэйк встал и, обойдя костер, подошел к Максиму.

– Итак, куда ты направляешься? – деловым тоном осведомился он.

– К Белому Дворцу, – ответил Максим, – Там меня должна встретить Синяя Рыба.

– Тогда ты сбился с пути. Белый Дворец намного южнее, ты сильно забрал на запад. Утром я провожу тебя до Долины грез, а оттуда дорога почти прямая.

– Это далеко отсюда?

– Далековато. Можно было бы воспользоваться транспортером, но у меня не осталось ни одного жетона, а у тебя их вообще не может быть. Жаль. Придется идти пешком.

Максим хотел спросить, что такое транспортер, но так устал, что еле шевелил языком. Солнечный кот потянулся, распушив шерсть, и щелкнул когтем по камню, чтобы погасить огонь.

– Спокойной ночи, – проурчал он, и через несколько се-

кунд Максим услышал его мерное похрапывание.

– Спокойной ночи, – повторил мальчик, и закутавшись в куртку, моментально уснул.

Мыльные пузыри

Скрипнула, открываясь, входная дверь, и девочка оказалась в полукруглой прихожей, ярко освещенной канделябрами со множеством свечей. Мелани вошла следом за ней, плотно притворив двери, и завязав узелком плетеный шнурок, одним концом продев его в дверную ручку, а другим – в кольцо, вставленное в стену рядом с дверью.

– Так будет безопаснее, – улыбнулась она. Вике такое крепление показалось не особенно надежным, но она сочла за лучшее промолчать.

– Тебе нужно отдохнуть, – сказала Мелани, – пока ты находишься в моем доме, ты под надежной защитой. Здесь ты как за каменной стеной. Мои владения защищает мощная древняя магия, мало кому известная в наше время. Чтобы разрушить ее, нужно приложить невероятные усилия.

Мелани наклонилась к ней и еле слышно прошептала:

– Твое появление здесь не случайно. Это – еще одно звено в цепочке странных событий, происходящих в последнее время. Моих сил достаточно, чтобы уберечь тебя, Вика, от Зла, что привело тебя сюда, в Абсолют. Я чувствую, что оно преследует какую-то цель. Эта цепочка, которую, как ты говоришь, тебе подарили – один из семи Темных артефактов. Эти артефакты обладают большой силой: страшной, разрушительной силой. Уничтожить их может только еще более

могущественная субстанция, чем они сами. Но чтобы разобраться, что происходит, нужна помощь Высших. Я расскажу тебе, как найти дорогу в их резиденцию, в Белый Дворец. Но не сейчас – погода портится. Тебе придется переждать здесь.

Она поманила Вику за собой и направилась к винтовой лестнице, с перилами из полированного красного дерева, крутой спиралью уходящей вверх. На втором этаже располагался полукруглый холл, светлый и просторный. Стеклопанельная крыша мансарды дробила солнечный свет на множество лучей, наполняя все пространство прозрачной хрустальной невесомостью, отчего и без того просторное помещение казалось еще больше. Широкие двери вели, по всей видимости, на балкон. Повсюду в вазонах, горшках и горшочках росли комнатные растения – чопорные фикусы с темно-зелеными мясистыми листьями, стройные кипарисы, аристократичные пальмы, пышные папоротники с южных лесов. По стенам ползли тропические лианы, их толстые, как корабельные канаты, стебли украшали крупные белые цветки, похожие на колокольчики, источавшие дивный медовый аромат.

Мелани пересекла холл и остановилась перед открытой дверью, за которой располагалась еще одна комната.

– Ротсен сейчас далеко, и вернется не скоро, так что эта комната свободна. Чувствуй себя как дома. Можешь принять ванну, там есть все необходимое. Я приготовлю ужин, а ты пока отдыхай.

– Вы очень добры ко мне, но, – запнулась Вика, – Мне бы не хотелось доставлять вам лишних хлопот.

– Что ты! – возразила Мелани с улыбкой, – Двери этого дома всегда гостеприимно распахнуты для всех, кто нуждается в помощи, и ты не исключение. Так что тебе не о чем беспокоиться. Грош цена тому, кто творит добро ради выгоды. Настоящее добро – не *ради*, а *во имя*. Во имя дружбы, любви и счастья другого существа. Здесь, в Абсолюте, не может быть по-другому. Там, в вашем мире, все иначе, к сожалению. Но придет время, когда люди поймут, что искать корысть, совершая добрые дела – это путь в никуда.

Мелани глубоко вздохнула и сказала:

– Впрочем, это длинная история. Я расскажу тебе ее, но позже. А сейчас тебе надо знать лишь одно: ты ничем мне не обязана. Я хочу помочь тебе, потому что вижу, что ты нуждаешься в помощи, а не для того, чтобы получить что-то взамен.

Вика кивнула, и Мелани ушла вниз, оставив ее одну. Она все еще чувствовала себя не в своей тарелке без цепочки, поэтому у нее немного кружилась голова. Осторожно ступая по мягкому ворсистому ковру, девочка добралась до ванной и, войдя внутрь, застыла в восхищении.

Это была самая необычная и, без сомнения, самая лучшая ванная из всех, которые она видела. В центре пола было сделано углубление в виде кувшинки, наполненное водой. На круглом столике с высокими тонкими ножками лежало

белоснежное махровое полотенце и такой же халат. Светильниками служили хрустальные шары, размером с теннисные мячи, которые парили в воздухе над ее головой.

Стены же были сплошь покрыты узорами, полностью выложенными разноцветной мозаикой, такой мелкой, что даже с небольшого расстояния отдельные кусочки было невозможно различить и казалось, что все это нарисовано красками. Мозаика изображала четыре времени года: весенний сад с цветущей вишней и серебристыми ручьями; знойный летний полдень, когда палящее солнце стоит высоко в небе, а тени становятся такими короткими, что их почти не видно; осенний лес с золотыми деревьями и аллеями, усыпанными опавшими листьями, и морозный зимний вечер с метелью и снегопадом, в который так уютно сидеть у камина, закутавшись в шерстяной плед, и слушать древние предания и легенды об отважных героях и грозных чудовищах.

Пол тоже был выложен мозаикой, изображавшей ночное небо. Вика обошла вокруг, с интересом разглядывая незнакомые созвездия, а потом разделась и залезла в ванну.

Вода была теплой и прозрачной. Она поискала глазами что-нибудь похожее на мыло, но ничего не нашла. Тогда девочка нырнула, чтобы намочить волосы, и открыла глаза под водой. Вокруг нее плясало бесчисленное множество бликов, преломляя свет так, что контуры предметов расплывались, перетекая один в другой, создавая иллюзию безостановочного движения. Вика хотела дотронуться рукой до бортика,

но пальцы схватили воду, она потеряла равновесие и наглоталась воды. Когда она вынырнула, кашляя и стараясь отдышаться, то прямо перед собой увидела светящийся шар, один из тех, что кружили по комнате.

Шар действительно подмигнул ей, или показалось?

«Так он живой?»

Шар подлетел поближе и легонько стукнул Вику по лбу, отпружинив, как от стенки.

«Ага, он хочет поиграть», – догадалась она. Вика протянула руку, чтобы схватить шар, но тот ловко увернулся и, будто бы дразня, пролетел перед самым ее носом.

«Нет, я тебя поймаю!»

Вика сделала вид, что пытается дотянуться до шара, но как только он метнулся в сторону, она резко повернулась и схватила его двумя руками. На ощупь он был упругий и гладкий, как резина. Шару, однако, это не понравилось, потому что он сердито заверещал и попытался освободиться. Вика держала крепко, но стоило ей сжать шар чуть сильнее, как он с характерным звуком сжался, и все его содержимое вылилось прямо в воду. Шар, заметно похудевший, тут же выскользнул, возмущенно фыркнул и взмыл к потолку.

«Это же мыло!»

Вика рассмеялась. Выходит, летающие шары, которые она приняла за светильники, на самом деле флаконы с мылом?

Между тем мыло стало быстро растворяться в воде, шипя и пенясь. Через несколько мгновений пены стало так много,

что она едва не переливалась через край. Ванну наполнили жемчужные хлопья, похожие на взбитые сливки.

Вика хлопнула в ладоши, и во все стороны разлетелись мыльные пузыри, прозрачные и тонкие, как елочные игрушки. Некоторые пузыри тут же наткнулись на стены и потолок, лопнув с громким треском. Другие, повинувшись малейшему дуновению ветра, продолжали беспорядочно носиться по комнате, суется и толкаясь, пока в них не кончался воздух. Некоторые же росли, раздувались, пыхтя от натуги, и скоро уже могли летать, как им вздумается.

Один пузырь подлетел к Вике и повис в воздухе, держась на безопасном расстоянии. Вика неожиданно поймала себя на мысли, что пузырь стесняется ее, словно пузыри могут испытывать какие-либо чувства. Внезапно у пузыря проявились глазки-бусинки, выросли и тут же забавно оттопырились уши, нарисовался приплюснутый нос и рот. Рот растянулся в широкой улыбке.

– Привет! – булькнул пузырь, – Это ты меня сотворила?

Вика так и села.

– Наверное, я. А ты кто?

– Я – Мыльный Пузырь! – гордо пробулькал Пузырь, еще больше раздувшись от важности.

Вика подумала, что если бы черты его лица были более выразительны, на нем было бы сейчас написано чувство глубокого удовлетворения от собственной персоны.

– Ты разговариваешь? А почему другие молчат?

– Быть говорящим Пузырем сложно! – величественно провозгласил Пузырь таким тоном, как будто, по меньшей мере, председательствовал на Совете Директоров, – Нас рождается очень много, но тех, кто доживает до того, что обретает сознание, и может мыслить и чувствовать, единицы. Да и живем мы, Пузыри, недолго. Наш век короток, как полет падающей звезды.

– Мне очень жаль, – посочувствовала Вика.

– Зачем нас жалеть? – Пузырь удивленно крикнул, – В этом нет ничего ужасного. Когда ты знаешь, что несколько мгновений – это все, что у тебя есть, ты начинаешь ценить каждый миг, каждый вздох, так, как будто это самое дорогое сокровище на свете!

Вика сочувственно вздохнула.

– Должно быть, вы очень несчастны.

– Что ты! – горячо возразил Пузырь. – Напротив, мы счастливы! Наверное, мы самые счастливые создания на свете. У нас такая короткая жизнь, что проблем не бывает вообще. Мы даже не успеваем их заметить, а уж тем более – расстроиться из-за них. Зачем тратить время на печаль, когда его лучше использовать на что-то более позитивное? Вот я, например, сейчас разговариваю с тобой, и, признаться, меня это забавляет. Ты так необычно выглядишь, и у тебя...

Не успев договорить, Пузырь налетел на каменный барельеф на стене и лопнул.

– Что у меня? – спросила Вика, но ее вопрос повис в воз-

духе.

Баннй халат оказался таким пушистым и мягким, будто он был соткан из пены. Вика надела его, и ей сразу стало тепло и уютно. Но не успела она завязать пояс, как услышала визг и звон разбившейся посуды, доносившейся с первого этажа. На ходу собирая влажные еще волосы в пучок, девочка поспешила вниз.

– Что случилось? – спросила она, входя в просторную, ярко освещенную комнату, служившую гостиной и столовой одновременно. Но, увидев осколки разбитой тарелки на полу, виноватое лицо Кэтти и устало-возмущенное – Мелани, она осеклась и неловко закончила:

– Э-э-э... Может, вам помочь?

– Спасибо, все в порядке, – устало вздохнула Мелани и, достав из кармана пузырек с Эссенцией Гармонии, капнула одну каплю на осколки. В тот же миг они прилипли друг к другу, как намагниченные, собравшись в фарфоровое блюдо. Мелани подняла блюдо и поставила его на круглый деревянный стол, стоящий в центре комнаты.

– Вика, дорогая, пожалуйста, займи чем-нибудь мою сестру, – Мелани умоляюще взглянула на гостью. – Я одна управлюсь быстрее.

Вика обернулась на Кэтти. Маленькая проказница стояла, скромно опустив длинные ресницы, и накручивала на палец тоненькую косичку.

Играть с детьми она не умела. Не зная, с чего начать, девочка решительно взяла Кэтти за руку и отвела в сторону, перебирая в уме различные детские игры.

– Давай играть в прятки! – наконец, предложила она.

– В прятки? Это как? – Кэтти непонимающе хлопнула глазами.

– Ты прячешься, а я тебя ищу. Смотри. Я буду считать до ста, а ты должна успеть спрятаться. Если я тебя найду, я выиграла, а если нет – выиграла ты. Идет?

– Идет! – довольная, Кэтти торжествующе хихикнула, пулей сорвалась с места и исчезла в коридоре. Звук хлопнувшей двери сообщил о том, что она побежала на второй этаж.

– Ты гений! – восхищенно прошептала Мелани.

Оглядевшись, девочка с удивлением отметила, что в интерьере гостиной не было ничего острого: все углы сглажены, скруглены, будто бы нарочно, чтобы гость ненароком не поранился и не ушибся о какой-нибудь выступ. Это сразу выдавало мягкий, добродушный характер обитателей дома. Гостиная была обставлена гармонично и со вкусом: паркетный пол почти полностью закрывал пестрый ковер, на окнах висели зеленые шторы с бахромой, подвязанные толстыми плетеными шнурами с золотыми кистями, и белые тюлевые занавески. Вместо обоев стены были затянуты тканью теплых, солнечных оттенков с изображением сказочных птиц, растений и животных. На камине стоял подсвечник с зажженными свечами, круглая золотая шкатулка, инкрустированная

крупными изумрудами, и очаровательная статуэтка из белого фарфора, изображавшая пастушка и пастушку, целующихся под яблоней. Повсюду – на невысоких столиках, тумбочках и этажерках лежали кружевные салфетки, сплетенные из нитей тоньше паутинки.

Вика остановилась напротив большого овального зеркала в бронзовой раме, и посмотрела на себя. Розовый пигмент, приобретенный ею во время самостоятельного знакомства с Эссенцией Гармонии, почти полностью исчез, только самый кончик носа и уши еще оставались слегка розоватыми. Стараясь ни за что не зацепиться, девочка прошла между столом и камином и присела на краешек мягкого дивана, обитого велюровой тканью нежно-кремового цвета с рисунком из букетов роз.

Мелани сосредоточенно нарезала зелень для салата. Вертя в руках пояс от халата, Вика решила задать вопрос.

– Эти... мыльные пузыри. Они живые?

Мелани кивнула, не поворачивая головы.

– Такие странные. Они были повсюду, а потом исчезли...

Откуда они берутся?

– Пузыри – это чистая энергия в тонкой оболочке из мыла и воды. Пузыри нарождаются из положительных эмоций живых существ: когда у тебя хорошее настроение, ты радуешься, смеешься – появляются Пузыри, стоит добавить лишь немного пены. В твоём мире их не бывает. Но здесь, в Абсолюте, все пропитано магией. Здесь Пузыри могут оживать.

Но они недолговечны, потому что не могут сами усваивать энергию, а питаются только той, которая в них была заложена с самого начала. Как только запас ее заканчивается, Пузырь лопаётся. – Мелани усмехнулась и добавила, – Пузыри весьма горды и высокомерны. Они любят задирать нос, хотя почти ничего не знают – просто не успевают узнать за свою коротенькую жизнь.

– Там, в ванной, было тысячи пузырей, но заговорил со мной только один. Интересно... Почему одни оживают, а другие – нет?

– Все Пузыри изначально абсолютно одинаковы. Но у них, как и у любого существа, есть свобода, а значит, право выбора. Одни выбирают лететь, подчиняясь движению воздуха, туда, куда их несет, не утруждая себя сложными размышлениями. Им все равно, лопнут они или нет. Другие же – наоборот. Они начинают осознавать себя как существо, а не как предмет. И они *не хотят* лопаться. И если бы они могли впитывать энергию из окружающего пространства, то не лопнули бы вообще.

– Но почему все-таки, – не унималась Вика, – Одни пузыри не хотят лопаться а другие – нет? В чем причина, если они все одинаковые?

Мелани вздохнула и закатала рукава повыше.

– Это – одна из величайших тайн мироздания. Увы, но я не могу ответить на твой вопрос, Вика, потому что сама не знаю ответ.

Вика подошла к окошку и, отдернув тюлевую занавеску, посмотрела на улицу. Небо было уже не красным, а лилово-синим, и со всех сторон на него напозлали черные грозовые тучи, не предвещавшие ничего доброго.

– Ох, не к добру это, – пробормотала Мелани.

– Сейчас начнется гроза, – отозвалась Вика. Она боялась грозы, но тщательно скрывала это, даже от самой себя. Однако надвигавшееся нечто было совсем не похоже на те грозы, которые Вика успела повидать в своей жизни.

– Однако, зрелище обещает быть незаурядным, – покачала головой Мелани. – Я не помню такой непогоды за всю свою жизнь. Происходит что-то странное.

– Ты вправду так считаешь?

– Это не просто буря, – взгляд Мелани вдруг стал серьезным, – Я чувствую ярость и желание мести. Произошло что-то плохое.

Вика напряженно слушала.

– Здесь, в Абсолюте, все живое, – объяснила Мелани. – Не только птицы и звери, но и облака, горы, реки. Если нарушить равновесие, то все придет в движение, и очень сложно будет восстановить баланс. Небо плачет, потому что ему больно.

– Но кто?..

– Я знаю только одного кандидата, – проговорила Мелани, – Черный орел по имени Эриус.

Вика вздрогнула, и сердце у нее упало.

– Э-эриус? – переспросила она, стараясь унять дрожь в голосе.

– Триста равноденствий назад, – начала Мелани свой рассказ, – Абсолют был совсем не таким, как сейчас. Мы не знали бед, мы не ведали, что такое боль и страдания. Мы жили в мире, и радовались солнечному свету, дождю и ветру – всему, что дарила нам природа.

Но потом что-то изменилось, что-то сдвинулось в нашем мире, а, значит, и во всех остальных мирах, потому что все они неразрывно связаны с Абсолютом. Прошел слух, будто Хрустальный Лотос ожил.

– А что такое Хрустальный Лотос? – переспросила Вика.

Мелани рассказала ей древнюю легенду, как когда-то Синяя Рыба рассказала ее Максиму. В конце она добавила:

– Конечно, это были всего лишь слухи, но я все же думаю, что в них могла быть и доля правды. Нет дыма без огня. А если Лотос проснулся, это многое меняет. Скорпиус становится сильнее. Думаю, у него наверняка есть план, как вернуть себе все, что он когда-то потерял. И я боюсь, именно это сейчас и происходит.

Вика судорожно вздохнула.

– Никто не знает, откуда взялся Эриус. Говорят, что он сам когда-то был человеком, и проник сюда из мира людей. Другого объяснения нет, но я не склонна в это верить: никогда еще фантому не удавалось проникнуть в Абсолют *целиком*, – Мелани посмотрела на Вику, и, встретив ее недоуме-

вающий взгляд, остановилась на полуслове.

– Шерри принял меня за фантома, – вспомнила Вика.

– Фантомы – это ментальная сущность людей, которая у вас называется душой. Люди спят и видят сны, в которых попадают в удивительный мир, нашпигованный волшебством и тайнами, как рождественский гусь. Если человек верит в чудо, и у него достаточно сильная энергетика, во сне он может проникнуть в Абсолют. Но, когда он просыпается, то думает, что все это ему всего лишь приснилось.

Мелани добавила в салат зелень и принялась перемешивать его деревянной ложкой.

– Раньше фантомов было очень много. Они ошивались повсюду, прямо-таки кишмя кишели, и не мешали нам только потому, что общались в основном между собой. Но триста лет назад их число внезапно стало снижаться. Последнего фантома видели сто пятнадцать равноденствий назад, в Холмах. С тех пор фантомы больше не приходят. Возможно, это как-то связано со сдвигом миров, но, мне кажется, люди просто больше не хотят мечтать даже во сне. Это печально.

– Это все из-за Эриуса, да? Но почему вы не остановили его?

– Видишь ли, – проговорила Мелани, – Когда его еще можно было остановить, он никому не причинял вреда. А сейчас он стал так силен, что мы просто не можем поймать его. Разумеется, Эриуса неоднократно пытались изловить, но он каждый раз совершенно необъяснимым образом

ускользает прямо из-под носа. Он хитер, жесток и беспощаден. Я уверена, что эту бурю он вызвал с помощью какой-то темной магии.

Мелани вытерла руки полотенцем и взглянула на Вику.

– Не бойся, здесь ты в абсолютной безопасности. Я тебя совсем запугала! Все, садимся за стол. Кэтти! – крикнула она, – Иди ужинать!

– Ты меня так и не нашла! Я выиграла! – торжествующе выпалила Кэтти, прошмыгнув мимо Вики.

Девочка виновато улыбнулась. Стыдно было признаваться в этом, но она совсем забыла о малышке.

Это был самый чудесный ужин за всю ее жизнь: подомашнему уютный, без излишних церемоний и ненужных правил. Стол, накрытый красной узорчатой скатертью, ломился от всевозможных блюд, заманчиво дымящихся и одним своим видом вызывавших зверский аппетит. А на самой середине стоял десерт в серебряном блюде: горка земляники с белой шапкой взбитых сливок.

И все же на душе было беспокойно. Что будет, если Мелани узнает, что это Эриус привел ее сюда? И что она достаточно долгое время считала его если не другом, то по крайней мере, помощником и соратником? Она тут же решит, что Вика – предатель, что она заодно с *ним*.

Нет, теперь она будет осторожнее. Одну ошибку она уже совершила, позволив орлу навешать ей лапши на уши и заманить ее сюда. Но больше ошибок она не может себе позво-

лить. Хорошо, что она вовремя встретила Мелани, и не успела еще наломать дров.

Из вежливости Вика пробовала все, что было на столе, и очень скоро наелась досыта. Гроза за окном почти кончилась, но ливень лил вовсю, по водосточным трубам стекала вода. Капли дождя барабанили по металлическому желобу. Вика зевнула. Было уже поздно, и, несмотря на все приключения минувшего дня, ей страшно хотелось спать. Заплетающимся языком она пожелала Мелани и Кэтти спокойной ночи, и пошла наверх, в спальню, где ее ждала мягкая кровать. Рухнув на мягкую перину, девочка почти мгновенно заснула.

Долина Грез

– Эй! Проснись! Встава-ай! Да проснись же!

– Уже утро? – простонал Максим.

– Уже давно утро. Ну ты и соня! Я тебя битый час разбудить пытаюсь.

Максим с трудом разлепил веки, и увидел, что Флэйк бесцеремонно трясет его за плечо.

– Сделай одолжение, втяни когти, – зевая, Максим с остервенением потер глаза, чтобы проснуться. Все тело ныло от усталости еще сильнее, чем вчера. Забыв, что находится в пещере, он выпрямился в полный рост, и, основательно приложившись головой к потолку, охнул.

– Осторожнее, ты мне так весь дом развалишь! – проворчал Флэйк.

– Извини, – пробормотал Максим, потирая ушибленный затылок.

– Пойдем, – энергет вылез наружу и с наслаждением подставил спину солнечным лучам, – Дождь закончился.

Трава, мокрая от росы, хрустела под ногами, и очень скоро у Максима были полные ботинки воды. Они шли по зеленой равнине, на которой кое-где росли высокие акации. Небо было безоблачным и чистым, а птицы щебетали так беспечно, что Максим засомневался, действительно ли вчера была

эта буря, или ему это только приснилось. Днем, при ярком свете, все тревоги и страхи казались смешными, игрушечными. Как-то не верилось, что этому миру, такому спокойному, безмятежному и солнечному, действительно что-то угрожает.

Дорога шла под откос, и несколько раз Максим едва не поскользнулся.

– Осторожнее, не упади, – предупредил Флэйк, который бежал впереди, используя длинный хвост для балансировки. Он так напился солнцем, что его мех излучал яркое свечение, заметное даже сейчас, при дневном свете.

Акации незаметно сменились гигантскими древовидными папоротниками высотой больше человеческого роста. «Наверное, такие росли на Земле миллионы лет назад, во времена динозавров», – подумал Максим. Постепенно папоротник вытеснил все другие растения, и вскоре Флэйк с Максимом шагали по голой земле, петляя между толстых стволов. Высоко над головой качались бурые резные листья, отбрасывая на землю узорчатые тени.

Вскоре мальчик осознал, что они идут не по склону, а по ровному месту. Значит, они уже спустились в долину. Здесь было тихо; красно-коричневые папоротники, подсвеченные солнцем, создавали феерическое освещение. То слева, то справа раздавались таинственные звуки: пощелкивание, потрескивание, как в плохо настроенном приемнике. Но каждый раз, когда Максим поворачивал голову на звук,

он исчезал, появляясь с другой стороны.

Максим восторженно озирался по сторонам, жалея лишь о том, что у него нет с собой фотокамеры. В голове мелькнула мысль, что на других планетах, должно быть, такие же сказочные пейзажи. И тут же поправил себя: он и есть на другой планете, вернее, в другом мире.

– Здесь восхитительно! – начал он, но, взглянув на Флэйка, замялся: тот явно был чем-то донельзя встревожен. Нахмурившись, он беспокойно обнюхивал заросли папоротника, словно что-то искал. Когда он повернулся к Максиму, в глазах его стоял неподдельный ужас.

– Случилось что-то ужасное, – сипло пробормотал кот, – Куда-то пропали все Пушистики. Их нет, ни одного. Я не могу даже представить себе, как такое могло произойти.

– Возможно, они от меня прячутся, – предположил Максим.

– Они *никогда* не прячутся! Они не боятся никого, потому что передвигаются так быстро, что ты их все равно не поймашь.

– Значит, кто-то их поймал.

– Всех сразу?! Но это невозможно! – его состояние было близко к панике. – Здесь что-то происходит. – Внезапно он вскрикнул и прыгнул Максиму на руки, дрожа от страха. – Возможно, тот, кто это сделал, сейчас здесь. Возможно, он наблюдает за нами!

Максиму стало неуютно. Он попытался успокоить Флэйка

и ласково погладил его.

– Все в порядке. Ты же не один. Нас двое. Давай поищем вместе.

Если бесстрашный энергет так испугался, значит, дело действительно серьезное. Но он не имеет права бояться. Флэйк ищет у него моральной поддержки, и он ни в коем случае не должен понять, что Максим струхнул не меньше его. Мальчик засунул руку в карман и нащупал Орех, подаренный белкой. Орех не вибрировал. Это его немного приободрило.

С дрожащим Флэйком на руках он пошел вперед, стараясь ступать как можно тише. Папоротники потихоньку начали редеть, и Максим очутился на полянке, круглой, как блюдец. Через поляну, весело журча, протекал тоненький ручеек. А у самой воды, помятый и израненный, лежал Розовый Пушистик.

Флэйк заметил его на мгновение раньше, и с громким возгласом прыгнул вперед. Пушистик не шевелился. Солнечный кот осторожно взял его передними лапами, и сосредоточенно заурчал. Это не помогло, но он не сдавался; от напряжения воздух вокруг него раскалился до температуры ядерного взрыва, но энергет не обращал на это внимания. С его усов стекали капельки плазмы. Флэйк накачивал и накачивал Пушистика своей энергией, пока тот не ожил, издав тонкий жалобный писк.

– Он жив! – выдохнул энергет, утирая пот со лба, – Хвала

Высшим! Уф, что-то жарковато сегодня...

– Что с ним сделали? – испуганно воскликнул Максим.

– Не что, а кто! – прошипел кот. Он так разозлился, что его мех искрился, а глаза метали молнии. – Кто посмел сотворить такое? Розовые пушистики неприкосновенны! Убить Пушистика – хуже преступления не придумаешь. Убить доброе пушистое создание, которое не в состоянии никому причинить зло, которое живет только для того, чтобы приносить радость! – Флэйк отчаянно взвыл, эхо тут же подхватило его крик на сотни ладов.

– Ты можешь разобраться в этом? – тихо спросил Максим.

– Попробую, – так же тихо ответил Флэйк. – Но я не уверен. Я теперь уже ни в чем не уверен, даже в себе.

– Неправда! – воскликнул Максим, – Ты *можешь*! Ты не должен так говорить. Ты должен верить. Я в тебя верю.

Флэйк всхлипнул, и две крупные слезы упали на землю.

– Спасибо тебе, – пробормотал он растроганно, – Быть смелым и мужественным почетно, но сложно. Иногда нервы сдают даже у меня. Именно в такие моменты нам нужна поддержка друзей – для чего, собственно, они и существуют.

Максим улыбнулся.

– Я рад, что ты назвал меня своим другом.

Флэйк протянул Максиму переднюю лапу, тщательно втянув когти.

– Друзья лишними не бывают. Жаль, что сейчас наши пути расходятся, но я уверен, мы еще увидимся. Я вылечу это-

го Пушистика и постараюсь найти остальных, – он наклонил голову и бережно поднял розовый помпончик с земли. – Иди вверх, и, когда выйдешь из Долины, иди на высокую башню. От нее недалеко до Белого Дворца. Ты молодец, что не поддаешься страху и отчаянию... Прощай, Максим, человеческий сын. Передавай от меня привет СинеЙ Рыбе.

Он повернулся и скрылся в папоротниках. Максим снова остался один. Он напился воды из ручья, и съев последний бутерброд, кое-как утолил голод. Проблема отсутствия еды скоро обещала встать очень остро, но Максим решил пока не думать об этом. Может быть, он найдет орехи, или ягоды, или еще что-нибудь в этом роде. Закинув рюкзак за спину, он пошел вперед, как наказал Флэйк, внимательно глядя по сторонам, чтобы вовремя заметить опасность.

Черный орел все не шел у него из головы. Закрыв глаза, Максим живо припоминал его холодный взгляд, полный ярости и злобы. «Скорее бы уж Синяя Рыба вернулась!» – мысленно взмолился Максим. Ему надо было о многом спросить ее.

Скоро подъем закончился, потом исчезли папоротники, и его взору открылась бескрайняя равнина, расчерченная лесополосами на ровные прямоугольники – красные, зеленые, белые, золотые. «Поля», – догадался Максим.

Действительно, это были поля, засаженные различными культурами: когда он подошел поближе, то увидел, что красные поля – это мак, золотые – колосья пшеницы, на зеле-

ных полях росла кукуруза, а белые поля оказались хлопком. В воздухе стояло неумолчное жужжание насекомых, опыляющих растения. А у самого горизонта – для верности Максим посмотрел в бинокль, – виднелась та самая башня. Отсюда она была размером со спичку, но, оценив расстояние, Максим понял, что башня очень высока, гораздо выше самого высокого небоскреба.

Солнце катилось к зениту, и припекало все сильнее. Изнемогая от жары, Максим с тоской вспоминал приятную тенистую прохладу Долины Грез. Поля тянулись очень долго, но скоро и они закончились. Впереди блеснула река, и Максим воспрянул духом: перспектива окунуться в воду была заманчивой. Он ускорил шаг, и вскоре вышел на берег небольшой речки. После дождя уровень воды сильно поднялся: обычно неглубокая, сейчас река бурлила и клокотала, едва помещаясь в своем русле, так, что на противоположную сторону можно было перебраться только вплавь.

Холмы вокруг нее густо заросли плакучими ивами, печально склонявшими гибкие ветви к самой воде. Сильное течение было только на небольшом участке русла, ближе к противоположному берегу, высокому и обрывистому. С того же берега, на котором стоял Максим, как раз была большая заводь с почти стоячей водой. Здесь в изобилии рос камыш и осока, а чуть дальше белели кувшинки. Максим бросил рюкзак на песок, скинул одежду и с головой нырнул в воду.

Искупавшись и освежившись, Максим решил переждать

самый зной здесь, в густой тени плакучих ив, а заодно немного передохнуть.

По мокрому листу неторопливо ползла крупная виноградная улитка. Максим наблюдал за ней, но мысли его витали далеко. Он скучал по дому, по родному городу, по своему миру. И в то же время он понимал, что нельзя расслабляться. Слишком многое сейчас зависит от него. В том числе и его собственный мир. Мир, в котором полным-полно страдания, жестокости и несправедливости, в котором зло уживается с добром, и который, несмотря ни на что, он любит всей душой, всем сердцем.

Его родной мир.

Когда солнце начало клониться к западу, Максим стал собираться в путь. Напоследок он тщательно обшарил мелководье в поисках оранжевых водорослей, которыми накормила его Синяя Рыба. Однако их не оказалось, и Максим решил не терять времени. Он уже зашнуровывал ботинки, когда услышал крик и топот ног. Помня о нападении черного орла, мальчик бросился на землю, затаив дыхание.

– На помощь! Спасите!!

Услышав отчаянный призыв о помощи, Максим, забыв об осторожности, вскочил и побежал, вверх по течению. Здесь через реку был перекинут старый деревянный мост, покосившийся от времени. Мост не внушал доверия, но голос доносился с того берега, и Максим хотел уже было риск-

нуть испробовать переправу на прочность.

Но не успел. Потому что из зарослей боярышника на противоположном берегу вдруг появилась девочка, кинулась к мосту, и одним духом перемахнула через него, не обращая внимания на скрип старых балок. Увидев Максима, она вскрикнула, словно он был привидением, и, не успев затормозить, упала, сбив его с ног.

– Ты человек? – она внимательно разглядывала Максима, словно жилая удостовериться, что он ей не мерещится.

– Да, – он озадаченно кивнул.

– Бежим отсюда! За мной гонится Тень!

– Какая тень? – не понял мальчик.

В это время раздался громкий треск, и мостик рухнул в воду. И через секунду Максим увидел, *от кого* это их спасло – из зарослей тальника на берег выскользнул бесформенный сгусток тьмы, парящий в полуметре над землей. Это и была Тень. Ее можно было бы принять за призрак, если бы она была белой. Но тень была чернее ночи. Она меняла форму, то обзаводясь рогами, то отращивая хвост, словно еще не до конца определилась, кем желает быть. Ее нечеткие контуры дрожали и расплывались. Тень еще не уплотнилась, не материализовалась, сквозь черную массу можно было различить кусты и деревья, которые находились за ней. Сама по себе тень, без живого существа, выглядела так жутко, что по коже у Максима поползли мурашки.

Тень раздосадовано взвыла; громкий, как сирена, чудо-

вищенный звук разлетелся далеко вокруг. От этого воя мороз прошел по коже. Но, очевидно, река была для чудовища непреодолимой преградой, потому что Тень, взыв еще пару раз для порядка, повернулась и заскользила прочь.

– Что это за монстр? – первым заговорил Максим.

– Я не знаю, – девочка в страхе огляделась по сторонам, с таким видом, будто за каждым кустом прятался батальон теней. На Максима она смотрела настороженно-враждебно, словно и он мог в любой момент превратиться в чудовище с рогами и хвостом.

Радуюсь, что он теперь не один, он приветливо улыбнулся:

– Я Максим.

– Вика, – ответила девочка после небольшой паузы.

– Так ты из нашего мира?

Файер

Вике снилось, что она идет по длинному узкому коридору, слева и справа – толстые стены, сложенные из грубо отесанных каменных глыб. Здесь было холодно, как в морозильнике. Холод и камень. Шаги гулким эхом отдавались в стылом, неподвижном воздухе, отчего казалось, что по коридору шагает целый взвод. В руке она сжимала фонарик, освещавший путь на несколько метров впереди нее.

Ни дверей, ни окон. Никаких вариантов. Только вперед. Она шла, понимая, что с этой дороги не свернуть.

Внезапно налетел ледяной вихрь, свет погас, оставив Вику в крошечной темноте. Она снова и снова щелкала кнопкой, но фонарик не хотел включаться. Девочка повернула назад, но позади нее оказалась глухая стена. Тогда она побежала вперед, во тьму, и вдруг пол ушел из-под ног, и Вика провалилась в пропасть. Она все падала и падала вниз, в черную пасть бездны, так долго, что если бы все это происходило наяву, она наверняка бы достигла уже центра земли. Казалось, падение никогда не кончится...

Вика проснулась, тяжело дыша от пережитого страха. Сердце колотилось так, что готово было выскочить из груди. Через несколько секунд она осознала, что лежит в кровати, запутавшись в одеяле. Немного успокоившись, она попыталась припомнить сон, но образы расплывались, расплыва-

лись, как ветхая ткань, и уже скоро исчезли совсем. В конце концов ей удалось вызвать из памяти только смутное ощущение надвигающейся опасности, какой-то мрачной, темной силы, которая неумолимо приближалась, надвигалась, угрожая поглотить ее, растворить в себе, превратив в темную тень. Она вздрогнула, словно от холода, но усилием воли взяла себя в руки. Это *всего лишь* сон. Ночной кошмар, не более.

Светало. Было раннее утро, наверное, часов пять или шесть. Спать не хотелось, хотя вчера она легла очень поздно.

Вика выбралась из одеяла, и, потянув за шнурок, отдернула синий бархатный полог. На столике трюмо аккуратной стопкой лежала ее одежда, заботливо выстиранная и выглаженная. Вика мысленно поблагодарила Мелани за ее доброту. Одевшись, она принялась застилать постель, как двери распахнулись, и в спальню влетел большой Пузырь.

– Вика! Мелли хочет поговорить с тобой. Она послала меня привести тебя, – Пузырь раздулся от осознания собственной важности и гордости за блестяще выполненное поручение.

– Где она?

– Спускайся вниз и иди в сад. Ты найдешь Мелли там. Она велела поспешить. Хорошо, что ты уже не спишь, а то пришлось бы тебя будить.

– Хорошо, – ответила Вика, – Я сейчас приду.

Пузырь кивнул, широко улыбнулся ей, и, видя, что его миссия завершена, лопнул, щедро забрызгав кровать мыль-

ной водой.

Вика вышла на улицу, ежась от утренней прохлады. Вчерашняя буря закончилась, небо сияло безоблачной чистотой: предстоящий день обещал быть жарким. Солнце еще не встало, горизонт на востоке только начинал розоветь, а на западе еще были видны крупные звезды.

– Доброе утро, Вика, – услышала она знакомый голос.

Девочка покрутила головой, но вокруг никого не было.

– Доброе утро, – откликнулась Вика. Где ты? Я тебя не вижу.

– Я здесь. Посмотри наверх.

Вика подняла глаза к небу и остолбенела: луна, на которую она сначала не обратила внимания, *говорила* с ней. Она присмотрелась и разглядела на лунном диске черты лица, очень похожие на...

– Мелани? – изумленно воскликнула она.

– Да, это я, – ее голос доносился откуда-то издалека, и с характерным шуршанием, словно она говорила по телефону.

– Ты – Луна?..

– Я Луна этого мира. Днем я могу принимать человеческий облик, но с наступлением темноты я должна быть на небе, и исполнять свои обязанности.

– А... Кэтти – она тоже?..

Мелани кивнула.

– Кэтти – моя сестра. Но она еще слишком мала, чтобы

взбираться на небосклон каждую ночь. Иногда она сопровождает меня. Видишь, там, у горизонта?

Вика проследила за ее взглядом и увидела ярко светящийся круг, нижний край которого уже почти коснулся земли. Кэтти-луна почти завершила свой сегодняшний путь по небу. Ее диск был значительно меньше, чем у Мелани, но по яркости она не уступала старшей сестре.

– Привет, Вика! – хихикнула Кэтти. – Я тоже луна! Скоро я вырасту и стану большая, как Мелани! Смотри, как я могу! – она закружилась, как волчок, закручивая пространство вокруг себя в тугий вихрь. Вихрь рос, вертясь все быстрее и быстрее, и вскоре центростремительная сила его достигла такой мощности, что он начал втягивать в себя звезды, так, что вокруг Кэтти образовался бешено вращающийся светящийся обруч.

– Кэтти! Что ты делаешь! – воскликнула Мелани. – Сейчас же перестань. Как тебе не стыдно! Честное слово, как маленькая. С тех пор, как Ротсен пообещал ей, что когда ей исполнится семнадцать эр, он подарит ей небосвод в другом мире, она стала совсем неуправляемой. Вообразила себя взрослой. С ней больше хлопот, чем со всеми драконами Заоблачных гор.

Вика, подавив улыбку, попыталась придать своему лицу сочувствующее выражение.

«Все дети ведут себя одинаково, даже здесь», – подумала она.

Кэтти обиженно надулась, но, не решившись послушаться старшей сестры, резко остановилась. Некоторое время вихрь еще кружился по инерции, но постепенно он начал слабеть, и в конце концов остановился, разбросав звезды по всему небу.

– Я сейчас все поставлю на место, – спохватилась Кэтти, но Мелани поспешно остановила ее:

– Ой, нет, лучше не надо! Я сама этим займусь.

– Хорошо, – легко согласилась озорница, и лунный диск коснулся кромки леса, темневшего вдали. Коснулся – и исчез. Вика моргнула. В тот же момент в воздухе прямо перед ней возник огромный прозрачный шар. Шар издавал тихое гудение, похожее на гуденье высоковольтных линий. Внутри него материализовалась фигура девочки. Спрыгнув вниз, Кэтти кубарем покатила по траве, перекувыркнулась, и поднялась на ноги.

– Не рассчитала высоту, – небрежно бросила она, и хитро улыбнулась Вике. – Ну ладно, я пошла...

– погоди, – окликнула ее Мелани.

Кэтти замерла на месте и оглянулась на луну.

– Что?

– Кэт, будь добра, найди Файер.

Девочка кивнула и умчалась. Мелани повернулась к Вике.

– У нас мало времени. Слушай. Сегодня ночью я видела весьма странное явление. В небе над северным горным хребтом открытый Проход. Очень большой. Я не знаю, кто со-

здал его, но что-то подсказывает мне, что это не к добру. Видишь ли, Проход нельзя открыть, когда захочешь. Для этого нужны определенные условия, и колоссальное количество энергии. Я говорю о проходе в обычные миры. Но есть только одно место, куда проход можно открыть в любое время. – Мелани замолчала. В глазах ее стояла тревога.

– И что это за мир? – в тишине голос Вики прозвучал неожиданно громко, и она испуганно зажала рот рукой.

– Это не мир. Вернее, не *мир* в обычном понимании этого слова. Это ничейный участок пространства, пустота, вакуум. Там нет живых существ, но иногда туда попадают их мысли, страхи и сны. Не все, конечно – только самая тонкая материя. Они не могут существовать там долго, и постепенно распадаются. Но если они проникнут в наш мир, здесь они смогут материализоваться. Страшно даже вообразить, что тогда может произойти. Мне надо предупредить Ротсена и остальных. Мы должны как можно скорее выяснить, в чем дело, и мы это выясним.

– Ты расскажешь им все, что видела?

– Да. А тебе, дитя мое, следует быть осторожнее. Я не сказала тебе об этом сразу, потому что не обратила на это должного внимания, но теперь я скажу тебе, Вика. У тебя очень необычная аура. Очень сильная. Ты даже не догадываешься о своей силе, а она у тебя есть, пожалуй, даже чересчур. Совершенно очевидно, что это не случайность. В чем твоя роль, можешь знать только ты сама, но поверь мне, у тебя

есть Предназначение. Возможно, Высшим что-то известно об этом. Тебе надо найти их. К сожалению, я не смогу тебя проводить, но я покажу тебе дорогу.

На заднем дворе показалась Кэтти: она была не одна. Рядом с ней, мягко и грациозно переступая лапами, шагало красивое существо, похожее на крупного хищника. Существо было огненно-рыжего цвета, с необыкновенно длинным, приглаженным волосок к волоску, мехом, отливавшим всеми оттенками золотого и красного. Его морда чем-то напоминала лисью – изящный, тонкий профиль, раскосые миндалевидные глаза и острые уши. Но гибким телосложением, и аристократической поступью существо было больше похоже на большую кошку – пантеру или леопарда. Хвост же был, как у льва – тонкий и длинный, с пушистой кисточкой на самом конце. Были у нее и усы, между которыми с характерным потрескиванием периодически проскакивала яркая электрическая дуга.

– Пешком идти нельзя – это слишком опасно, – Кэтти бросила ей поводья, – Это упряжь для грифонов, мне пришлось ее слегка уменьшить, чтобы она пришлась впору.

Вика осторожно приблизилась к оранжевой кошке. Та повернула точеную голову и оценивающе посмотрела на девочку.

– Файер, познакомься с Викой, – сказала Мелани, – Файер – моя подруга. С ней ты будешь в полной безопасности. – Видя, что девочка с опаской смотрит на ее когти, она доба-

вила со смехом:

– Не бойся, она тебя не съест. Она только с виду такая грозная, но на самом деле добрая.

– А что она ест? – на всякий случай поинтересовалась Вика.

– Тебе об этом можно не беспокоиться. Файер питается природным электричеством, и во время вчерашней грозы она насытилась на много дней вперед, правда, Файер?

Грациозное создание встряхнуло головой, от меха полетели искры.

– Мелани хотела сказать, что я – энергетика электричества, – пояснила Файер. Голос ее был глубокий и бархатистый, богатый оттенками, как и ее мех.

– Возьми свою бутылочку и наполни Эссенцией Гармонии. Она может тебе пригодиться, – велела Мелани. – Только не пей ее больше.

Кэтти застегнула ремни и прикрепила к седлу холщовую сумку со снедью.

– Сейчас завтракать некогда, – сказала Мелани, – но я собрала тебе в дорогу немного еды. Файер, – она посмотрела на энергетку, – Сколько тебе потребуется времени, чтобы доставить Виду в Белый Дворец?

– Думаю, мы будем там к полудню, – секунду подумав, ответила она. – Если, конечно, без остановок. Одна я бы проделала этот путь в два раза быстрее, но с седоком скорость будет ниже.

– Готово, – сказала Вика, закручивая пробку бутылки.

– Садись, – Файер наклонилась, подогнув лапы, чтобы Вике было удобнее залезть ей на спину. Надеюсь, ты знакома с верховой ездой.

Вика сомневалась, что могла применить к себе понятие «знакома с верховой ездой». Она ездила верхом всего один раз в жизни: в Центральном парке, на каникулах. Это было лет пять назад. Тогда ее вез низкорослый пегий пони, которого вел под узды его хозяин. Они шагом проехали по асфальтированной дорожке два круга.

– Вика, помни, что бы ни случилось, Файер тебя не бросит. Слушайся ее во всем. И постарайся не рисковать. Сейчас происходит много такого, что заставляет всех нас пересматривать наше поведение. Но это не навсегда, поверь. Скоро все наладится. В конце концов, ничто не длится вечно. До встречи, Вика.

– До свидания, Мелани! Пока, Кэтти! Спасибо вам за все! – крикнула Вика, напоследок еще раз оглянувшись на гостеприимный дом. Она обхватила Файер за шею и сказала ей:

– Я готова!

– Уверена? Тогда держись крепче! – Файер напряжинила сильные лапы и длинными прыжками понеслась на северо-восток.

Такой скачки Вика не ожидала. Она думала только о том, как удержаться в седле и не упасть. Файер мчалась так быст-

ро, что деревья слева и справа от нее сливались в две сплошные полосы, а на резких поворотах у Вики захватывало дух. Она мысленно поблагодарила небеса за то, что не успела позавтракать перед дорогой.

Энергета и девочка ехали без остановки несколько часов, солнце уже стояло высоко в небе. Вике было бы жарко, если бы не встречный поток воздуха, бивший в лицо. Сады и цветущие луга остались позади, и теперь вокруг путников простирались холмы, поросшие высокой травой, в которой беззаботно стрекотали кузнечики. Тут и там росли купы деревьев, кое-где образуя небольшие рощицы.

Вскоре пейзаж вновь изменился: начались бескрайние поля, засаженные злаковыми культурами. Колосья уже начинали желтеть и наливаясь зерном. За пшеничным полем было поле гречихи, а за ним – еще одно, засеянное маком. Мак рос так густо, что когда головки цветков покачивались от слабого ветерка, поле было похоже на алое море, по поверхности которого то и дело пробегали волны.

Маковые поля, казалось, никогда не закончатся, но всему на свете, как справедливо заметила Мелани, когда-нибудь приходит конец, и скоро путники добрались до холмов. Здесь текла мелкая речушка, и Файер остановилась, чтобы Вика могла попить (ей самой, конечно, вода была не нужна). Девочка скатилась вниз, с удовольствием ощущая под ногами твердую землю, и немного прошлась, чтобы

размять затекшие конечности. Украдкой взглянув на Файер, она с удивлением обнаружила, что энергетга ни капли не устала. Ее силе и выносливости можно было только позавидовать.

Вода в речке была теплая, но чистая и прозрачная, как слеза, и даже, как показалось Вике, немного газированная. Девочка вдоволь напилась, и они хотели уже было вновь тронуться в путь, как внезапно кусты боярышника, росшие на берегу, зашуршали. Вика вздрогнула и прижалась к теплomu боку Файер, чувствуя кожей ее пульсирующую энергию, натянутую, как струна.

Из кустов вылетел черный орел.

Он подошел к Вике, посмотрев на нее так, словно видел в первый раз.

Файер глухо зарычала, оскалив пасть, показав два ряда острых белых зубов.

– Не приближайся ко мне, Эриус! – крикнула Вика, прежде чем птица успела что-либо сказать. – Прочь! Уходи! Ты мне не друг и не советчик! Мне не нужна твоя помощь! – для моральной поддержки она вцепилась пальцами в густой рыжий мех энергетга. – Я все знаю! Ты обманул меня. Ты злодей и негодяй!

Орел, не ожидавший такого натиска, отошел на два шага назад.

– Вика! – обратился он к девочке. – Ты должна меня выслушать. Тебе грозит опасность. Я...

– Хватит! Я уже сыта по горло твоим враньем! – ее голос сорвался на крик. – Я не верю не единому твоему слову. Даже не пытайся меня заговорить! Эти дешевые фокусы со мной больше не пройдут!

– Вика, все совсем не так, как ты думаешь! – он предпринял еще одну попытку. – Послушай...

– Чтобы ты опять опутал меня своими лживыми рассказами? – перебила Вика. – Я выбросила твою цепочку, и теперь я все вижу.

– Тогда посмотри на мою ауру внимательно, – вдруг предложила птица.

Вика озадаченно потерла лоб. Его фигуру окружали багрово-красные лучи волнения и тревоги. Вика не видела ауру Эриуса прежде из-за магического фильтра Цепочки. И все же в *этом* Эриусе было что-то странное, почти неуловимое – то, чего не было раньше. Или, наоборот, чего-то не хватало.

От раздумий ее отвлек громкий возглас Файер, полный изумления и ужаса. Она посмотрела в ту же сторону, и тут увидела нечто, из-за чего моментально забыла об Эриусе. На них медленно надвигалась темная масса, похожая на гигантскую кляксу. Она передвигалась, как амеба, все время меняя форму, и вся ее фигура непрестанно двигалась, трясясь, как желе.

– Что это? – дрожащим голосом спросила она. – Файер, *что это?*

– Я не знаю! – испуганно отозвалась Файер. – Я никогда раньше не видела ничего подобного!

Орел попытался встать между Тенью и Викой, но чудовище отбросило его, словно тряпичную куклу, и двинулось напрямик на девочку. Вика в отчаянии оглянулась вокруг в поисках какого-нибудь оружия, или чего-то, что могло бы его заменить, но Файер опередила ее, и, оттолкнув в сторону, подальше от черной тени, бросилась на нее, выпустив когти. Вика упала, ударившись головой; в ушах зазвенело, и на несколько мгновений она потеряла сознание. Когда же она пришла в себя, то увидела, что на поляне идет борьба не на жизнь, а на смерть. Файер и Тень, сплетясь в клубок, катались по земле. Черного орла нигде не было видно.

Решив, что Файер надо помочь, а не отсиживаться в сторонке, она подняла с земли длинную палку и побежала к дерущимся.

– Назад! – зарычала энергета, и Вика отпрянула. Файер уже почти одержала верх над своим противником, но тут тень вдруг стала клубиться, расти, и скоро стала в десять раз больше, чем была. Она прижала энергету к земле, окутав со всех сторон своей черной массой. Файер извивалась и дергалась в тщетной попытке освободиться, но Тень только ту же стягивала невидимые путы. С яростным отчаянием Файер кусала и когтила ее, но как можно укусить дым?

– Беги, Вика! – хрипло крикнула она.

– Файер, нет!

– Ты все равно ничего не сможешь сделать! Беги, сейчас же!

Вика попятилась назад, не в силах оторвать глаз от Файер. Она погибает, спасая ее. Сквозь слезы все происходящее выглядело смазанным, как в плохо настроенном бинокле.

– Мне ты уже не поможешь! Спасайся сама!

Так умирает энергет – когда кончается его энергия, и он не успевает подпитаться ею, он просто растворяется в воздухе, как газ или пар. Файер гасла, как лампочка, отключенная от сети, таяла в воздухе, ставясь все прозрачнее и прозрачнее, пока не исчезла совсем. Черная тень высосала из нее всю силу.

Вика схватила сумку и побежала. Так быстро она не бежала никогда в жизни. «Если бы я так бегала в школе, на уроке физкультуры, точно бы всех обогнала, даже Катюку Пенкину», – подумала она и невесело усмехнулась. Впрочем, смеяться было рано. Надо было бежать. Потому что тень, расправившись с несчастной энергетой, теперь скользила за ней, со свистом втягивая воздух. Вика чувствовала спиной исходящий от нее могильный холод, пахнувший плесенью и подвальной сыростью.

«Скорее!»

– Спасите! Кто-нибудь, на помощь! – в отчаянии крикнула она, не надеясь, впрочем, что ее кто-то услышит.

Вдруг впереди она увидела деревянный мостик, перекинутый через реку. Вид у него был весьма ненадежный, про-

гнившие доски выглядели так, что могли рассыпаться в прах от малейшего дуновения ветра, но Вика была не в том положении, чтобы воротить нос – она была рада любой переправе. Девочка прыгнула на мост, который тут же затрещал и накренился в сторону, но она уже бежала, перепрыгивая через зияющие дыры, там где доски полностью сгнили и разрушились. Вика едва успела ступить на землю, как мост позади нее с жалобным треском обрушился в воду.

Она пробежала еще метров десять, как вдруг прямо перед ней возникла фигура человека.

Человека?!!

Вика вскрикнула и упала, увлекая его за собой.

Это был мальчик, примерно одного с ней возраста. Он был слегка удивлен ее появлением, но, очевидно, не собирался нападать на нее.

– Т-ты человек? – Вика знала ответ, но после всего, что она видела здесь, в этом мире, она понимала, что он может оказаться кем угодно.

– Да, – ответил он.

Это было невероятно. Значит, она не одна, кто прошел через Ворота. Если он тоже *здесь*, значит и его кто-то привел, вернее, провел. Вика внимательно оглядела незнакомца. Мальчик выглядел усталым и голодным. Его куртка была порвана в нескольких местах и перепачкана грязью. Видимо, он долго шел пешком.

– Привет, – наконец сказала она. – Я Вика.

Мираж

Как только Мелани перевоплотилась в человека, она, не мешкая, стала собираться в дорогу, отложив все другие дела. Она переделалась в дорожное платье, взяла перчатки и шляпку. Потом подошла к шкатулке, стоящей на каминной полке, и открыв ее, высыпала ее содержимое на диван. Среди бусин и булавок лежал круглый медный жетон, размером с монету. С одной стороны на нем были выгравированы буквы «ТЛ», а с другой – герб Абсолюта – лента Мебиуса и двенадцать звезд.

Последний.

Мелани положила жетон в карман и позвала Кэтти.

– Не уходи далеко, – строго сказала она, – Гуляй только в саду, а лучше вообще не выходи из дома. Ты поняла меня, Кэтти?

Малышка, думая, что сестра все еще сердится на нее из-за недавней проделки со звездами, обиженно надула губки.

– Кэтти, дорогая, это серьезно. Я не могу все время быть рядом, чтобы успеть защитить тебя. Я не знаю, когда вернусь, надеюсь, скоро. Будь умницей. Веди себя хорошо, – она обняла и поцеловала ее на прощание и, закрыв дверь, быстрым шагом пошла в сторону фруктовых рощ.

Ближайший транспортер находился на вершине холма, в получасе ходьбы. Он представлял из себя каменный круг,

огороженный стальной балюстрадой с поручнями и турникетом-вертушкой. Рядом стоял канцелярский стол, за которым в просиженном кресле на колесиках мирно похрапывал гном-контролер. Перед ним лежал потрепанный журнал регистрации, раскрытой на пустой странице, деревянная линейка и огрызок простого карандаша.

Решив, что лучше его не беспокоить, Мелани опустила жетон в щель турникета, он щелкнул, загорелась зеленая стрелка, разрешавшая проход. Она уже протянула руку, чтобы толкнуть стальную перекладину, и войти, как услышала пронзительный вопль и громкий взрыв. Мелани вздрогнула и оглянулась на звук. С секунду она колебалась, но все же решила пойти посмотреть. Возможно, кто-то попал в беду, и ее помощь окажется кстати.

К счастью, кулон у нее на шее обладал магическим свойством делать невидимым своего обладателя. Чтобы активировать магию невидимости, нужно было повернуть полумесяц по часовой стрелке, что она и сделала. Амулет негромко щелкнул, и Мелани растворилась в воздухе. Только прижатая трава указывала на место, где она стояла. Невидимая, она поспешила на шум, стараясь ступать как можно легче.

Когда она добралась до деревьев, картина, представшая ее взору, заставила ее охнуть от страха. Над поляной на высоте нескольких метров парила Синяя Рыба, а напротив нее кружил Черный Орел, раскрыв клюв в хищном крике. Из-за клочущей ярости он казался еще чернее.

Эриус расправил крылья и ожесточенно царапнул воздух своими острыми когтями.

– Синяя Рыба! – глаза его хищно сверкнули.

– Эраст, – голос Синей Рыбы был спокойным и твердым.

– Не смей меня так называть! Ты не помешаешь мне, запомни это. Да что ты вообще можешь мне сделать! Ты слаба, как килька в томатном соусе. Мир меняется, Рыбка, и тебе пора бы уже привыкнуть к этому. Новый мир – для сильных. Для тех, кто способен держать власть в своих лапах. Не для тебя.

– Но и не для тебя, – невозмутимо ответила Синяя Рыба.

– Что?! Да как ты смеешь перечить мне! Ты не знаешь, каким я стал. Мне доступна такая магия, о которой ты даже не мечтаешь! Теперь я – верховный маг этого мира! Что может ваш Высший Совет противопоставить мне? – он вытащил перо Феникса и насмешливо ухмыльнувшись, помахал им перед самым носом Синей Рыбы.

– Ты проиграла, Рыбка, и ты должна смириться с этим. Пора уже перестать верить в сказки. В жизни иногда случаются, ммм, как бы поточнее выразиться, непредвиденные ситуации. И выйти из них победителем способен лишь тот, у кого хватит воли не поддаваться любви, жалости, сочувствию, – всем этим сопливым эмоциям.

– Ты неправ, Эраст, – возразила Синяя Рыба, – и очень жаль, что ты этого не хочешь понять.

– Я неправ?! – переспросил орел, – Ты забыла, что сво-

им существованием я обязан тебе? Один раз ты поступила так, как велела тебе твоя хваленая совесть, и посмотри, к чему это привело? Если бы ты сделала другой выбор, зло было бы уничтожено, и во всех мирах воцарился бы покой. Но ты предпочла *это*. Смерть и разрушение! Ты знаешь, что сейчас происходит в мире, из которого ты притащила сюда мальчишку? Угадай, сколько ему осталось? Ты веришь в Избранного, все вы в него верите. Глупая легенда, придуманная для того, чтобы надежда помогала вам не замечать тьму. Тьму, которая становится все сильнее, и в конце концов победит! Да, прежний порядок падет, Рыбка, и миры расколются на части. Я стану родоначальником нового мира, своего мира, и я сделаю его самым могущественным, самым совершенным! Таким мог бы стать существующий мир, если бы не твоя слабость!

Синяя Рыба вздрогнула, будто ее ударили, и как-то съежилась и побледнела. Но, собравшись с силами, крикнула в ответ:

– Нет, Эраст! Свою судьбу ты выбрал сам. Ты мог отказаться. Но ты сделал выбор, и ты не можешь винить в этом никого, кроме себя.

– Так же как и ты! – воскликнул он, – Скажи мне, что, зная, к чему приведет твое решение, ты бы не изменила его! Скажи, что ты бы не изменила его, и я не трону тебя!

– Я бы... не изменила... решение, – с трудом выдавила Синяя Рыба. По исходившему от нее бирюзовому свечению

Эриус понял, что она не врет. Очевидно, он не ожидал этого, потому что в ярости щелкнул клювом.

– Твой Избранный умрет, также как и девчонка. Но перед этим они сделают кое-что для меня. И ты *не сможешь* этому помешать, – он хлопнул крыльями, сделав вид, что хочет напасть на Синюю Рыбу. Она отпрянула в сторону, и Эриус пролетел мимо.

– Ты не причинишь им вреда! – твердо отчеканила Рыба, – Если хоть один волосок упадет с головы Максима, ты об этом пожалеешь. А сейчас ты отдашь мне Перо Феникса и уйдешь отсюда.

Эриус прищурился.

– Хорошо, – вдруг сказал он, – Я ухожу. Забирай свое Перо, оно мне больше не нужно, – и, бросив артефакт, сделал вид, что улетает. Перо медленно кружась, стало опускаться на землю.

Синяя Рыба подхватила Перо, но как только она до него дотронулась, черный вихрь закружился вокруг нее, и вдруг ее тело стало меняться. Плавники вытянулись и превратились в крылья, вместо синей чешуи выросли черные перья, и там, где минуту назад была Синяя Рыба, сидел безобразный черный орел. Несчастливая Рыба попыталась произнести контрзаклинание, но вместо нежных певучих звуков из ее горла вырвался хриплый орлиный крик.

А напротив него в воздухе парила Синяя Рыба, и чешуя ее отливала перламутром на солнце.

Лже-Рыба торжествующе захохотала.

– Ловко придумано, не правда ли? Кто теперь поверит тебе? Теперь ты – Эриус, злодей номер один, и не удивлюсь, что за твою голову будет назначена награда, когда Совет узнает, кто создал брешь в Безымянный мир. Прости, но мне пора. Кстати, в твоём теле намного удобнее, чем я думал. Прощай, Эриус!

Этого Мелани вынести уже не могла. Она выскочила на поляну и набросилась на Эриуса.

– Негодяй! Мерзавец! Да как тебя земля носит!

– Нет! – закричала Синяя Рыба. – Мелли, не надо!

Мелани выхватила из-за пояса магический жезл и направила на Лже-Рыбу.

– Жезл не заряжен, – широко улыбнулся Эриус. – Не думаю, что мне что-то угрожает, – и он полетел к транспортеру. Мелани помчалась за ним, но Эриус летел быстро – обличье Синей Рыбы давало ему преимущество в скорости.

– Спасибо, что активировала для меня транспортер. Это так щедро с твоей стороны! Надеюсь, это было не слишком накладно, – он завис над каменным кругом, и крикнул «Вперед!» Круг завертелся по часовой стрелке, и совершив полный оборот, глухо шелкнул, разделившись на две половины, которые разъехались в стороны.

– Предупреждаю тебя, лунная фея. Не пытайся рассказать кому-нибудь о том, что видела. Тебе же не нужны лишние проблемы? Прощай.

Из земли вырвался ослепительно яркий столб света, и Эриус исчез. Гном-охранник даже не пошевелился, только всхрапнул и что-то пробормотал во сне.

Мелани в отчаянии сжала холодные железные перила. Неважно, как, но ей надо успеть в Белый Дворец раньше него. На поляну, спотыкаясь, вышел орел, и с тревогой посмотрел на Мелани:

– Тебе не надо было этого делать. Теперь он *знает*, что ты в курсе.

– Я хотела спасти тебя, – Мелани зарыдала и прижала к себе черную птицу. – Что же будет с нами? Это был последний жетон. Теперь транспортер бесполезен!.. – Она подняла голову и оцепенела. Со всех сторон надвигались какое-то темные тени, их было несколько десятков, а, может, и больше. Тени скользили над землей, и было очевидно, что их намерения не самые дружелюбные.

– Вика, – прошептала она, – Она ничего не знает.

– Я найду ее, – пообещала Синяя Рыба. – А тебе надо спешить.

– Но как?

– Даниту, – ответила Рыба.

Мели вытерла глаза, и лицо ее прояснилось.

– Верно! Дан услышит мой голос хоть с другого края света!

– Зови! – велела Синяя Рыба, – Я отвлеку теней. Мелани подняла голову, и, сложив руки рупором, крикнула в небо:

– Элита сэнти о Даниту, бэт рио шантре! – что означало: приходи ко мне, Даниту, где бы ты ни был!

Эхо повторило ее голос, и разнесло по всему пространству в небесах, на земле и под водой. Мелани ждала, напряженно осматривая небосвод. Когда на юго-западе появилась едва заметная точка, она облегченно вздохнула. Точка стремительно приближалась, послышалось хлопанье огромных крыльев, и белоснежный конь приземлился на поляну.

– Мелли, – он наклонил голову в приветствии.

Мелани обняла его, зарывшись лицом в пышную золотую гриву.

– Дан! Спасибо, что пришел!

– Тебе нужна моя помощь? – спросил он, взмахнув хвостом.

– О да, – Мелани всхлипнула, – Случилось нечто ужасное. Мне нужно как можно скорее увидеть Ротсена.

– Можешь на меня положиться, – темная тень скользнула в кусты, и Дан проводил ее мрачным взглядом. – Боюсь даже предположить, откуда взялись эти монстры. На меня утром напал один из них. Это было на западе, у Великой реки. Я прогнал его, но победа далась мне с трудом. Он был всего один. Не знаю, смог бы я справиться, если бы их было больше.

– Все равно у этих чудовищ есть слабое место. Мы найдем оружие против них, обещаю. Летим скорее!

Дан расправил крылья, и, разбежавшись, оторвался

от земли и стал быстро набирать высоту.

Некоторое время им еще было видно происходящее внизу: черные монстры, суетясь, пытались схватить Синюю Рыбу, которая двигалась так быстро, что за ней было почти невозможно проследить. Тени беспорядочно металась то влево, то вправо, поминутно наталкиваясь друг на друга. Но скоро они поднялись так высоко, что земля превратилась в одно зеленое пятно, и различить отдельные предметы было невозможно.

Мимо проплывали облака, далеко-далеко на севере стали видны заснеженные горные пики. Ярко-синей лентой внизу змеилась Великая река; отсюда она была не шире горного ручья.

Скоро на юге показались зубчатые башни Белого Замка, их островерхие крыши были увенчаны тонкими шпилями, флаги гордо развевались на ветру. С такого расстояния замок казался игрушечным.

– Мы почти на месте! Снижаемся! – Дан повернул голову к своей наезднице, пытаясь перекричать шум ветра.

– Так быстро? – поразилась Мелани. По ее расчетам, до Белого замка оставалось не меньше часа езды.

Конь приземлился на зеленый газон, и Мелани спустилась на землю. Вокруг было подозрительно тихо.

– Ротсен! – крикнула она. – Лия! Эрсимер! Кто-нибудь!
На крик никто не отозвался, и Мелани обернулась к Дану.

– Сегодня Совет. Где все?

Крылатый скакун подозрительно огляделся по сторонам.

– Думаю, нам лучше зайти внутрь, – покачал головой он.

Мелани побежала вперед, но сзади послышалось рычание, и на поляну вылетел дракон. Она был размером с двухэтажный дом, бронированная чешуя надежно защищала его тело, из ноздрей шел дым. Длинным хвостом он хлестал себя по бокам – расценивать этот жест как дружеское приветствие можно было лишь с очень большой натяжкой.

– Мелли, осторожнее! – быстро произнес Даниту и, неуверенно переступая копытами, попятился назад.

– Ты что, Дан? – она удивленно оглянулась на него, – Это же Рикки! Рикки, ты меня не узнал?

Дракон угрожающе зарычал.

– Рикки, что с тобой? – теперь уже и Мелани почуяла неладное.

– Ничего. Просто он теперь служит мне, – сказал Эриус, выплывая из дверей замка. Он посмотрел на Мелани бесцветными рыбьими глазами.

Мелани ахнула, но Эриус взмахнул хвостом и выкрикнул три слога заклинания. Тотчас же мощная сила придавила ее к земле, и она упала, не в силах пошевелиться.

– Неплохо придумано, да? – усмехнулся Эриус и кивнул на мнимый замок, возвышавшийся за его спиной. Мираж, – он хлопнул плавниками, и тяжелые каменные стены растворились в воздухе, словно они были из дыма. Белый Дворец

исчез. Потому что здесь его никогда не было.

– Это еще не все сюрпризы, – продолжал Эриус, – Рикки не единственный дракон, который благоразумно перешел на мою сторону. Отныне мне подчиняются почти все драконы. И это лишь первый шаг. Скоро ко мне присоединятся и остальные. Тех же, кто посмеет отказаться, ждет ужасная участь, и я им не завидую. Итак, выбор прост: признать меня высшим магом и верховным правителем Абсолюта, или умереть, – Эриус многозначительно посмотрел на Даниту, обездвиженного заклятием, и повернулся к Мелани.

– Что касается тебя, милая, я тебя предупреждал. А дважды я не повторяю. Ты совершенно возмутительным образом проигнорировала мои слова. Такое поведение недопустимо в новом мире, который я начал строить. Ты слишком много знаешь, и если тебя оставить на свободе, ты будешь мне мешать. Так что приходится принимать превентивные меры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.